

Клеопатра Атанасиу-Попеско — известный психоаналитик, член Парижского Психоаналитического общества (SPP) и Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA), автор множества книг и статей, посвященных истокам и развитию психического пространства. В своих работах она опирается на богатейший опыт клинической работы в качестве детского и подросткового психоаналитика, а также на опыт наблюдения за младенцами по методу Эстер Бик.

Доктор Атанасиу-Попеско систематизирует, разжевывает до мелочей ход работы детского психоаналитика (от первой консультации до окончания). На самом деле это учебник по технике психоанализа детей, и при этом Доктор Атанасиу-Попеско щедро делится опытом.

Ирина Сизикова, научный редактор (Европейская Психоаналитическая Федерация (EPF), Международная Психоаналитическая Ассоциация (IPA) и Московская Группа Психоаналитиков (МГП), психоаналитик для взрослых и детей.

Эта замечательная книга будет интересна не только специалистам, психологам и психоаналитикам, но и широкому кругу читателей, прежде всего родителям. Из увлекательных примеров из клинической практики автора, работающего в традиции Мелани Кляйн и Эстер Бик, они узнают о том, что детей нужно не просто любить и воспитывать, но и уметь «контейнировать», то есть устанавливать границы между неудержимой экспансией ребенка и внешним миром и другими людьми. А понимание того, что подобного «контейнирования» не хватало

в детстве, в свою очередь поможет взрослым разобраться в их нынешних психологических проблемах.

Инна Кушнарёва, переводчик

ISBN 978-5-88230-256-5

9 785882 302565

Клеопатра Атанасиу-Попеско

Техника детского психоанализа

Клеопатра АТАНАССИУ-ПОПЕСКО

Техника детского психоанализа

Cléopâtre Athanassiou-Popesco

**La technique en
psychanalyse d'enfant**

Edition Popesco

Paris, 2009

Клеопатра
АТАНАССИУ-ПОПЕСКО

*Техника детского
психоанализа*

Институт общегуманитарных
исследований

Москва
2015

УДК 615.8
ББК 53.57
А 24

Клеопатра Атанассиу-Попеско

ТЕХНИКА ДЕТСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА: — М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015 — 176 с.

Перевод с французского *Инна Кушнарёва*

Научный редактор *Ирина Сизикова*, член Европейской Психоаналитической Федерации (EPF), Международной Психоаналитической Ассоциации (IPA) и Московской Группы Психоаналитиков (МГП), психоаналитик для взрослых и детей.

Эта замечательная книга будет интересна не только специалистам, психологам и психоаналитикам, но и широкому кругу читателей, прежде всего родителям. Из увлекательных примеров из клинической практики автора, работающего в традиции Мелани Кляйн и Эстер Бик, они узнают о том, что детей нужно не просто любить и воспитывать, но и уметь «контейнировать», то есть устанавливать границы между неудержимой экспансией ребенка и внешним миром и другими людьми. А понимание того, что подобного «контейнирования» не хватало в детстве, в свою очередь поможет взрослым разобраться в их нынешних психологических проблемах.

Эта книга посвящается Ливиу

*Хочу также от всего сердца
поблагодарить госпожу Анник Симон
и Доринду Отеро*

ISBN 978-5-88230-256-5

© Институт общегуманитарных исследований, 2015

Предисловие

Писать книгу о технике детского психоанализа — занятие непростое. В самом деле, разве мы можем уклониться от постоянных мыслей о значении того, что мы делаем, и, соответственно, от корректировки нашей психоаналитической работы в зависимости от этого значения? Мне кажется, что не можем. Именно поэтому метод выступает руководством, «страховкой», которая позволяет нам коснуться безумия инфантильного всемогущества, но не погрузиться в него, но лишь при том условии, что мы знаем, как выяснить, служит ли наша техника пониманию пациента и ходу терапии или же мешает этому.

Я считаю, что всем нам, психоаналитикам, в психоаналитической работе с нашими пациентами, как с детьми, так и со взрослыми, нужна определенная рамка, метод, наконец, техника, которые позволяют взяться за эту работу. И, конечно, в мои намерения не входит предложить монолитную технику, которая бы несла в себе отзвуки диктата со стороны Сверх-Я. Это могло бы лишь помешать работе психоаналитика, задача которого свободно мыслить и связывать работу своей собственной психики с психикой пациента.

Писать работу о технике в психоанализе — это вызов, который редко кто принимал. Совокупность размышлений, предлагаемых мной в этой книге, не обладает никаким окончательным значением и остается, скорее, приглашением поработать с ними. Только так и не иначе движется вперед наука. Именно постоянная проверка ее оснований порождает открытия. И учителя, которые были у нас, действовали точно так же.

Я отдаю здесь дань уважения тем, кого я знала, с кем работала и у кого научилась столь многому. Прежде это Эстер Бик, которой я обязана знакомством с открытым ею миром психической двухмерности, который, по моему мнению, позволит нам понять множество явлений, до сих пор остававшихся необъясненными. Это открытие способно повлечь перестройку всего предшествующего корпуса психоаналитической теории.

Моя благодарность Д. Мельцер и М. Харрис, которые в равной мере смогли углубить исследования М. Кляйн, посвященные проективной идентификации. Наконец, И. Бреннан, С. Исаак Эдмхерст,

Дж. Гэмилл и И. Виттенберг — все они щедро делились со мной своим опытом.

В этой книге я нередко цитирую тех, с кем была знакома только через их тексты, — З. Фрейда, М. Кляйн, У. Р. Биона — дабы подчеркнуть основания техники, заложенные ими. Однако их пример заставляет нас подумать о том, что всякая техника способна развиваться в зависимости от производимых ею эффектов. Если это свойство всех видов техники, то тем с большей уверенностью это можно сказать о технике психоаналитической, поскольку ее предмет не подлежит какой бы то ни было стандартизации, ведь речь идет о том наиболее интимном отношении, которое может быть у человека только с самим собой.

Разве могут существовать неизменные правила проникновения в мире человека или ребенка? Об этом говорил Гамлет, обращаясь к Гильденстерну: «По-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете»¹.

Техника служит не манипуляции пациентом, а, напротив, выстраиванию рамки, которая позволит его мысли свободно развиваться. Речь о технике, вскормленной наукой и искусством, поскольку она должна приспосабливаться к личности и патологии каждого. Здесь мы сталкиваемся с парадоксом, поскольку, с одной стороны, нам необходимы ограничения, заданный техникой, а с другой — нам нужна полная свобода, поскольку именно ее требует всякое творческое начинание. Если вспомнить слова Фрейда из его работ по технике, то мы имеем дело с предметом, который сводит на нет всякие описания: «Тот, кто рассчитывает по книгам научиться благородной игре в шахматы, немедленно обнаружит, что только начальные и завершающие маневры можно схематически описать, в то время как ее огромная сложность сразу после начала партии не поддается никакому описанию»².

Однако техника нужна психоаналитикам на протяжении всего психоаналитического лечения. Мы могли бы сравнить ее со средствами, позволяющими нам получать все более совершенные инструменты, благодаря которым, в свою очередь, углубляется клиническая практика, что, соответственно, ведет к перестройке теории.

1 Перевод М. Лозинского.

2 Freud S. (1913) De la technique psychoanalytique. A. Berman (trad.). Paris: PUF, 1970.

В психоанализе теория питает клинику, которая через используемую технику позволяет практикам развивать теорию. Мы надеемся, что это развитие будет продолжаться по мере умножения встреч пациентов, как детей, так и взрослых, с их психоаналитиками. Ведь именно пациенты указывают нам, в какой мере обоснована техника, используемая нами при работе. Знаете, детей невозможно провести, они не позволят рассказывать себе сказки, ибо, им хорошо известно, что они страдают, и как именно встреча с аналитиком облегчает это страдание.

Любая техника является результатом опыта, о чем как раз и свидетельствует эта книга и, все же, речь идет только о «фотоснимке» актуального состояния позиций моего опыта, который я надеюсь углубить благодаря продолжению собственной практики.

Постоянные переходы от технических правил к клиническим примерам, которые иллюстрируют их и пытаются доказать их обоснованность, позволят, как я надеюсь, представить эту книгу в качестве основы для размышлений всех психоаналитиков и тех психологов и врачей, которые стремятся облегчить страдание ребенка посредством психоаналитической техники. В действительности, не существует метода без техники. Но до сего момента мы редко говорили о технике детского психоанализа, да и психоанализа взрослых тоже, даже если нам так не казалось.

Со времен Фрейда психоаналитическая теория стала предметом множества публикаций; то же, хотя и в меньшей степени, относится и к клинике. Однако техника анализировалась редко. Быть может, мы боимся поставить под вопрос тот путь, который мы выбрали, чтобы достичь того или иного результата? Все происходит так, словно бы в технических обсуждениях осмыслились не столько правила, сколько наше собственное функционирование, которое дает о себе знать в том, как мы обращаемся с этими правилами. Почему в такой-то момент лечения ребенка мы сочли нужным проинтерпретировать перенос, нарциссизм и т.д. маленького пациента? Почему мы медлили с приемом родителей? Почему терпели ту или иную ситуацию, в которую поставил нас ребенок, не имея возможности отреагировать на нее? Почему позволили ему манипулировать рамкой лечения (как внешней, так и внутренней)? Перед психоаналитиком также встает множество других вопросов, какой бы у него ни был опыт — большой или маленький.

Эта книга предназначена всем психоаналитикам детей или взрослых. разве психоаналитику, занимающемуся взрослыми, которому нужно уметь увидеть во взрослом ребенка, не будет полезно внимательнее ознакомиться с тем, что позволяет общаться с ребенком? Что касается психоаналитиков детей, они найдут в этой книге поводы для размышлений и критики (в хорошем смысле этого слова) как их собственной практики, так и той, что описывается в этой книге.

Однако первыми читателями этой книги являются психоаналитики, которые только начинают практику с детьми. И прежде всего я обращаюсь именно к ним, основываясь на своем опыте — не только как детский психоаналитик, но и как супервайзер детских психоаналитиков. Поскольку я руководила семинаром по технике в школе подготовки детских терапевтов (AFPPEA), мне пришла в голову мысль представить в письменном виде всю ту информацию, которая была востребована слушателями. Так что польза от этих размышлений о технике определяется не только моей клинической деятельностью, но также и деятельностью моих учеников: многие из них рассказывали мне о том, какие преимущества они обнаружили, когда стали придерживаться предложенных рекомендаций касательно рамки лечения, выстраивания отношений с родителями, методов вмешательства или интерпретации и т.д.

Трудно найти такие базовые сведения, которые сами по себе не охватывали бы всего образования детского психоаналитика (ведь для этого требуется длительный личный психоанализ и обучение в специальных институтах), но позволяли бы молодым психоаналитикам не запутаться в тех дебрях, в которые заводит отсутствие технических правил.

Это не значит, что практика психоанализа ребенка может на начальных этапах обойтись без контроля со стороны супервайзера. Если начинающий психоаналитик в целом доверяет советам своего супервайзера, он может считать эту книгу базовым ориентиром, приглашающим к дискуссии как с ним, так и с коллегами. Не может быть никаких абсолютных правил в том, что относится к аналитической практике, и я попыталась прояснить в этой книге причины принятия того или иного правила, относящегося, например, к выстраиванию рамки. Поэтому мне показалось весьма полезным предложить одну рамку, используемую на протяжении всей книги, хотя каждый и может ее перестраивать в соответствии со своими соображениями и школой, в которой он обучался. Важно, чтобы та-

кая перестройка, если она понадобится, обосновывалась бы аргументами, которые сочетаются с теми аргументами, которые послужили моим собственным тезисам или противопоставлялись бы им. Разве не так же обстоит дело с техническими правилами, используемыми в психоанализе ребенка? Это замечательно, если психоаналитик понимает, что анализ не самоцель, что он нужен только для развития мысли ребенка.

В силу рассматриваемого в этой книге предмета читать ее главы последовательно не обязательно. Можно обращаться то к одной главе, то к другой, в зависимости от того, какая проблема интересует читателя — проблема рамки, первых встреч, отношений с родителями, интерпретации и т.д.

Хотя эта книга не имеет формы словаря, она позволяет напрямую обратиться к нужной теме.

Я надеюсь, что этот первый подход к щекотливой теме техники — щекотливой в той мере, в какой мы начинаем разбирать все подробности наших вмешательств, — будет впоследствии подхвачен другими, дополнен и углублен. Я надеюсь, что он будет критиковаться в целях его совершенствования, поскольку в том, что касается проблемы техники, ничто не мешает поменять одну технику на другую. Главное — прийти к той, которая допускает наиболее благоприятное развитие психоанализа, то есть дает возможность трансформировать бессознательные несимволизируемые психические элементы в элементы сознательные, символизируемые и символизированные.

В заключение я хочу поблагодарить всех моих маленьких пациентов, всех моих учеников и коллег, без которых было бы невозможно проверить технические размышления, представленные в этой книге.

Часть первая. История и специфика детского психоанализа

А. Вопрос о технике

Я хотела бы начать эту книгу с размышлений о природе техники в ее отношениях с психикой, потому что ее название включает в себя одновременно термины «техника» и «психоанализ». Эта книга, таким образом, посвящена психике во всей полноте ее функционирования.

Принято говорить о науке и технике, о достижениях человеческой мысли, разделяя два этих понятия и одновременно полагая, что техника происходит от науки. С этой точки зрения, знание предшествует его применению. Не обращаясь к вопросу об истоке, который, как показывает пример курицы и яйца, найти невозможно, мы можем утверждать, что именно потому, что у человека есть руки, он может заниматься резьбой по камню. Но, с другой стороны, именно потому, что он распрямился, он смог отвести руки от лица и освободить зрение. Вместе с бинокулярным зрением появляется дистанцированное знание, позволяющее человеку задумываться о трансформации материи, которую он обрабатывает своими руками. Условия жизни, позволяющие также спуститься с деревьев, тем не менее, не объясняют адаптацию к постоянному прямохождению.

Двигатель эволюции, который заставил перейти из животного состояния, в котором инстинкт подчиняет себе мышление, к состоянию, в котором, наоборот, мышление управляет инстинктом, находится не только во внешнем мире. Этот двигатель сформировался в результате встречи между внешней реальностью и внутренней динамикой: предок человека стал полагаться на инструментальные технологии в тот самый момент, когда стал хоронить умерших и строить мир представлений, через который внешняя жизнь «отражается» во внутренней. Внутреннее и внешнее начали резонировать друг в друге не только в силу телесной адаптации, необходимой для выживания во внешнем мире, но также в силу все большего различия того, что располагается внутри, и того, что располагает-

ся снаружи. Трудно сказать, есть ли такое различие у животного. Если внутренний мир человека — пещеру, прекрасный пример которой, явленный во внешнем мире, дают нам доисторические гроты — можно исследовать, то что же можно сказать о внутреннем мире животного? Стены гротов, возможно, рассказывают нам о магических обрядах, при помощи которых человек желал повлиять на мир, или же хранят изображения внешнего мира, — так или иначе надписи в них уже свидетельствуют о глубокой связи, существующей между появлением техники и возникновением репрезентации.

Необходимо согласиться с некоторой пространственно-временной дистанцией между замыслом, идеей и ее осуществлением, чтобы можно было помыслить технику, позволяющую связать их вместе. Если мы задумаемся о технике охоты у животных, можно предположить, что должна существовать пространственно-временная дистанция между ощущением голода и восприятием добычи, чтобы возникла техника, позволяющая эту добычу поймать. Но животное рождается с этой техникой или же со встроенной в него программой, позволяющей пускать такую технику в дело. Однако существуют виды, обучающие своих детенышей технике полета и охоты. Можно ли в этом случае говорить о передаче техники? Кажется, что здесь налицо элементы, позволяющие определить, чем является обучение технике у человека: применением ряда средств для достижения цели.

Вернемся по этому случаю к термину «техне» (*τέχνη*). Этот термин у греков указывает на умение что-либо сделать; речь идет о ловкости рук — искусстве обработки металла, строительства корабля. «Техне» — это профессия, ремесло. Чтобы лучше описать значение «техне», давайте разберемся, что ей противопоставляется: «аутофюэс» (*αὐτοφύης*). Когда речь о производстве, «аутофюэс» означает, что это производство происходит именно из той страны, о которой речь. Следовательно, этот термин отсылает к тому, что растет или образуется само собой, как шерсть на животном, в ходе естественного процесса в противоположность тому, что было сделано руками человека или посредством труда, производящего некоторый «искусственный» результат. Так, внешний вид человека, самородное золото, дикие растения — все это относится к «аутофюэсу». В словаре Байи приводится пример «холма, не изрезанного шахтами»; ауто-фюэс (*αὐτο-φύτος*) отсылает к производству, кото-

рое происходит само по себе в отличие от производства путем обмена или торговли.

Этих противопоставлений достаточно, чтобы мы могли уточнить значение «техне». «Аутофюэс» — это естественное порождение, которое не нуждается в техне. Тут же вспоминаются естественные формы, которые принимают куски дерева, формы, случайно произведенные природой, которым мы затем приписываем ценность произведения искусства. Винникотт³ любит приводить эти примеры (отсюда его собственная техника *squiggle*, каракулей), чтобы подчеркнуть зависть, которую может вызвать художественный гений, которому, с этой точки зрения, не требовалось трудиться, чтобы создать произведение, превосходящее то, на создание которого было затрачено много усилий, но которое все равно уступает первому в качестве.

Размышления о технике, на мой взгляд, должны затронуть разрыв, существующий между замыслом и его реализацией: между двумя этими моментами происходит осознание внешней реальности и средств, которые нужно применить, чтобы добиться того, к чему стремится наш дух.

Дети с нарциссическими нарушениями часто испытывают трудности с рисованием, поскольку, что бы они ни нарисовали, нарисованное тут же осуждается требовательным идеалом Я, потому что никогда не соответствует тому образу себя, который они создали. Они считают себя гениями, но, когда садятся рисовать, видят, что перед ними всего лишь гениальные черновики.

Любой черновик подразумевает постоянно повторяющуюся работу, которая включена в обучение технике. Во время такого обучения приходится вступать в отношения с другими людьми, вот почему «техне» противопоставляется «аутофюэсу» самопроизводства. Мы готовы к тому, что «техне» включает в себя идентификацию с человеком, который учит своей технике. «Аутофюэс» же, наоборот, — самопорождение, связанное с фантазией о полной независимости от кого бы то ни было.

Чтобы достичь «доблести» — *arete* (*αρετή*) у греков — придется, что называется, «попотеть». Талантов недостаточно, необходимо еще уметь их «применить», сделав «усилие», *ponos* (*πόνος*). Ксе-

3 Winnicott D.W. Objets transitionnels et phénomènes transitionnels // De la pédiatrie à la psychanalyse. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1969.

нофон⁴ противопоставляет заученную технику сократической майевтике, и здесь мы находим описанное выше противопоставление того, что зарождается само собой, тому, что достигается при помощи мастерства. Применительно к сельскому хозяйству говорится, что в нем нет «техне». Достаточно быть внимательными и приложить усилия, потому что земля «не поддается на уговоры, но со всей простотой, не скрываясь и не обманывая, показывает, на что способна». Она отдает нам свои секреты. Искусство, даже хитрость, которые в «Прометее прикованном» Эсхил⁵ мог связывать с «техне», в этом случае ничего не значат. В сельскохозяйственном успехе участвуют «божественные» силы, тогда как ремесленнику приходится рассчитывать только на технический или инструментальный аспект своего труда.

Мы видим, как в этом противопоставлении вырисовывается разделительная линия между тем, что имеет «божественное» происхождение, и тем, что исходит от инструмента, несущего уничижительные коннотации в сравнении с «божественным». Анализ этого вопроса привел нас к заключению, что это противопоставление — всего лишь видимость. Независимо от того, предстает ли перед нами нечто в виде «божественного» откровения — в том смысле, в котором природа раскрывается перед нами в сельском хозяйстве — или же в виде инструментальной конструкции, у нас все еще нет понятия об отношении творчества. Ни в том, ни в другом случае мы не видим встречи человека и объекта применения его техники, из которой могло бы родиться производство, сопоставимое с появлением новой жизни. Напротив, в случае божественной силы производство предшествует труду человека, а в случае инструментализации человеческого действия производство, пусть оно и следует за этим действием, все равно остается лишенным божественного вдохновения.

Миф о Прометее, занимающий центр размышлений о технике, позволяет нам углубить это понятие. В «Прометее прикованном» Эсхил показывает ужасную месть Зевса тому, кто его обманул. Но кто такой Зевс и что в данном случае представляет титан Прометей? Зевс — тот, кто существует за пределами всякой конечности.

4 Цит. по: Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990. P. 280. Note 27.

5 Эсхил. Прометей прикованный // Трагедии. М.: Художественная литература, 1971.

Он бессмертен, и ему глубоко безразличны судьбы людей, тогда как титан Прометей, который смертен, хочет помочь людям сжиться с их конечностью. Помочь людям пережить факт своей конечности — значит помочь им принять ее. У бессмертных дела обстоят так, словно бы границы, которые кладет время и пространство и к существованию которых помогает приспособиться техника, находятся вне их поля зрения. С учетом этих замечаний позволю себе предположить, что Зевс в сопоставлении с Прометеем — это представитель *нарциссического Я*, столкнувшегося с *Я-реальностью*, существование которого его травмирует.

Зевс — божество, вышедшее из эволюционной линии, которая посредством первородной кастрации позволила отделиться от Урана, бога, который не мог отстраниться от своей жены Гайи, а затем посредством второй кастрации, оральной, — отделиться и от Хроноса, бога, пожирившего своих детей. Каким образом Зевс, априори являющийся носителем отцовской силы, который устанавливает дистанцию между мирами, в то же самое время может быть представителем нарциссического всемогущества, чья нетерпимость проявляется в том, что человеку он готовит долю совершенно бесполезного существа? Это изнанка проблем, поставленных «Прометеем прикованным».

По легенде, Прометей хотел обмануть Зевса, представив ему на пиру явства, чей внешний вид маскировал их внутреннюю сущность. Зевс хотел наказать Прометея за само это намерение, потому что тот не обманулся видимостью и в этом испытании проявил себя как тот, кому известна скрытая сторона вещей и от чьего всезнания не может укрыться материя в ее прозрачности, равно как не может укрыться время и его вечность. Прометей особым образом разделал животное: те его части, которые были предназначены для того, чтобы накормить людей, он обернул отталкивающего вида кишками, неприятными на вкус, тогда как несъедобные части, кости, обмазал вкусным салом. Человек должен питаться мясом, кости ему ни к чему. В результате Зевс принял роль того, кому не нужно есть, оставив эту низкую потребность слабым людям. Потребность связана с техникой, позволяющей ее удовлетворить. Зевс ведет себя как лишенное тела *нарциссическое Я*, которое питается виртуальностью. Он мудро выбирает дым, поднимающийся от сжигаемого жира и костей, превращающихся в пепел. Это трапеца для богов, а не для людей. Почему же тогда Зевс захотел отомстить за обман, ко-

торый не удался? На мой взгляд, речь идет о рассказе, у которого совершенно иной скрытый смысл. Будучи воплощением безграничного времени и пространства, подобно *нарциссическому Я*, находящемуся в центре психики любого человека, Зевс даже не помышляет о том, что на него может покушаться какое-то смертное существо, но точно так же он не представляет себе, что какой-то смертный может отвернуться от него и предпочесть жизнь в пространстве и времени. *Нарциссическое Я* не переносит не только соперничества, но даже равноправия с *Я-реальностью*. В действительности, именно наша потребность приспособливаться к миру, к его пределам и нашему состоянию смертности подталкивает нас отвернуться, хотя бы на время, от идеального мира, в центре которого восседает идеал Я.

Но поскольку Я мучает голод, перед ним открываются два пути: или оно устраняет это ощущение, растворяет его в состоянии несуществования или отсутствия телесности; или оно принимает это свое ощущение и приспособливается к объектам, которые позволяют его облегчить. Или же оно замыкается в состоянии нереальности, состоянии *нарциссического Я*, либо устанавливает отношения с объектами и развивает свое *Я-реальность*.

Если Зевс хочет отомстить, это означает, что он задет. Смертный — а Прометей и есть смертный и встает на защиту смертных — таким образом, ущемляет всемогущество бога. Я выдвигаю следующую гипотезу: в ходе разбирательства, происходящего между богами и титанами, точно так же, как при восстановлении равновесия во время перестройки психики, занятие позиции одной из сторон потрясает другую. Хронос и его братья-титаны свергли Урана, своего отца, Зевс свергает Хроноса, своего отца, а Прометей, сын титана Япета, ему в этом помогает. Только впоследствии, когда эта борьба закончилась, Прометей обращается против Зевса ради утверждения прав простых смертных, на которых Зевсу наплевать. Таким образом, эта борьба, начатая Прометеем в интересах простых смертных, чтобы не просто сделать жизнь возможной, пусть и в ограниченной форме, но наделить ценностью саму конечность, ранит чувства того, кто признает ценность только за тем, что бессмертно и беспредельно. В мифе о Прометее эта божественная аристократия, не притронувшаяся к земным яствам, оказывается глубоко оскорбленной. Когда титан отворачивается от богов, чтобы прийти на помощь смертным, Зевс получает сигнал о том, что он — не всё и обла-

дает не всем: его коснулось ощущение нехватки, которая побудила Прометея смягчить страдания смертных. Если бы положение Зевса оставалось завидным при любых условиях, Прометей бросил бы смертных влачить свое жалкое существование, последовав примеру Зевса. Они были бы просто пылью. Именно решение Прометея как *Я-реальности* обратиться к объекту и пределам, которыми он ограничивает всемогущество *нарциссического Я*, вызывает гнев Зевса и травму *нарциссического Я*.

Если обратиться к отдельным составляющим этого мифа, мы увидим, что они подтверждают эту гипотезу.

Зевс зол на Прометея потому, что тот хотел обмануть его, скрыв от него удел своего пространства, тогда как он требует прозрачности всякой вещи, ее проницаемости для его всезнания и всемогущества. Ценность, приписываемая тому, что в трехмерном пространстве обладает способностью укрываться от взгляда, ранит *нарциссическое Я*, которое чувствует себя одновременно обманутым и обокраденным. Гарантия того, что только оно одно будет желанным, была нарушена. С другой стороны, тот, кто обладает всей мощью, уверен, что он был обокраден тем, кто обладает лишь совершенно ничтожной ее частью. Если, согласно мифу, Прометей изображается вором, он вор лишь с точки зрения того, кто считает, что у него есть все и что он царствует безраздельно. Такова точка зрения того, кто считает, что судьба людей в его руках. Точно так же *нарциссическое Я* не признает существования независимого от него объекта и считает, упорствуя в своей иллюзии, что в его силах аннулировать существование последнего. Того, кто попирает это всемогущество, называют вором. Того, кто ускользает от этого всезнания, называют обманщиком.

Таковы условия, в которых миф представляет Прометея тем, кто обманул Зевса, создав скрытое пространство (используемое в ритуале жертвоприношения), и обокрал его, завладев огнем, чтобы отдать его людям. Открытие огня, с которого начинается история человечества и его техники, понимается, таким образом, как утрата состояния, в котором нет ни нужды, ни техники, которая нацелена на ее удовлетворение. Миф о земном рае сопрягается с мифом о Прометее, поскольку на последнего возлагается ответственность за изгнание из рая. Чтобы отомстить за похищение огня, Зевс дарит Прометее первую женщину, Пандору. Эпиметей, двойник Прометея, который в той же мере лишен смелости, в какой Прометей

наделен умом, женится на Пандоре. Она хранит в своем ларце все земные беды и откроет его, оставив на дне лишь надежду. Открытие женщины с ее сексуальностью и, следовательно, открытие матери, которая не посвящает себя целиком удовлетворению желаний «Его величества младенца», приводит к угнетению, которым наказывается и женщина, и тот, кто смиряется со своей от нее зависимостью. Идеал Я, то есть *нарциссическое Я*, ставит к позорному столбу того, кто дерзнул поверить во взаимосвязь людей больше, чем в божественное всемогущество, в интериоризацию благоденствий объекта — больше, чем в опору на имеющиеся от рождения ресурсы, которые ничем не обязаны тому, что складывается при образовании связей. Итак, Прометей прикован к скале в пустыне, его печень пожирает орел, — и все для того, чтобы помешать ему снова бросить тень на сияние нарциссического светила.

Я не буду углубляться здесь в подробности легенды о Прометее, потому что привожу здесь этот пример лишь для того, чтобы показать, в какой мере проблема техники затрагивает саму суть связи в *Я-реальности* между Я и его объектом и как утверждение этой связи с самого начала сталкивается с существованием нарциссического фона.

Последнее слово остается не за Зевсом. Способности Прометея к предвидению, как и способности *Я-реальности* приспосабливаться к реальности времени и его конечности, позволяют ему предвидеть будущее — не посредством магических средств, а за счет опыта связи со своими объектами, и это предвидение готовит нас к проблемам, которые поставит перед нами будущее. Эти качества указывают на превосходство титана над Богом, *Я-реальности* — над *нарциссическим Я*. Зевс желает, чтобы Прометей открыл ему, с кем именно он не должен связывать себя узами, поскольку этот союз породит того, кто его свергнет. Прометей прекрасно знает, кто свергнет Зевса, но не выдаст ему имени.

Царство техники, царство научного, промышленного мира уходит корнями в принятие собственных потребностей и их удовлетворение за счет эмоциональной связи с объектом. Так, маленький ребенок узнает, что он должен сделать, чтобы мать проявила свою любовь к нему. Он учится приспосабливаться к природе внутреннего мира матери. Учится предугадывать то, с чем она смирится, а что не станет терпеть. В общем, он учится приспосабливать свое поведение к тому, что она готова в нем принимать. Подобно малень-

кому Прометею, он должен противостоять безмерной силе своего первичного нарциссизма, который, как и Зевс, продолжает жить вне времени и пространства. Вне каких бы то ни было ограничений.

Нам известно, что дети — маленькие «ученые», исследующие мир; кроме этого, они еще и маленькие техники: они ищут, научаются познавать и распознавать свой материнский объект. В зоне, которая не обслуживает их *нарциссическое Я*, они приспосабливаются к реальности этого объекта. Например, техника держания соски, которой они учатся, зависит от того, как ее держит мать. Техника, используемая для того, чтобы привлечь взгляд матери, подстраивается под то в ее психике, что может затронуть подобное поведение. Но ребенок также может усвоить определенную технику, чтобы удовлетворить свое желание, убеждая при этом мать в том, что он удовлетворяет ее желание. Он, например, может улыбнуться, чтобы вызвать у нее улыбку. Число техник у детей бесконечно, но их общая черта в том, что они всегда — когда задействована *Я-реальность* — завязаны на эмоциональное отношение с объектом потребности и объектом желания. Когда это не так, как мы увидим далее, речь идет о деградации самой техники.

Это различие провели греки. Однако, судя по мифу о Прометее, все происходит так, словно бы те, кто смогли концептуализировать проблему возникновения техник, в определенном смысле отождествляли себя с Зевсом. Такова, судя по всему, была точка зрения софистов на этот вопрос. Эта точка зрения, в целом, если следовать Жану-Пьеру Вернану⁶, приводила к блокированию технической мысли у греков. Техника, в противоположность науке, сводится к простой совокупности рецептов, оторванных от познания объекта во всей его глубине. Задается механицистская перспектива: орудие всего лишь продлевает орган. Органон, инструмент не обладает своей собственной внутренней структурой: он действует лишь потому, что передает и усиливает силу, которую придает ему орган. С этой точки зрения, орудие можно рассматривать в качестве объекта, используемого Я, о чем бы ни заходила речь — о матери или материнской груди, воспринимаемой ребенком в качестве вещи, которая является его собственным продолжением. Восприятие, в котором орудие выступает всего лишь продолжением органа, способно войти в резонанс с этим первым опытом ребенка: мать не

6 Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990.

воспринимается как нечто отдельное от него. Природа его *нарциссического Я* такова, что мать рассматривается в качестве всего лишь эпифеномена, который он заставляет являться и исчезать, когда пожелает, тогда как в *Я-реальности* он начинает понимать то, что это не так: он должен приспособиться к ее реальности, к пространству-времени, которые ее определяют. Я помню одного маленького пациента, на обучение которого давил груз *нарциссического Я*, не дававшего ему понять то, что его объект не является продолжением его самого. Этот мальчик, младший сын в семье, командовал ею и устраивал сцены, когда замечал, что мир не крутится вокруг него. Эта нарциссическая иллюзия проявлялась в его рисунках: хотя он был маленьким скрипачом, он не мог нарисовать себя вместе со своей скрипкой. На рисунке скрипка смешивалась с изображением его руки. Уроки скрипки принесли свои плоды только тогда, когда он начал отличать свою руку от скрипки. Только тогда мальчик смог смириться с необходимостью учиться определенной технике. Пока у него сохранялась эта первичная неспособность подчиниться судьбе всех «смертных», которые должны учиться, прежде чем что-то уметь делать, он считал себя гением. Испытание реальностью переживалось им как атака на этот его идеализированный образ. Словно какой-то всемогущий Зевс, он чувствовал, что у него украли его священный огонь, обрекли его на удел обычного смертного, что он больше — не царь своей семьи. Поэтому он чувствовал себя вправе отомстить тому (кто бы это ни был), кто навязывал ему существование мира, который не раскрывался перед ним во всей своей прозрачности. Любая зависимость переживалась им как деградация, он не мог смириться с самой первой из всех зависимостей — с зависимостью от пространства-времени, о которой свидетельствует существование другого. Именно поэтому он брал слово тогда, когда пожелает; все должны были замолчать, чтобы его выслушать, иначе он прерывал их громкими выкриками.

Я упоминаю различные направления в осмыслении «техне» у греков лишь для того, чтобы показать, как они помогают нам понять психоаналитическое разделение *Я* на *нарциссическое Я*, идеальное и «божественное», и *Я-реальность*. Земледелец прилагает усилия лишь для того, чтобы открыть форму, которая удерживается в тайне внутри материи, но ему не нужно самому ее создавать. Этот «эйдос» (*eidos*) «рождается сам собой», он не был плодом встречи, в отличие от любого подлинного творения. В противоположность этой

явленной форме, которую я буду сравнивать с готовой формой, о которой я уже упоминала, когда речь шла о находках Винникотта⁷, его *squiggles*, рисунках, появляющихся на поперечном срезе дерева и т.д., — существует форма, созданная искусством. Она не только плод усилия, но и результат техники, благодаря которой открывается не то, что существовало до всякого усилия, а то, что рождается вследствие творческого труда. Произведение, приходящее таким образом в мир, является результатом встречи, точно так же как ребенок является плодом встречи двух существ, двух «смертных», которые устанавливают друг с другом связь в своем различии. Отношение зависимости, которое определяло обучение определенной технике, обнаруживается в отношении, завязавшемся между двумя различными существами — ребенком и его матерью, ребенком и его учителем, мужчиной и женщиной.

Переходя от техники земледельца к технике ремесленника, греки порвали с легендарным прошлым, о чем, собственно, и свидетельствует миф о Прометее: нужно порвать с божественным всемогуществом, чтобы вступить в царство техники.

Однако внутри самой техники, то есть создания и использования инструментов, обещающих удовлетворить наши потребности, мы снова обнаруживаем дихотомию, подобную той, что отделяет легендарное прошлое от прозаической жизни ремесленника. Техники можно поставить на службу удовлетворения потребностей, так что они будут совмещаться с существованием предела, поскольку потребности, как и тело, обладают пределами. Но также их можно поставить на службу тому, что не имеет предела, то есть самому желанию, которое отделяется от потребности. Аристотель⁸ называет это движение отклонения «хрематистическим»: объект больше не создается для удовлетворения потребности. Такое отклонение происходит в процессе, который идет от создания этого объекта к его использованию. Ботинок придумывается, а затем и изготавливается, чтобы удовлетворить потребность в обуви. Однако можно извратить эту необходимость, так что изготовление обуви, как и удовлетворение потребности, может служить предлогом для получения финансовой прибыли. В результате целью становятся деньги, подменяющие собой первоначальный объект. Мы можем отметить, что

7 Op. cit.

8 Цитируется по: Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990. P. 292. Note 81.

такое отклонение от естественной функции, первоначально связанной с возникновением техники, приводит также и к утрате ограниченности, характерной для удовлетворения потребностей. Желание обладать деньгами часто может значительно превосходить то, что требуется для удовлетворения потребностей. Этому способствует и всемогущество. Точно так же обстоит дело и с удовольствием: оно утрачивает свои пределы, когда отделяется от потребности. Тогда как магические техники нацеливаются на то, чтобы создать иллюзию, будто можно выйти за пределы мира потребности, чтобы попасть в мир, которому не нужны границы и в котором пространство и время более не подчиняют себе людей. Вот в чем секрет привлекательности представлений иллюзионистов.

Можно ли сказать, что сама природа «техне» вводит нас в виртуальный мир? Если техники можно использовать и во благо, и во зло, точно так же они могут сохранять в себе глубокую связь зависимости, существующей между Я и его объектом в универсуме *Я-реальности*. Но они могут и отделяться от этой глубинной связи, соединяясь исключительно с работой на вторичную выгоду, обеспечиваемую этой связью, — удовольствие и, вследствие этого, отсоединение, иллюзию мира, оторванного от потребностей тела, а потому и от фундаментального закона жизни, которая не может не вписываться в границы, установленные нашим положением смертных существ. Техника, если реализована эта возможность, отделяется от источников, давших ей рождение: происходит интериоризация связи с объектом, которая указывает ребенку, какой путь выбрать, чтобы его обрести. Такой интериоризации самой по себе недостаточно: ребенок, который закрывает глаза и обнаруживает в себе образ своей матери, которая его кормит, тогда как в реальности он должен столкнуться с ее отсутствием, учится не поддаваться иллюзии реальности этого образа. Последний является лишь внутренним присутствием, которое отсылает к отсутствию. Если же ребенок, движимый своим всемогущим желанием, желает поверить в реальность этого внутреннего образа, если он желает утвердить его внешнее существование и если посредством определенной «техники», которой он подчиняет суждение своего Я, он может действительно схватить вовне то, что существует только в нем самом, он падает в магический, виртуальный универсум.

Техника в таком случае уже не служит приспособлению к реальности, как внутренней, так и внешней. Она служит отрицанию ре-

альности, чему нас учит миф о Прометее. Прометей этимологически означает «тот, кто видит вперед», что противопоставляется его двойнику Эпиметею, то есть тому кто «видит после». Предвидеть — это в определенном смысле подчиняться связи зависимости от объекта, то есть смертным условиям человеческого бытия, — дабы приспособиться к ним, тогда как «видеть после» — значит переворачивать это отношение. Эпиметей не мыслит: только тогда, когда ящик Пандоры уже открылся и из него вышли все беды, он понимает, что сделал. Он не предвидит последствия своего поступка. Он сначала делает, а потом «видит». Он извлекает все то, что располагается в скрытом пространстве, чтобы понять это только тогда, когда оно становится «открытым», тогда как Прометей поддерживает в самом себе и своем объекте неизвестность этого скрытого пространства. Он предвидит, то есть он заранее видит то, чего невидно. А предвидит он потому, что вспоминает. Он хранит в себе образ того, чего больше нет в наличности. Он объединяет в одно целое мир как отсутствующих, так и присутствующих.

У меня проходила лечение девочка-подросток с психотическими симптомами. Каждый раз, когда она слышала звонок, она знала, что это означает приход ее матери и завершение сеанса. В какой-то своей части она умела предвидеть конец сеанса, что было обусловлено интериоризацией его длительности. Она готовилась к нему. Но в другой части она играла в Эпиметея: поскольку звонок объявлял о конце, она имитировала звук звонка за несколько минут до конца сеанса, чтобы заставить его завершиться, словно бы конец сеанса определяла она сама. Я не думаю, что она хотела завершить сеанс, поскольку она любила ходить на терапию. Она просто хотела получить подтверждение своего всемогущества, перевернув порядок вещей: не она подчинялась времени; не звонок конкретизировал предел, который заставлял ее вставать с места. Напротив, именно она в своей иллюзии заставляла мать звонить и подчиняла реальность последней магии своей «техники». Эпиметей в ней переворачивал порядок вещей: уже не она ждала свою мать (как и я), а мать ждала ее и должна была позвонить именно в тот момент, когда она произносила свой «дзильн». Если же мать случайно звонила именно в этот момент, это служило ей подтверждением действительности ее магической «техники». Она была настоящим Эпиметеем, тем, кто «видит после», поскольку звонок не был результатом ожидания или предвидения события, которое от нее не зависело. Напротив, он был

результатом магического акта, который запрещал матери являться прежде, чем состоится этот акт. Ее мать могла появиться только после. Она вела себя как Эпиметей, который, открыв однажды ящик Пандоры и выяснив природу его содержимого, не воспользовался этим опытом как уроком, который позволил бы ему держать руки при себе и в другой раз предвидеть последствие подобного жеста. Нет. Эпиметей остается все в той же точке: вместо того, чтобы приспособиться к внешней реальности, независимой от его собственной деятельности, он сводит эту реальность к себе. Он мог бы воспроизвести этот акт, если бы, конечно, в случае ящика Пандоры это было возможно, дабы изобразить уверенность, что он сам хотел выпустить все эти беды из ящика. Этот магический акт удостоверял бы его в том, что он может поступать, как ему заблагорассудится, как прятать, так и извлекать все содержимое ящика. И точно так же моя пациентка имитировала звонок, чтобы быть уверенной в том, что она может, когда захочет, вызвать свою мать или, напротив, заставить ее исчезнуть. Вызывая мать, она заставляла исчезнуть меня, и наоборот. Она совершенно самостоятельно — но лишь в исключительно иллюзорном модусе — управляла появлением и исчезновением своего объекта.

Я упомянула здесь о греческих корнях «техне», чтобы в начале этого исследования техники в детском психоанализе поразмышлять о положительном смысле этой техники и об опасностях, которые скрываются там, где она важна.

Аналитик должен вести себя как Прометей, а не как Эпиметей. Очень часто бывает так, что он «видит только после» того, как совершил какое-то действие, или же после того, как то или иное действие совершил его пациент, однако он должен приспособливаться к реальности своего пациента, а не наоборот. Если бы он хотел, чтобы пациент приспособился к его реальности, к его теоретизации вещей, его знанию, он бы вел себя как Эпиметей. К сожалению, бывает и так, что взрослые в конце концов приспособливаются к позиции своего аналитика и усваивают его язык, вырабатывая, как сказал бы Винникотт⁹, «ложное Я» (*fauxself*). Сегодня мы сказали бы аналитическое «ложное Я». Отметим здесь, что ребенка такой технике подчинить сложнее. Ребенок не дает себя «заговорить». С ним

⁹ Winnicott D.W. Distorsion du moi en fonction du vrai et faux self // *Processus de maturation chez l'enfant*. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1970.

чаще всего все идет нормально, когда именно он рассказывает нам о чем-то; и в этом случае наша задача — видеть ясно и «предвидеть», как Прометей. В этом смысле анализ ребенка проводить сложнее.

Мы обратили внимание на то, что приобретение определенной техники вписывается в существование творческого акта, подобного огню, похищенному Прометеем у Зевса. Вся эта книга нацелена на обоснование этой точки зрения. Технические рецепты развиваются в направлении Эпиметей: они могли бы послужить магии, которая отдаляет нас от искомой цели. Точно так же, как техника ремесел нацелена на достижение определенного результата посредством связи, созданной между знанием и опытом, а не их разрыва, свойственного, как указывал Ж.-П. Вернан¹⁰, только грекам, техника в детском психоанализе нацелена на получение результата за счет подобной связи, созданной между постоянно преобразуемым знанием и эмоциональным опытом двух людей. Техника в данном случае служит улучшению условий этого отношения и достижению желаемого результата, то есть трансформации внутренних патологических связей, их преодолению посредством интроекции объекта, который думает за ребенка, получает и пробуждает его эмоции, позволяет ему в конечном счете отделиться от него в любви, а не в ненависти. Какие нужны условия, правила, вмешательства, установка, чтобы добиться подобного результата? Техника в этом смысле имеет определенную цель, и эта цель достижима только через уважение к тому в другом человеке, что остается неведомым.

Не будем же вести себя подобно Зевсу, утверждая, что техника тех, кто принимает себя за маленьких Прометеев, вредит внутреннему пространству каждого и обворовывает его, намереваясь выпрямить и сделать прозрачным. Такой ход означал бы отыгрывание фантазии о всемогуществе, от которой, как мы видели, Прометей желал защитить смертных. Техника согласуется с пределами пространства и времени и учит смертных, как и наших пациентов, принимать условия нашего человеческого бытия. Первое техническое правило, соответственно, — следить за тем, чтобы аналитики принимали себя не за Зевсов, а за Прометеев, которые должны бороться со всемогущим Зевсом, скрывающимся где угодно — в ребенке, в его родителях, в глубине его самого, равно как и в окружающем его мире.

¹⁰ Op. cit.

В. Специфика и история детского анализа

Анализ взрослого был разработан раньше анализа детей. И однако именно ребенок во взрослом и был исходно открыт в качестве того, в ком обитает фантазматический мир, вытесненный взрослым и его сознанием. Разве сопротивление тех, кто с самого начала отказывались в чем бы то ни было доверять психоанализу, имело какую-то иную причину, кроме боязни совершенно отчетливо увидеть то, что должно было оставаться скрытым в глубинах бессознательного? И разве не ребенком, которого каждый носит в глубине своей самости, был тот, кто был выведен на белый свет? Защита от психоанализа первоначально обуславливалась боязнью заметить в глубине себя то неизвестное, что ускользало от рационального контроля, обеспечиваемого сознательным мышлением. Это неизвестное первоначально задавалось детской сексуальностью, открытой Фрейдом, и фантазиями, ее сопровождающими.

Подобное сопротивление, должно быть, проявляли и аналитики взрослых, как только речь заходила о лечении собственно детей. Это сопротивление сохранилось и до наших дней, несмотря на расширяющуюся практику анализа ребенка. Какова его природа? В самом деле, раз аналитик уже вступил в контакт с инфантильными уровнями своей сексуальности, что еще он боится найти в себе такого, что заставило бы его решительно отвергнуть подобное исследование у ребенка? Как мы увидим, противники анализа ребенка, — которые оказываются тут как тут, как только нужно заняться реальным ребенком, чтобы лучше понять ребенка, живущего внутри нас, — обвиняют детских психоаналитиков не в том, что они попирают невинность ребенка, каковое обвинение не пристало профессионалам, а в том, что они прикасаются к существу, защитная оболочка которого еще не тверда, а формирование, что особенно важно, все еще продолжается благодаря интериоризации первичной среды и первичных объектов, то есть родителей. Анализировать такого ребенка — значит, по сути дела, выдавать себя за фигуру родителя, конкурирующую с настоящими родителями, что может сбить ребенка с толку. В анализе случая маленького Ганса¹¹ Фрейд, кстати говоря, держался (по причинам, говорившим о чем-то ином, нежели его собственное сопротивление) за спиной отца ребенка, который передавал сво-

¹¹ Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.

ему сыну высказывания «доктора». Мы пройдемся по историческим составляющим развития детского анализа, но в связи с этим я спрашиваю себя, не боялись ли первые аналитики, противившиеся тому, чтобы приблизиться к реальному ребенку с целью его анализа или наделить анализ ребенка тем же статусом, который уже был у анализа как такового, как они его понимали (то есть анализа взрослого), так вот, не боялись ли они приближаться к тому, что в них самих представало без опосредования языка и тем не менее претендовало на передачу внутренних состояний. Здесь мы подходим к проблеме понимания невербальной коммуникации и тому, что составит основную часть материала, предоставляемого ребенком, то есть к его игре. Анализ маленького Ганса был не анализом в игре, а анализом в языке. Нам, как взрослым, проще понимать коммуникацию с говорящим существом, поскольку оно для нас уже выступает маленьким взрослым, который усвоил язык, это фундаментальное средство признания людей. Однако вступать в контакт с тем, кто не говорит или же использует другие средства символизации, такие как рисунок, игра или же лепка из пластилина, — для этого требуется творчество в интерпретации, которое мобилизует в нас эмоциональные слои. Такое творчество предполагает, что анализ нашего контрпереноса служит не только установлению аналитической нейтральности, но и раскрытию смысла. Мы еще вернемся к этому моменту, поскольку именно это вытекает из понятия проективной идентификации, придуманного той, кто, по моему мнению, смогла впервые наделить анализ ребенка подобающим ему статусом, а именно статусом анализа, обладающего своими собственными правилами, а потому отличного по своей технике, по своему толкованию, от анализа взрослого. Я имею в виду Мелани Кляйн.

Прежде чем поставить под вопрос свою собственную теорию соблазнения ребенка взрослым, влекущего определенные травматические последствия, Фрейд, как и все остальные, приписывал ребенку некую изначальную невинность. Взрослый или окружающий мир — вот кто отвечает за сексуальные мысли, способные угнездиться во внутреннем мире ребенка. К тому же, благодаря применению в этом вопросе теории последствий, была возможность утверждать, что в раннем возрасте, когда могло произойти соблазнение ребенка взрослым, ребенок сохранял лишь мнезические следы, связанные с сексуальностью взрослого. Пробуждение этих следов или же проявляющееся впоследствии, во время полового созревания

подростка, их инвестирование позволяет якобы отнести сопровождающие их фантазии к раннему детству лишь вторично. Таким образом, само раннее детство сохраняет за собой статус невинности.

Фрейду¹² тогда хватило смелости поставить под вопрос эту «невинность» и понять то, что сам ребенок, каким бы маленьким он ни был, мог быть носителем сексуальных фантазий. Выводы из подобной гипотезы окажутся настолько обширными и богатыми, что будут определять будущее психоанализа. Поскольку, если ребенок может обладать фантазиями, он также может иметь психическую жизнь. Точно так же он может думать. А если у него есть внутренняя жизнь и мыслительная деятельность, почему же он не может подвергнуться анализу?

Нельзя ли предположить, что в этой вере в утраченный рай нашей изначальной невинности таится желание жить в мире без мышления? В дуальном мире, который не вписывается в триангуляцию, которую предполагает всякое признание сексуальности и первичной сцены, которая является ее воплощением? Детские сексуальные фантазии, анализируемые у взрослого, в последствии всегда могли бы распространяться на психику ребенка, неведение которого в этом пункте совпадало бы с умиротворенностью мира, в котором он якобы живет, словно эдакий «Его величество младенец», не имеющий себе равных и не имеющий соперников. Значит ли это, что у всех нас есть потребность сохранить подобную иллюзию, уже после открытия сексуальности родителей и всех последовавших за ним страданий, не самое малое из которых состоит в том, что ребенок попал в мир, который ограничивает всемогущество, делавшее его первоначально счастливым? Смелость и гениальность Фрейда¹³ проявили себя как раз в тот момент, когда он поставил под вопрос «невротичку», то есть свою теорию соблазнения ребенка взрослым. Ребенок сам стал субъектом, обладающим своими собственными сексуальными фантазиями, в первую очередь инцестуозными. Именно строгость его самоанализа и его честность в анализе взрослых подвели Фрейда к этому непреложному выводу. Этот

12 Freud S. Trois essais sur la theorie sexuelle. Trad. P. Koepfel. Paris: Gallimard, 1964. (Русский перевод: Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. М.: Белорусская советская энциклопедия, 1990).

13 Freud S. Lettre du 21.09.1897 à Wilhelm Fliess // La naissance de la psychanalyse — Lettres à Wilhelm Fliess. Paris: PUF, 1956.

вывод впоследствии был принят за отправную точку в анализе детей, не самим Фрейдом, а его последователями.

В «Трех очерках по теории сексуальности»¹⁴ Фрейд оформляет свои открытия, касающиеся детской сексуальности. Второй задачей была проверка его открытий, но не посредством анализа самих детей, а за счет наблюдения за их сексуальным поведением. С этой целью проводятся собрания, в ходе которых аналитики говорят о своих воспоминаниях, относящихся к их собственной детской сексуальности. Однако здесь нет никаких прямых контактов с ребенком, а взрослый всегда сохраняет по отношению к нему определенную дистанцию. Поговорив о своем собственном детстве на этих собраниях, аналитики стали наблюдать за своими детьми и обращать внимание на их воспитание. Дилемма, ранее выражавшаяся противопоставлением постулата невинности ребенка и гипотезы о детском внутреннем мире, в котором присутствуют в том числе и сексуальные фантазии, сменилась другой дилеммой: несут ли родители ответственность за фантазии своих детей, или же дети создают их самостоятельно, на основе своих влечений и собственных фантазий? Уже здесь намечается обострившееся в дальнейшем противостояние между Анной Фрейд и Мелани Кляйн, первая из которых перешла к анализу ребенка после исследования его воспитания, а вторая прояснила существование детских фантазий в их предельно грубом виде. Анна Фрейд первоначально была воспитателем, а Мелани Кляйн с самого начала выступала психоаналитиком детей.

Хотя по образованию она была прежде всего педагогом, Германа Хуг-Хельмут стала первым аналитиком, который стал учитывать внутреннюю реальность ребенка, что необходимо для его анализа на индивидуальных сеансах. Ее статья 1921 года «О технике анализа детей»¹⁵ свидетельствует о глубине и открытости разума этой замечательной женщины. Кл. и П. Гляйсман¹⁶ отмечают: «Эта статья уже содержит полностью сформированный зародыш всего того, что станет психоанализом ребенка». В ней она говорит, что цель анализа — это излечение пациента, как ребенка, так и взрослого. «Главное в анализе детей, — пишет она, — заключается в понимании анали-

14 Op. cit.

15 Hug-Helmuth H. A propos de la technique de l'analyse des enfants // Psychiatrie de l'enfant, 1975, XVIII. № 1. P. 191-210.

16 Geissmann Cl. et P. Histoire de la psychanalyse de l'enfant. Paris: Bayard. 2004. P. 246.

тиком больной души». Однако Хут-Хельмут сохраняет связь с воспитанием, радуя за анализ, который бы учитывал образовательные потребности ребенка. Речь не о лечебной педагогике, а о таком подходе, который позволил этой женщине, подвергшейся из-за своего смелого подхода агрессивным нападкам, в какой-то степени сохранять осторожность. О нападках можно судить по реакциям хулиганов детского психоанализа на известие о ее трагической смерти (она была убита своим племянником). Ее обвинили в том, что она смешивает развитие нормального ребенка с развитием психопата, каковым и был ее племянник. А. Адлер¹⁷ воспользовался этим случаем, чтобы проиллюстрировать свои идеи: все, с его точки зрения, сводится к воспитанию ребенка, поскольку правильное воспитание в одном из специальных образовательных учреждений предотвратило бы подобный исход. Тем не менее такого рода соображения в любом случае позволяют избежать двух вещей: с одной стороны, сочувствия к той, которая стала жертвой подобного преступления, а с другой, ответственности взрослого — не только за воспитание, но также и за лечение больного ребенка.

Это только кажется, что акцент на воспитании возлагает ответственность за состояние ребенка на взрослого. Наоборот, благодаря ему взрослый позволяет себе игнорировать детский эмоциональный мир, заключенный в нем самом и заново вызываемый к жизни присутствием реального ребенка. Взрослый или родитель, таким образом, может отказаться от признания не только ребенка, которым он был сам, но и того ребенка, которым он остается, ведь этот ребенок живет внутри него, хотя взрослый с ним никогда и не разговаривает. Развитие анализа ребенка позволит нам понять, что взрослые, которые так себя ведут, проецируют на своих детей или детей, которыми они занимаются, ребенка, который сохраняется внутри них самих и которого они оставляют наедине со своими бессознательными желаниями. Мы будем постоянно возвращаться к этой проблеме. Воспитание, избегающее ее, сводится к простому контролю за поведением ребенка.

Сексуальное воспитание, представляющееся всего лишь информированием о функционировании сексуальных отношений, становится жертвой иллюзии, утверждающей, что знание позволяет преодолеть проблемы, обнаруживаемые в результате столкновения с

¹⁷ Adler A. *Enfant inéducable ou théorie incorrigible? Remarques sur le cas Hug* // Wiener Arbeitszeitung. 1975. Mars.

детской сексуальностью, словно бы последняя не была соткана из фантазий, понять которые можно только при помощи анализа ребенка, который способен преодолеть их лишь в этой рамке.

Мне кажется, что воспитанию хотели навязать роль сдерживания мышления ребенка, а не роль контейнера для его фантазий и мыслей. Чтобы взрослый понял, что ребенка охватывают сексуальные фантазии, необходимо, чтобы он обнаружил в себе не только ребенка, который сталкивается с первичной сценой своих родителей, но также и взрослого, который думает о ребенке и его страхе перед такой сценой. Реакция непрофессионалов и, в меньшей степени и в менее выраженной форме, самих аналитиков на эту проблему состоит в отказе поверить в то, что ребенок мог пережить подобный опыт. Разве не говорят, что дети не знают, что происходит, что они «не понимают»... поэтому, в целом, они остаются невинными? Это позволяет взрослому уклониться от поиска в самом себе не просто ребенка и его сексуальных фантазий, но также ребенка и его страха перед сексуальностью своих родителей. Защитная реакция взрослого по отношению к ребенку — та же, что и реакция, которую он находит внутри себя по отношению к проблемам, поставленным тем же самым ребенком: хотя ребенок ищет родителя, который бы его понял, он находит лишь того родителя, который желает, чтобы ребенок дал ему спокойно жить, контролируя его сексуальные влечения или отрицая само их существование.

Следовательно, невозможно заниматься ребенком, не обнаруживая внутри самого себя отношение, поддерживаемое тем ребенком, которым мы всегда остаемся, со своими внутренними родителями.

Первое средство, имеющееся у родителя для контейнирования своего ребенка, — это заняться его воспитанием. Ребенок и даже младенец должен выучить систему правил, которые обозначают пределы того, что может терпеть взрослый. Речь, следовательно, идет не просто об обучении, позволяющем приспособиться к пределам, налагаемым реальностью на всемогущество ребенка. В равной мере речь об обучении, позволяющем приспособиться к пределам, налагаемым внутренней реальностью взрослого.

Мы встречали у непрофессионалов, как, впрочем, и у профессионалов, эти защитные реакции на возможность анализа детей, которые свидетельствуют о состоянии внутреннего мира самих этих людей: в зависимости от того, находится ли ребенок, существующий внутри взрослого, под контролем или же контейнируется по-

нимающим родителем, который наделяет смыслом то, что ребенок переживает, взрослый будет либо расположен, либо не расположен к тому, чтобы отвести анализу ребенка определенное место. Аналитики, который, подобно Хуг-Хельмут, осмелились напрямую обратиться к психике ребенка, не нуждались в опосредующей функции воспитания, чтобы сохранять дистанцию по отношению к этой психике. То же самое можно сказать об аналитиках, которые, не будучи аналитиками детей, могут наделять детский анализ таким же статусом, что и анализ взрослых.

Некоторые, например Юнг¹⁸, придавали наблюдению за детьми большое значение. Но они не оценили масштабы детской тревоги, как и средства, которое бы позволило придать смысл этой тревоге во внутреннем мире ребенка через интериоризацию взрослого, который думает о нем. Определенная часть работы, которую должен выполнять этот взрослый, была оттеснена на задний план мифологии, носителем, если не проводником которых мог бы выступить ребенок. Не игнорируя этот аспект, важно, однако, не избегать, ссылаясь на него, как на предлог, проблематики ребенка и его ответственности за его внутренний мир. Он является субъектом своих фантазий, хотя он может точно так же быть объектом межпоколенческого наследия или же выражением филогенетического прошлого.

Когда Анна Фрейд занялась анализом детей, она сначала использовала в качестве средства воспитания, и оно так и осталось моментом ее практики и теории, примечательной чертой этих первых попыток. Эта проблема дала о себе знать в серьезном столкновении, в котором она выступила против Мелани Кляйн.

Как напоминает Серж Лебовичи¹⁹, «в первой части своей профессиональной карьеры [Анна Фрейд] выступает психоаналитиком и педагогом, который не разделяет два этих вида деятельности и теоретические основания, на которые они опираются». Я, однако, полагаю, что мы можем спросить себя, не является ли педагогическое образование Анны Фрейд, которое сначала привело ее на путь преподавания — в роли учительницы, затем преподавателя психоанализа и организатора детских учреждений, — причиной аналитической позиции, в которой определенное место отводится воспита-

18 Jung C. G. Ueber Psychoanalyse beim Kinde // Gesammelte Werke. Imago. №4. P. 231.

19 Lebovici S. Œuvre d'Anna Freud // Psychiatrie de l'enfant. Vol. XXVII. № 1. P. 5-34.

нию, или же, напротив, сама эта позиция соответствует внутренней установке, которой понадобилось время, чтобы измениться и позволить А.Фрейд выступить в качестве самостоятельного аналитика, а также аналитика детей. Совокупность связей, которые в действительности соединяли ее с тем, кто был для нее одновременно и аналитиком, и отцом, должна была затормозить ее способность отстраниться от него, чтобы создать свою собственную точку зрения на психику ребенка и на корпус теоретических и клинических знаний, который позволяет ее понимать. Не говорит ли ее акцент на наличии у ребенка Сверх-Я и его зависимости от родителей, в которой он по-прежнему пребывает, так же и о ее собственной зависимости от мысли своего отца? Как разобраться в этих глубинах ее фантазматических инвестирований, когда реальный человек и тот, кто является объектом этих инвестирований, — одно и то же лицо? Может ли в подобной ситуации отец освободиться от инвестирования, которое в его бессознательном относится к тому, что представляет его дочь? Может ли он отделить его от того, что он связывает со своей реальной дочерью? Невозможно анализировать своего собственного ребенка. Какое отношение внутреннего объекта такой ребенок поддерживает со своим отцом, страстно желающим продолжить свои работы при посредстве дочери? Не очевидно ли, что дочь такого отца прежде всего считает, что при формировании Сверх-Я ребенок все еще подчинен реальности своих родителей? Анна Фрейд²⁰ первой последовала этому предписанию, заявив — в своих венских лекциях 1926 года, опубликованных в 1927, — что ребенок не образует настоящего невроза переноса и не готов, в отличие от того, что думала Кляйн, «заново отредактировать свои аффективные отношения». Она поддерживает наличие отношений между детским анализом и воспитанием.

Здесь мы можем увидеть всю разницу между мыслью А.Фрейд в самих ее истоках и мыслью Мелани Кляйн, которая, точно так же с самого начала, задает рамку анализа ребенка, главный ассоциативный материал которого составляет игра. По М.Кляйн²¹, ребенок уже на первом этапе вступает в отношение переноса со своим аналитиком, который в силу этого факта должен придерживаться максимального нейтралитета и не проявлять воспитательных намерений. Разбирая инвестирование ребенка, аналитик должен от-

20 Freud A. Le traitement psychanalytique des enfants. Paris: PUF. 1981.

21 Klein M. La psychanalyse des enfants. Trad. J.B. Boulanger. Paris: PUF. 1959.

крыть фантазии, которые поддерживают его отношения с внутренним объектом. Следовательно, он должен не брать на себя задачу Сверх-Я, а, напротив, принять то, что его воспринимают в качестве архаического Сверх-Я, со всем тем всемогуществом, которое из этого вытекает. Аналитик должен отстраниться от проекций, объектом которых он является. Здесь мы видим тот подход к анализу ребенка, который отталкивается от проблематизации понятий Фрейда, которая нужна не для их критики, а для того, чтобы найти им место в самом клиническом опыте. Иначе говоря, М.Кляйн, как оказалось, была аффективно и интеллектуально связана с отцом психоанализа исключительно через свои внутренние встречи или воссоединение с ребенком, который жил в ней. Так она смогла воспользоваться понятием влечения к смерти, на основе которого, как мы увидим, появились новые понятия, например проекции и догенитального Сверх-Я. Этот момент решительно отделил ее от подхода А.Фрейд, которая, по примеру своего отца, поддерживала идею Сверх-Я, наследующего комплексу Эдипа. Таким образом, у Кляйн внутренний мир ребенка оказывается населен отношениями с внутренними объектами, качества которых дифференцируются в зависимости от инвестированных в них влечений.

«Споры Фрейд-Кляйн»²², волновавшие психоаналитический мир Лондона в 1941-1945 гг., всего лишь подчеркивают это фундаментальное различие, которое поддерживается не столько стремлением развить психоаналитическое исследование ребенка, сколько желанием сохранить верность мысли Фрейда. М.Кляйн всегда, с самого начала своей работы с детьми, утверждала, что опирается на понятия Фрейда. Ее верность Фрейду приняла форму испытания его понятий и развития их содержания в работе с детьми. Именно так она сохранила значимость понятия влечения к смерти и использовала его для понимания существования первых проективных движений Я. Страх смерти становится двигателем первых защитных движений Я. Они связываются с пониманием, пусть и предельно рудиментарным, объекта во внешнем мире и, в силу его интроекции, во внутреннем мире. Конкретность переживания младенца означает конструирование на основе этих первичных отношений внутреннего пространства, которое соотносится с конкретностью переживания пространства внешнего. Именно так выстраивается

22 King P., Steiner R. The Freud-Klein Controversies, 1941-1945. London: Tavistock-Routledge, 1991.

мир внутренних объектов, существование которого было далеко не сразу признано сообществом аналитиков, которые не примкнули к кляйнианскому направлению развития фрейдовской мысли. Внутренний мир, населенный внутренними объектами, к которым возвращаются влечения, спроецированные на внешние объекты, задает основание внутреннего театра. На этом фоне вся совокупность открытий Фрейда, относящихся к детским фантазиям, приобретает новый характер. Примат эрогенных зон и стадий либидинального развития понимается теперь лишь в соотношении Я и объекта на сцене внутреннего театра. Поэтому эдипова триангуляция может принимать доэдипальный характер, ведь маленький ребенок способен воспринимать существование первичной сцены и пары родителей на этой самой сцене еще до того, как он сам займется сложной работой траура, потеряет нарциссический контроль над объектом и, следовательно, идентификацию, называемую «интроективной», а также сформирует Сверх-Я в полном смысле этого слова.

Именно эти пункты стали предметом «Споров Фрейд-Кляйн»²³, и мы понимаем, какой прорыв Кляйн совершила в развитии мысли Фрейда. Я считаю, что именно благодаря сочетанию ее гениальности с опытом прямого общения с детьми Мелани Кляйн смогла одновременно сохранить и преобразовать фрейдовскую мысль. Она не была стеснена верностью форме понятий Фрейда; она не колебалась, когда нужно было видоизменить их форму, чтобы вернуться к содержащимся в них смыслу и творческому потенциалу.

Многие аналитики детей последовали за Мелани Кляйн. Эта книга является результатом встречи с ее мыслью, причем она по-прежнему остается основой и для моей повседневной работы. У.Р.Бион, хотя он в основном анализировал взрослых, дал нам, следуя за М.Кляйн, понятия, ценные для анализа как ребенка, так и взрослого — понятия контейнера/содержимого, нормальной проективной идентификации, чередований шизо-параноидальной и депрессивной позиций.

Мы к этому еще вернемся.

Д.В.Винникотт использовал свой опыт педиатра, работая с маленькими детьми в качестве психоаналитика. Относясь к «нейтральной группе» в «Британском обществе психоанализа», он был близок одновременно и к группе Анны Фрейд, и к группе Мелани

23 Op. cit.

Кляйн. Однако он не поддерживал того развития, которое М.Кляйн дала понятию влечения к смерти, как и понятию депрессивной позиции, которые важны для того, чтобы разобраться в мысли Кляйн. Техника Винникотта не опирается на строгую концепцию рамки, то есть контейнер, описанный кляйнианскими и посткляйнианскими авторами. Мне кажется, что этот столь важный раздел теории Кляйн устраняется в пользу того, что Винникотт-педиатр видел в «достаточно хорошем» отношении матерей и их детей, а именно в пользу верховенства внешней реальности, действующей в качестве тормоза фантазий ребенка о всемогуществе. Ребенок осознает иллюзорность своего фантазматического мира при контакте с этой реальностью. Так, он мог в своем воображении нанести матери тяжелейшие раны и ожидать, что перед ним теперь появится настоящая колдунья, готовая отомстить ему, точно так же его ранив, но успокаивается при контакте с внешней реальностью матери; эта реальность учит его тому, что с матерью все хорошо и что она все так же добра к нему. Из этого он делает для себя основополагающий вывод: что бы он ни воображал, он не изменит мир. Однако у этого вывода есть продолжение: «творец мира», которым он себя ранее считал и в чем он видел, по мнению Винникотта²⁴, истинные источники своей творческой силы, оказывается сведен к положению ничтожной пылинки в огромном мире. Именно реальность как таковая и способность ребенка воспринимать ее позволяют последнему осознать границы своей идентичности. Винникотт не ставит проблемы трансформации плохого внутреннего объекта хорошим, что является главной задачей депрессивной позиции. Мне кажется, что больше всего Винникотт интересовался тем, как ребенок осознает свою идентичность: в какой момент он действительно становится собой? В каких условиях? Действительно ли он может раскрыть свое «истинное Я» только ценой слепоты к реальности своей матери? Правда ли, что он в конце концов может приспособиться к требованиям внешнего мира, только посягнув на него и сформировав «ложное Я»? У Винникотта много парадоксов: чувство истины коренится в иллюзии, а переживание ложности — в признании реальности, хотя, как мы только что отмечали, именно за счет испытания реальностью ребенок отстраняет свои фантазии, выделяя им именно то место, которого они заслуживают. Это сказывается на

²⁴ Winnicott D.W. Objets transitionnels et phénomènes transitionnels // De la pédiatrie à la psychanalyse. Trad. J. Kalmanovitch. Paris: Payot, 1969.

технике Винникотта. Речь идет, в первую очередь, о сдвиге границ рамки сеансов с его маленькими пациентами: ему случалось продлевать время сеанса, когда пациент занимался тем, что испытывал объект на прочность. Винникотт как-то позволил ребенку его сильно искушать, чтобы на следующей встрече он осознал, что Винникотт остался жив и что детская агрессия его не уничтожила.

Это испытание реальностью, выполняемое самим телом аналитиком, упускает из виду сдерживающую роль отца, который активно, своим словом и запретами или жестами, ограничивает всемогущество ребенка. Как мы увидим, у аналитика есть множество средств показать, что он тоже ответственен за поддержание рамки, а потому идет на столкновение с агрессией того, кто желает ее уничтожить.

Мы видим, насколько аналитическая техника зависит от априорных теоретических положений, которые поддерживают клиническое выслушивание. Так что значение, приписываемое рамкам, пределам и интериоризации личности, которая их поддерживает, определяет установку на сеансе, отличную от установки, которая позволяет ребенку самому найти его собственные границы. Понятия контейнера, интроекции, барьера, позволяющие провести различие между фантазией и реальностью, находят здесь свое техническое применение: их главными орудиями являются пространственно-временное постоянство рамки и интерпретация.

Я не буду вдаваться в подробности истории развития техники психоанализа, равно как и в историю детского психоанализа. Однако я хотела бы отметить, в какой мере техника и особенно техника интерпретаций зависит от априорных теоретических положений, упомянутых мной. Вначале З.Фрейд²⁵ считал, что анализ должен найти вытесненные воспоминания пациента, чтобы сделать их сознательными. Вытекавшая из этого положения техника, а именно гипноз, позволяла вывести на поверхность бессознательные сцены. Клинический опыт позволил Фрейду видоизменить свою теорию, а вместе с ней и технику: извлеченные на свет воспоминания оказались бесполезны, поскольку в сыром виде их было невозможно интегрировать в сознание пациента. В действительности, эти воспоминания были связаны с защитами, функцию которых нужно было учитывать. Следовательно, техника не могла сломать эти защиты и

²⁵ Фрейд З. Исследования истерии // Собран. соч.: в 26 т. СПб: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005.

преодолеть вытеснение, у которого были свои основания. Техника гипноза оказалась бесполезной для преобразования Я или Предсознательного-Сознания пациента. Открыть смысл симптомов можно было только за счет постепенной трансформации этого Я и его защит. Предположительной пассивности ребенка перед травматическими сценами, берущими свое начало во внешней реальности, соответствовала пассивность загипнотизированного человека перед аналитиком-гипнотизером.

Когда пациент осознает свою ответственность за фантазии, которые обитают в его психике, намечается осознание его защитной деятельности, направленной против признания этой ответственности. Техника аналитика, следовательно, должна дополняться данными, помимо возвращения воспоминаний на поверхность сознания. Ему требуется рассматривать не только травматические причины вытеснения этих воспоминаний и сокрытия этих фантазий. «Лечение словом» должно было учесть аспекты переноса, задействованные в связи между пациентом и его аналитиком, а вместе с ними — и всю совокупность фантазматических связей, имеющих в своей внутренней жизни пациента. Речь теперь уже шла не только о том, чтобы раскрыть нечто, но и о том, чтобы понять, как данный пациент приписывает такой-то смысл такому-то событию, внутреннему или внешнему. На этом построен весь психоанализ. Соответственно, Фрейд стал основывать свою технику на законе свободных ассоциаций: когда пациент связывает то или иное звено своей речи с каким-то другим звеном, эта ассоциация несет определенный скрытый смысл, который как раз и нужно раскрыть. Дело не в выявлении элементов, существовавших до аналитического исследования, а в работе связывания, которая к тому же станет творческой работой. В этом случае интерпретация получает особое место: она не придает воспоминанию смысл, которого у него нет; она вмешивается в ассоциативную цепочку, чтобы позволить ей отцепиться от работы аналитика и в этом обнаружить смысл. Здесь мы подходим к работам Биона об интерпретации, о чем мы будем говорить в части, посвященной этой теме.

Хотя Фрейд использовал значительное число интерпретаций, порой имевших воспитательный или комбинаторный характер, он советует держаться как можно ближе к Я пациента: именно этим определяется успех интерпретации. Используя такой метод, анали-

тик переходит от поверхности сознания к глубинам бессознательного у пациента. К этому я пока ничего добавлять не буду.

В завершение я хотела бы упомянуть вклад наблюдений за младенцем в семье по методу Эстер Бик²⁶ — не только для понимания младенца в ребенке или взрослом, но также и для приспособления техники к этому недавно открытому аспекту человеческой психики.

Метод Э.Бик требует, чтобы наблюдатель будущего ребенка пришел к родителям незадолго до рождения, чтобы предложить еженедельные посещения, которые будут продолжаться два года. Это позволяет наблюдателю составить представление о развитии младенца в семье вплоть до этого возраста. Наблюдатель выражает благодарность тем, кто дает ему возможность приобрести подобный опыт. Он придерживается позиции благожелательного нейтралитета по отношению к родителям, особенно матери, которая присутствует на сеансах наблюдения. Он не позволяет себе преследовать собственные интересы или делать замечания. В целом, он отодвигает свой нарциссизм на задний план, чтобы поддержать нарциссизм матери. Последняя же обычно испытывает чувство благодарности к человеку, который признает ее в качестве совершенно особенной матери. Действительно, каждый из членов семьи желает утвердить свое место и сыграть определенную роль для ребенка. Наблюдатель — единственный человек, который принимает то место, которое мать пожелает ему отвести. Поэтому наблюдатель показывает ребенку, что она является обладательницей знания и способности к благодарности, свойственных именно ей, а любая мать, если она не страдает особыми проблемами, благодарит наблюдателя за присутствие в ее семье. Другим матерям, которые в той или иной степени испытывают психологические проблемы, присутствие наблюдателя при ребенке тоже идет на пользу. Они чувствуют, что их признали в качестве матерей, тогда как сами они в глубине души очень далеки от подобного самоощущения.

Психоаналитику многое дает это наблюдение за младенцем, не только потому, что он получает знания о развитии малыша, но и в силу общего эмоционального опыта, который останется с ним и поможет в работе с пациентами, как детьми, так и взрослыми. Главное, он учится занимать позицию восприимчивости, в которой ис-

26 Bick E. Notes sur l'observation de bébé dans la formation psychanalytique // Les écrits de Martha Harris et d'Esther Bick. Larmore-Plage: Ed. Du Hublot, 1998.

пытанию подвергается его нарциссизм, поскольку отдает себе отчет в том, что на малейший неверный шаг мать ответит требованием соблюдать порядок. Именно на семинаре по супервайзингу это наблюдение позволяет во всей полноте выявить реакции матери. На нем мы выясняем, насколько сложно наблюдать, стать настоящим контейнером для материнских эмоций и в то же время оставаться достаточно отстраненным, чтобы думать о том, что мы наблюдаем.

В аналитической ситуации все происходит так, словно бы рамка, в которой мы оказываемся, то есть наша рамка, давала опору для нашей мысли. Благодаря этой рамке становится возможной работа, в которой осмыслению подвергается то, что может незаметно промелькнуть в нашем восприятии и эмоциональных переживаниях. Эта кристаллизация воспринятого и его обработка мыслью, естественно, нарушаются при наблюдении за младенцем. Поэтому за младенцем полезно наблюдать, чтобы приучить сознание к наблюдению без понимания. Как говорила мне Э. Бик: «Ждать в темноте, пока не блеснет свет». Речь не о том, что надо превратить наше сознание в записывающий аппарат, целью которого не была бы мысль. Но мы обычно хотим понимать, встраивая воспринятое в шаблон нашего знания. Эта стремление умиряется методом наблюдения — в той мере, в какой супервизионный семинар нужен именно для того, чтобы напомнить, что он является местом для мысли и что эта мысль выстраивается на основе восприятий, которые еще не были видоизменены контактом с контейнером (в данном случае семинаром), который бы их осмыслял.

Именно благодаря подобному методу аналитик получает материал от своего пациента. Далее мы увидим, почему эта способность воспринимать неизвестное — единственная способность, которая позволяет развить истинное исследование глубин бессознательного. Следовательно, это единственная способность, позволяющая двигаться к подлинному открытию.

После Фрейда мы открыли крайне конкретный характер внутреннего мира, который М. Кляйн описывает как мир, наполненный внутренними объектами, находящимися в отношениях друг с другом, а также с определенными аспектами Я, им соответствующими. Этим непосредственно руководствовался в своей технике аналитик, не побоявшийся перевести для ребенка тревогу, связан-

ную с этой конкретностью. Совершенное Биномом²⁷ открытие роли контейнера и его интроекции также направляло это интерпретативное движение как движение трансформации того, что в него проецируется. Наконец, открытие Э. Бик психической двухмерности позволило не только сориентировать интерпретации, надеющиеся смыслом проявления адгезивной идентичности, но также признать посредством заботы о рамке имеющуюся у пациента потребность в стабильности, основанной на отсутствии изменений в этой самой рамке.

В этой книге будет дано немало соответствующих примеров.

Эту часть я хотела бы закончить, упомянув наиболее общие черты специфики анализа ребенка, хотя мы будем постоянно возвращаться к этой теме, поскольку именно эти специфические качества ставят перед нами технические проблемы, с которыми не сталкивается анализ взрослого.

Специфика анализа ребенка разделяется на две большие области: в первую очередь, это состояние зависимости ребенка от тех, кто произвел его на свет; во-вторых, средства выражения ребенка, которые в определенной мере отличаются от средств взрослого.

Ребенок никогда не приходит к психоаналитику один. Тот факт, что он может прийти только в сопровождении родителей, нужно понимать на двух уровнях. Первый материален: именно родители принимают решение о терапии ребенка, они соглашаются с ней и платят за нее. Следовательно, они могут точно так же принять решение прекратить лечение и больше его не оплачивать. Эта специфика создает значительное затруднение для аналитика, который, занимаясь ребенком, не располагает всеми данными, которые бы позволили ему, как в случае со взрослым, анализировать защитные реакции. Анализировать ребенка — значит в этом смысле анализировать часть составной системы: аналитик не может ограничиваться пониманием внутренней жизни своего пациента, поскольку последняя вписывается во внутреннюю жизнь его родителей и в психическое равновесие семейной группы в целом. Этот момент выводит нас прямо ко второму уровню: родительское сопровождение, благодаря которому ребенок попадает к аналитику, является в равной мере и психическим. Поэтому, когда аналитику удастся посредством связи переноса вызывать трансформацию в психике ре-

27 Bion W. R. *Eléments de psychanalyse* / Fr. Robert (trad.). Paris: PUF, 1979.

бенка, она влечет определенные изменения, а иногда и переворот у людей, которые его «сопровождают». Они больше не могут его «сопровождать» так же, как раньше, поскольку он уже иначе реагирует на нарциссический характер их инвестирования.

Анализ ребенка не может поэтому пониматься без того, чтобы аналитик не связывал с лечением ребенка родительское сопровождение.

Средства выражения, имеющиеся у ребенка, составляют вторую специфическую особенность детского анализа. Говорит ли ребенок или еще не говорит, он все равно не может выражать свои аффекты, фантазии и конфликты, будь то сознательные или бессознательные, только в устной речи. Ребенок сначала приходит к языку через игру (во всех ее формах, от наиболее элементарных до вполне усложненных), через телесное выражение, а затем через графическое выражение. В лечении ребенка языковая коммуникация, охватывающая у взрослого все возможности, выступает лишь конечной формой совокупности разных типов коммуникации, предшествующих ей. Работа аналитика с невербальным требует от него совершенно специфического усилия понимания: он должен трансформировать материал, который дается на элементарном уровне символизации, и придать ему более сложную символическую форму. Для этого требуются — как и в случае взрослого, но с ребенком это переживается в намного более конкретной форме — проективные идентификации, которые аналитик должен распознать в самом себе. Работа контрпереноса тем более сложна потому, что аналитик должен осуществлять важную трансформацию, соответствующую расхождению между соматическими корнями эмоциональных связей и их записью в устном языке. Эта проработка предполагает, что аналитик смог распознать в самом себе природу проекции и дать ей определенный смысл. Этот механизм, который, по Биону²⁸, лежит в основе всех символических трансформаций, должен быть интериоризирован ребенком, чтобы он мог начать самостоятельно обдумывать свои собственные эмоции²⁹.

Долго считалось (вместе с А.Фрейд), что только ребенок, умеющий говорить, может проходить анализ. Но это означало, что не учитывается требование создания внутри самого аналитического

28 Bion W. R. Transformations. Trad. Fr. Robert. Paris: PUF, 1982.

29 Athanassiou-Popesco C. Bion et la naissance de l'espace psychique. Paris: Papesco Edition, 1997.

процесса аппарата, позволяющего осмыслять мысли и эмоции, которые с ним неразрывно связаны. Место аналитика оказалось задано по отношению к месту родителей, роль которых не могла определяться точно так же.

— Мой опыт научил меня, что уже самым маленьким детям, когда им было всего лишь несколько месяцев, могла пойти на пользу психотерапевтическая рамка и работа. Блон помог нам понять, как работа с проекциями младенца, их трансформация внутри нашей психики и смысл, придаваемый им нами, позволяют проводить лечение еще до того, как сформируется настоящая языковая способность. Эта работа по трансформации переживания младенца посредством символической функции матери (которую Блон называет альфа-функцией), подхватывается в аналитической работе с детьми, где она занимает важное место. Ребенок, выстраивающий связь с матерью, заново выстраивает себя с аналитиком, но даже если он совсем маленький, он никогда не путает одно с другим. Такой аргумент использовался, чтобы помешать анализу детей. Утверждалось, что, поскольку ребенок находится в детской позиции по отношению к своим родителям, он не может переносить на аналитика родительскую фигуру, не дублируя то, что он переживает в реальности. Иначе говоря, с точки зрения этой гипотезы, ребенок не мог бы сообщить о своем прошлом, которое он как раз в этот момент переживает в настоящем. Важные вопросы и серьезные теоретические изменения становятся необходимы всякий раз, когда мы делаем шаг, затрагивающий теоретико-клиническое равновесие. М. Кляйн, отстраняясь от подобных возражений, которые бы ограничили анализ анализом взрослого или же ребенка, ставшего взрослым, своим опытом показала, что предмет анализа ограничивается не историей пациента, а его функционированием. Речь не только о том, чтобы восстановить события и людей, которые важны для внешней жизни маленького пациента и которые им были инвестированы; но и о том, чтобы понять, как он конструирует свою внутреннюю реальность, соотносясь не только с реальностью окружающего мира, но и с Я, выстраивающимся в том же самом процессе. В этих условиях вполне возможно заметить, как мне тоже доводилось наблюдать, как младенец проводит различие между человеком, который заботится о нем в физическом плане или даже в повседневной жизни (то есть матерью или нянечкой в яслях), и че-

ловеком, который занимается только тем, что происходит у него в голове, стараясь это понять.

Дети, которых я видела в яслях в рамках психотерапии, умели без проблем попросить нянечку поменять подгузники, а потом устремились (часто на четвереньках) в комнату, где проводилась терапия. Они отлично умели не путать человека, который пытается увидеть то, что происходит у них в голове, а потом сообщает им то, что он там разглядел, с человеком, который всегда остается тем реальным и важным человеком, который дал им жизнь, то есть с матерью. Именно жесткая рамка терапии или анализа позволяет ребенку уже в самом маленьком возрасте не путать движения своей внутренней жизни с движениями жизни внешней. Эта рамка, которая образует границу между внутренним и внешним терапии, всем своим значением обязана тому факту, что именно на нее опираются способности ребенка ставить для самого себя предел между миром его фантазий и миром реальности, а также между другим и им самим.

Вторую часть этой работы я посвящаю изучению того, чем является рамка в детском психоанализе.

Часть вторая. Рамка детского психоанализа

А. Рамка первых бесед

Как дать определение рамки? Это структура, арматура, скелет, без которого тело как таковое рассыпалось бы подобно тряпичной кукле. В психоанализе, как и на первых порах в жизни, рамка сначала существует вовне, до того, как она интроецируется внутрь. Есть животные, которые сохранили свой экзоскелет: у них жесткий панцирь, внутри которого находится мягкое и уязвимое тело. Без этого внешнего скелета их уязвимость привела бы к их неминуемому уничтожению. Другие живые существа, в том числе и люди, обменяли жесткость этой оболочки на эластичность кожи, допускающую гибкость обменов между внешним и внутренним пространством тела. Эта жизнь отношений возможна лишь при условии, что изнутри им гарантирована безопасность, обеспеченная постоянством внутреннего скелета.

В психической жизни приобретение внутреннего скелета достигается за счет интроекции первых оболочек-контейнеров. Нам почти ничего не известно о пренатальном психическом состоянии, но у нас все больше психоаналитических наблюдений за новорожденными, сделанных аналитиками, имевшими дело с психическим развитием грудных детей. Возможно, что зародыш подготавливается к будущему выходу на свет, а потому и к встрече с объектом, который его примет. Блон³⁰ упоминал об этом моменте, полагая, что у ребенка уже было зачаточное представление о груди, которая будет его кормить, или об объекте, который примет его после его рождения. Разве он не сосет свой большой палец уже в утробе? Эстер Бик³¹ акцентировала различие в среде, окружающей ребенка до рождения и после. До рождения зародыш окружен амниотической жид-

³⁰ Bion W.R. Elements de psychanalyse. Paris: PUF, 1979.

³¹ Bick E. Note sur l'observation de bébé dans la formation psychanalytique // Les écrits de Martha Harris et d'Esther Bick. Larmor Plage. Ed. Du Hublot, 1998.

костью, которая поддерживает его со всех сторон. Ему некуда падать. Но когда он родился, он может упасть, если его отпустить, ведь так для него начинается жизнь в земной гравитации. Раньше его тело лишь частично подчинялось этой гравитации. Можно сказать, что свой вес он воспринимал только через зародышевые оболочки или через амниотическое давление, на них оказываемое. Это давление подвержено сложным изменениям, которые влекут за собой некоторую подвижность в зародышевых оболочках. Такие изменения в постоянстве рамки — именно так можно будет позже назвать средой, окружающую сначала младенца, а потом ребенка, — сообщают зародышу, что он находится в живой среде. Определенное количество ритмических волн, связанных с работой материнских органов, звуков, отзвуков, толчков и химических взаимодействий, сопровождающих материнские эмоции, — все это составляет часть его окружающей среды. Бесспорно то, что зародыш, который сам претерпевает преобразование, схватывает в лоне этого движущегося мира то постоянство, которое отсылает его к постоянству его собственной идентичности: то, что в этом мире представляется ему постоянным, в равной мере постоянно и в нем самом. Но последнее постоянство зависит от мира, устойчивость которого, пусть и находящаяся в постоянном изменении, удерживает его с того самого момента, как завершилось его формирование, с девяти месяцев. Как подчеркивал Винникотт³², по истечении этого времени зародыш, хотя и он чувствует потребность выйти в мир, в котором ему будет гораздо просторнее, в то же время испытывает саму эту потребность и даже процесс, который привел его к ней, в качестве посягательства (sic) на его первоначальный покой. Мы могли бы выдвинуть гипотезу, согласно которой у перехода из внутриутробного мира в воздушный мир есть одно главное следствие: ребенок погружается в мир, в котором на него не только давит гравитация, причем совсем не так, как в плацентарном коконе, который ранее оберегал его, но и быстрее настигает реальность другого: свет бьет ему в глаза, звуки ударяют по барабанной перепонке, различные вещества раздражают кожу, как извне, так и изнутри, — все это оставляет ему меньше времени на реакцию, чем было у него ранее. Ощущение катастрофы, возникающее, когда он чувствует, что его роняют, не предполагает никакой отсрочки, позволившей бы его сгладить.

32 Winnicott D.W. Les souvenirs de la naissance, le traumatisme de la naissance et l'angoisse // De la pédiatrie à la psychanalyse. Paris: Payot, 1969.

Собственно, при рождении ребенок обладает системой защит, которая помогает ему уменьшить воздействие такого посягательства на постоянство его ощущения собственной идентичности. Эта первичная защитная система позволяет младенцу замкнуться в некоем психическом пузыре, благодаря которому он снова оказывается в совершенно безопасном убежище, которым была для него утроба. Однако такая защита является реконструкцией, не основанной на живой связи; безопасность, порождаемая ею, обусловлена не активностью связи, а инерцией системы. Я назвала *нарциссическим Я* то Я, которое создано этой системой³³. Я думаю, что это *нарциссическое Я* совпадает по объему с ранее описанной концепцией первичного нарциссизма; такое Я живет без объекта и вписывается в процесс отсоединения, как только его своим присутствием затрагивает активность *Я-реальности* (последнее живет лишь связями, завязываемыми с объектом). Нарциссическому Я дал хорошее описание Винникотт, хотя он и не использует этот термин. Я, однако, считаю, что мое описание *нарциссического Я* в определенной мере совпадает с тем, что Винникотт³⁴ называет «истинным Я»: та же самая изоляция, то же самое чувство, что всякое творение должно осуществляться через него, поскольку оно является — как младенец у Винникотта — «творцом мира». Также нельзя ни в коей мере посягать на него, поскольку в противном случае его реакции будут отличаться несопоставимой жестокостью. Нужно его уважать, отдавать ему «должное», то есть позволить ему сохранить чувство, что все происходит из него. Взамен оно наделяет *Я-реальность* чувством аутентичности, распространяющимся на все устанавливаемые связи. Если что-то будет проходить не через *нарциссическое Я*, если оно не будет признано, если ему не будет оставлена та иллюзия, которая необходима для его существования, оно внушит *Я-реальности* чувство неаутентичности. В таком случае всякая адаптация будет переживаться так, словно бы за нее приходится платить посягательством на целостность «истинного Я» или *нарциссического Я*. Согласно Винникотту, чувство аутентичности Я, то есть *истинного Я*, лишь постепенно может переместиться в приспособление Я

33 Athanassiou-Popesco C. Le Narcissisme: de soi à l'autre. Lausanne Delachaux et Niestle, 2002.

34 Winnicott D.W. De la communication et de la non-communication — suivi d'une étude de certains contraires // Processus de maturation chez l'enfant. Paris: Payot, 1970.

к внешнему миру. Иначе говоря, только постепенно *Я-реальность* может подчинить своей власти всю психическую организацию в целом, так чтобы эта власть не обесценивала существование *истинного Я* или, как я его называю, *нарциссического Я*. Я не буду развивать здесь эту тему, но важно помнить, что без таких понятий не обойтись; точно так же, если хочешь быть психоаналитиком, невозможно обойтись без признания бессознательного. Ведь существует скрытая сторона вещей, логика процесса которой ускользает от нашего поверхностного сознания. Точно так же важно признать, что в психике существует иная динамика, иной полюс притяжения, отличный от того, что центрируется на объекте. Бион³⁵ приблизился к этой теме, когда начал говорить о трансформациях в негативе: связи с объектами, которые представляют позитивный аспект инвестирования (даже если это инвестирование представляется негативным, как в ненависти), дублируются «не-связями», которые суть не прямая атака на связи, а их негативный дубль. Я буду сравнивать эту динамику и экономическую проблему, которая ее поддерживает, с динамикой отношений, выявленных между материей и антиматерией. Убежденность в реальности, которая живет в *нарциссическом Я*, является негативным дублем убежденности в реальности, которая присутствует в *Я-реальности*. Вторая основывается на опыте связи с объектом и на признании удовлетворения влечений, приносимого телом. Первая основывается на непризнании связи с объектом и на непризнании тела, его потребностей и влечений. Для одной продолжение жизни зависит от приспособления Я к объекту и признанию этого объекта со стороны Я. Для другой это сохранение жизни зависит от непризнания объекта, как и мира, выстроенного в пространстве и времени, внутри которого такой объект находится.

Подчеркивая последний момент, мы можем вернуться к проблеме рамки, от которой мы вроде бы значительно удалились. Главное в концепции рамки для анализа ребенка или взрослого заключается как раз в поддержании мира, существующего в пространстве и времени. Заставляя пациента уважать рамку, мы навязываем ему нашу точку зрения на происходящее: именно за счет признания рамки он сможет признать и нас в качестве самостоятельного объекта. Неуважение к базовым элементам устройства рамки влечет неуважение к нам самим, и не только как к личности, но в равной мере и как к объекту, важному для конституирования *Я-реальности* пациен-

та. Вере в реальность всемогущества кладет предел принятие рамки аналитика. Следовательно, для формирования психики ребенка важно, чтобы аналитик хорошо понимал то значение, которое заключается в выстраивании рамки. Эта рамка, которая, как мы понимаем, ограничивает *нарциссическое Я* и в то же время предлагает контейнер для отношений, завязывающихся между Я и объектом, то есть для *Я-реальности*. В анализе, базой которого выступают не столько пространственно-временные основания Я, сколько связи между последним и его родительскими объектами, рамка представляется родительской функцией, безусловной в своем законе, пределом для размытого отношения между матерью и ребенком. Граница, которой материнский объект оказывает уважение, например в переносе, всегда передает ребенку такой образ материнского объекта, в котором как бы присутствует некая третья родительская сторона. Соответственно, атаки на рамку, как мы увидим, всегда нацелены на то, чтобы лишить мать ее способности думать о ребенке как о чем-то отдельном и, следовательно, обуздывать его всемогущество.

В свете всего только что сказанного мной, какие, собственно, элементы мы должны считать внутренними для рамки, без которых о самой рамке просто нельзя было бы говорить? Эта тема будет рассматриваться в разделе С. Но уже сейчас мы можем отметить, что рамка, не являясь неподвижной, выступает фактором стабильности: она не двигается вместе с тем, кому она предоставляет оболочку, и тем самым склоняет к восприятию иной динамики между Я и другим. Текучая среда связывается с движениями Я, и именно поэтому зародыш, как можно предположить, мог лишь очень смутно воспринимать это различие. Аутисты показывают нам, что созданы для того, чтобы жить в похожей среде. Все происходит так, словно бы рамка должна была вращаться вокруг них. Стабильность фиксированных элементов рамки позволяет аутистам быстро приспособить их к своей собственной организации и парадоксальным образом не признавать их в качестве независимых. Напротив, именно движение подобных реперных элементов дестабилизировало бы аутистов, поскольку не было бы вызвано ими самими. Следовательно, стабильность рамки является внутренней функцией последней при том условии, что она не захватывается обсессивной или аутистической ригидностью. Это позволяет нам сделать вывод о том, что рамка должна восприниматься пациентом как живой элемент — не

35 Bion W.R. Transformations. Trad. F. Robert. Paris: PUF, 1982.

поддаваясь на манипуляции, она возникает из мира, который несет в себе инаковость. Это множество человеческих связей, завязывающихся независимо от меня, связей, которые Я должно внутри самого себя интегрировать. Для ребенка, как и для взрослого, личность аналитика, который думает о нем, составляет элемент этой рамки — в той мере, в какой его мысль является связью, независимой от манипуляции, осуществляемой инфантильным Я. Собственно, пациенты дают нам онейрические примеры, в которых, как мы выясняем, атака на мысль совмещается с атакой на родительскую пару. Мне вспоминается сон одной пациентки, в котором деструктивная часть ее личности стремилась лишити мозга некоего человека, чтобы уничтожить в нем всякую способность реагировать на всемогущую силу. Операция по ампутации мозга начиналась с «раздербанивания» семьи. После чего каждый спускался в подвал и поднимался из него, утратив самого себя, в виде некоего призрака, который больше не имел возможности реагировать на стимулы мира, так что и его Я в равной мере теряло способность к суждению. Подобный способ навязывания правил напоминает методы тоталитарной системы: ее власть опирается на гарантированное отсутствие мысли и рефлексии у тех, кто как раз и отдает ей свою собственную силу. Иначе говоря, всемогущий контроль, проникающий из фантазии в реальность, в первую очередь набрасывается на существование личных связей, в первом ряду которых стоит сексуальная и эмоциональная связь, скрепляющая родительский союз.

В любой психотерапии эта связь имеет фундаментальное значение для выстраивания рамки лечения. Ее главное место — психика психотерапевта или психоаналитика. Вот почему я ненадолго вернусь к вопросу о различии между частной рамкой и институциональной.

Существует определенный резонанс или соответствие между концепцией психической рамки, составляемой терапевтом, и ее материализацией в рамке его практики. Рамка его психического функционирования, в которой свободно завязываются и развязываются связи между его Я и его внутренними объектами, опирается на внешнюю рамку, законы которой подчиняются только ему и никому другому. Это не значит, что он устанавливает эти законы, сообщаясь исключительно со своей фантазией. Скорее, это значит, что выполняемое им освоение законов времени и пространства, относящихся к *Я-реальности*, освоение законов, допускающих уважение

к развитию идентичности каждого, совмещающееся с соблюдением запрета на инцест, должно встретиться в рамке, которая его окружает, будь она частной или институциональной, то, что позволит это уважение и соблюдение поддерживать.

Это императив, поскольку пациент сам будет встраивать в свою идентичность, развиваемую в ходе лечения, рамку-контейнер своего аналитика и пределы, которые она кладет его всемогуществу.

Когда у детского аналитика есть частная практика, рамка его работы, зависящая только от него, является отражением его собственной концепции рамки, и далее я буду рассматривать этот вопрос отдельно. Когда же его практика проходит в определенном институте, рамка, предлагаемая этой практике институтом, должна соблюдать условия, которые я только что упомянула, чтобы аналитик мог дать почувствовать пациенту, что он является хозяином навязываемой рамки. Особенно это важно для анализа детей. Необходимо, чтобы не только ребенок понимал то, что не должен ставить под вопрос вместе с устройством рамки и саму функцию аналитика, но также чтобы и родители, когда они не могут отстраниться от лечения своего ребенка, понимали, что аналитик управляет всем комплексом отношений, которые ребенок завязывает со своими внутренними и внешними родителями. В действительности, только аналитик может приблизиться к бессознательным связям, которые соединяют ребенка с его родителями внутри него самого. Только он может изменить эти отношения. Следовательно, именно он будет восприниматься в качестве того, кто рискует — посредством трансформации ребенка — нарушить бессознательное равновесие родительского инвестирования. Таким образом, как мы вскоре выясним, важно, чтобы аналитик ребенка вместе с родителями получал бессознательные инвестирования, объектом которых он оказывается.

Теперь я перейду к достаточно прозаичному рассмотрению работы аналитика в частной практике, и лишь для контраста с ней буду указывать на некоторые элементы работы в условиях института, которые сковывают ее или, напротив, упрощают, влияя, таким образом, на качество лечения ребенка.

А.1. Первые контакты

Именно родители ребенка принимают решение пойти на прием к аналитику. То есть ребенок не выбирает своего аналитика. Быть может, потом, в своем сердце, он принимает его, и встреча оказыва-

ется плодотворной и для ребенка, и для аналитика, но возможен и противоположный результат. Встреча аналитика со своим пациентом является, по сути дела, встречей одного бессознательного с другим, и именно пациент оценивает, хорошо ли ему в «психическом убежище» своего аналитика.

Трудности начинаются с самого начала, когда аналитик должен принять, с одной стороны, родителей, а с другой — ребенка. Возможно, что родители и аналитик очень легко придут к согласию, тогда как между аналитиком и ребенком никакого контакта не возникнет. К сожалению, нередко происходит и обратное: ребенок находит человека, который понимает его, тогда как родители не могут принять аналитика своего ребенка, тем более, что ребенок зачастую сильно «цепляется» за него. Пока я буду говорить не о развитии отношений между родителями и аналитиком во время лечения, поскольку здесь тоже все может меняться, переворачиваясь с ног на голову, а о первом контакте, с которого начинается всякое лечение — подобно нити, на которой появляются узлы и которая временами рвется, а потом снова связывается.

Все начинается с телефона. Когда мне звонит родитель, приглашающий меня проконсультировать ребенка, я про себя отмечаю, как этот родитель представляется, кто он — отец или мать, что он просит и как обозначает причину для обращения, кто его направил ко мне. Я думаю, что не стоит слишком затягивать выслушивание просьбы по телефону: родитель должен с самого первого момента понять, что аналитик слушает только во время встречи, так что телефон лишь отсрочивает момент контакта. Тем не менее, речь идет не о том, чтобы занять нейтральную и бесстрастную позицию секретаря, которого интересует только то, на сколько назначить прием. Желательно спросить, какие у ребенка симптомы, чтобы родитель понял, что мы принимаем родителей лишь с целью поговорить об их ребенке. С момента контакта по телефону родитель должен осознавать, что его готовы выслушать, но для этого лучше прийти в психоаналитический кабинет.

Чаще всего по вопросам детей звонит мать. Я отметила, что когда звонит отец, если судить по моему опыту, терапия ребенка может достаточно специфическим образом отразиться на отношении идентичности, существующем между отцом и ребенком. Отец ощущает, что трансформация ребенка может сказаться на нарциссиче-

ском инвестировании последнего. С самого первого контакта он берет дело в свои руки.

Мы, таким образом, понимаем, в какой мере это первое установление контакта нагружено вниманием и скрытыми элементами переноса. Если вместо аналитика отвечает секретарь, его манера отвечать распространяется на личностные качества самого аналитика, поскольку просьба родителей исходит от их наиболее уязвимых частей, независимо от того, насколько в действительности сложна проблема их ребенка. Такова специфика консультаций в детском анализе: мы имеем дело с родителями, то есть со взрослыми. Но последние часто скрывают в себе детей, травмированных их собственными детьми. Нужно помнить об этом с самых первых контактов, поскольку если родители, в лучшем случае, и умеют выслушивать проблемы своего ребенка, они также умеют защищаться, как это пристало детям, то есть примитивно и оголтело. Это замечание относится ко всему курсу лечения ребенка, начиная с первого контакта по телефону и заканчивая последним сеансом.

Я всегда, прежде чем принять родителей, рассказываю по телефону, как работаю на первых консультациях. Родители, соответственно, будут знать, чего ждать, и с самого начала смогут осознать, какое значение я приписываю высказываниям родителей, а какое — пониманию ребенка. Сначала я должна встретиться с одними родителями, то есть без ребенка, на самом первом собеседовании. Иногда я добавляю: «Так у нас будем время поговорить о проблеме вашего ребенка». Такая формулировка неявно предполагает, что присутствие ребенка не позволяет родителям откровенно рассказать о том, что больше всего их угнетает, о своих конфликтах, выплеснуть эмоции, которые их переполняют, и т.д. К этой первой просьбе о встрече с родителями один на один я добавляю просьбу о том, чтобы два раза встретиться с их ребенком, тоже один на один, «если это возможно», — говорю я, не отказываясь таким образом от возможности увидеть его в сопровождении одного из родителей, если тревога ребенка или родителей препятствует приватному характеру этих консультаций. Наконец, я специально подчеркиваю то, что потом я снова встречаюсь с одними родителями, после двух сеансов с ребенком, и обязательно уточняю, что «тогда скажу, что думаю об их ребенке». Родители соглашаются с этим порядком действий, соответственно получая представление о том, как я работаю: сначала я не встречаюсь с ребенком, и причина именно в том, что нуж-

но предоставить место каждому, выделить место, которое я отвожу взрослому и которое не смешивается с местом ребенка. В результате они знают, что, когда я снова их увижу, встреча будет нацелена на то, чтобы поговорить о ребенке, но уже со знанием дела. Этой схемой практики я обязана Джеймсу Грэммиллу³⁶, а ее эффективность неизменно подтверждалась на деле. Теперь перейдем к рассмотрению ее деталей.

А.2 Техника первого собеседования с родителями

Поскольку я работаю без приемной, я требую от родителей приходить вовремя.

Отсутствие приемной является, на мой взгляд, преимуществом, роль которого я оценила за годы практики. Раньше у меня была приемная, и я могла просчитать, какие неудобства, если смотреть с точки зрения рамки, предлагаемой для терапии, есть у такого места, статус которого в том, что оно находится наполовину внутри, наполовину снаружи отношений родителей и ребенка с терапевтом. Далее я вернусь к этому вопросу, когда будет идти речь о детском анализе как таковом. Но здесь мы можем понять, как представление аналитика и его манеры может закрепляться с самого начала, во время первых консультаций. Если родители побеспокоились прийти вовремя, аналитик тоже предстает как человек, который достаточно их уважает для того, чтобы вовремя принять их. Для родителей это означает, что, если они сами думали об этой встрече и ждали ее в состоянии более или менее заметной тревоги, то и аналитик ждал будущей встречи. Родители приходят к тому, кто ждет их, а не к тому, что заставляет себя ждать. Не напоминает ли это встречу новорожденного с родителями, которые ждали его в течение нескольких месяцев и теперь, наконец, узнают, как он выглядит? В данном случае будущий аналитик не ждал своего нового «младенца» так долго, но важно, что он ждал его, зная, что будет заниматься им до тех пор, пока тот не сможет самостоятельно стоять на ногах. Ребенок, как говорил Винникотт, никогда не существует один³⁷. В данном случае, ребенок, о котором идет речь, состоит из одного ребенка и двух его родителей. У него могут быть братья и се-

³⁶ Gammill J. A partir de Meélanie Klein. Lyon: Césura, 1998

³⁷ Winnicott D. W. L'angoisseliée à l'insécurité // De la pédiatrie à la psychanalyse. Trad. J. Kolmanovitch. Paris: Payot, 1969.

стры, но исходно аналитика интересует ситуация, которая задается этим треугольником ребенка и его родителей.

Возможно также, что уже по телефону один из родителей говорит нам, что он не может прийти с супругом, поскольку они живут отдельно, например, после развода, но это не обязательно. В этом случае можно осведомиться о том, получил ли данный родитель согласие со стороны другого на предполагаемую консультацию. В результате ситуация может сложиться по-разному. Например, можно согласиться принять одного родителя, если он уверяет нас в том, что получено согласие от другого родителя, которого мы как можно раньше проинформируем о действиях первого. При противоположном раскладе можно также согласиться принять одного родителя, когда другой, давно с ним не живущий, не интересуется судьбой ребенка, болен или равнодушен к проблемам ребенка. Мне случалось принимать родителей, которые встречались друг с другом после длительной разлуки лишь в кабинете будущего аналитика их ребенка, чтобы о нем поговорить. Иногда они полагают, что способны преодолеть свои прошлые раздоры, понять друг друга ради ребенка. Разногласия, жертвой которых, как можно предположить, мог стать ребенок, вскоре дают о себе знать и во время консультации. Видно, что такие родители говорят только о себе и не упоминают никаких проблем ребенка. В таком случае аналитик, отождествляясь с ребенком, осознает то, что должен был пережить последний: для его идентичности вообще не осталось места, как и для его точки зрения на мир. Он мог лишь пассивно терпеть нарциссическое инвестирование каждого из родителей или же в качестве отвергнутого существовать в мире, в котором каждый из родителей думает исключительно о себе. Бывало, что я принимала подобные пары, которые уже расстались или же были в процессе развода: родители ссорились друг с другом прямо передо мной — то же самое они, вероятно, не раз делали на глазах у ребенка. Последний, как и терапевт, никогда не сможет их примирить.

Очень сложно заниматься лечением ребенка, когда тот не видит, что оба родителя согласны с его терапевтом. В лечении всегда наступает момент, когда всемогущество нарциссических защит ребенка пытается вступить в сговор со всемогуществом одного из родителей, если не обоих. Именно по этой причине необходимо, чтобы терапевт был готов работать с такими моментами при поддержке обоих родителей, и ровно тем же объясняется, почему в лучшем

случае он с самого начала лечения заключает с ними терапевтический союз, действуя по описанной мною выше схеме.

В подобной рамке может возникнуть самый разный расклад фигур, а потому все варианты перечислить здесь невозможно. Некоторые дети извлекают нарциссическую выгоду из расставания родителей: они входят в сговор с одним из них против другого, и таким образом уклоняются от страданий, связанных с образованием эдипальной триангуляции и первичной сценой, которая их исключает. Однако позже начинается война с любимым родителем — в тот момент, когда тот же самый родитель меняет свою жизнь и сталкивает ребенка с проблемой, которой тот подобным образом избегал. Однако это лишь негативная сторона картины: каждый ребенок в то же время желает объединения своих родителей, и его гнетет переживание катастрофы, возникающее из-за их расставания; для него, внутри его *Я-реальности*, работающего над освоением связей между его объектами и различными частями его самого, все выглядит так, словно бы нарциссические защиты взяли в нем верх над соблюдением законов зависимости от объектов. Пара, которая дала ему рождение, рушится не только вне его, но также и внутри. В таком случае работа будет заключаться в том, чтобы восстановить пару внутри, когда отсылать вовне она перестала. Мы видим, в какой мере важен союз между терапевтом ребенка и родителями. К сожалению, редко бывает так, чтобы забота о ребенке могла преодолеть взаимную враждебность родителей друг к другу, и ребенок находит этот столь фундаментальный для его психической жизни союз лишь благодаря новой паре, если только она достаточно крепка, паре, образованной одним из родителей, который отвечает за ребенка. Можно представить себе сложность ситуации в восприятии ребенка, который находится под совместной опекой, когда конфликты между родителями продолжаются. Во всех этих ситуациях терапевт, как мы увидим, должен стремиться проанализировать фантазии ребенка изнутри волнений, вызванных в рамке внешней реальности.

Рассмотрим теперь наиболее благоприятный для анализа расклад — тот, при котором оба родителя остаются вместе, объединенные заботой о психической жизни своего ребенка.

Первое собеседование аналитика с родителями — это, несомненно, настолько обширный предмет, что он заслуживал бы отдельного рассмотрения, возможно даже большего, чем собственно первый

аналитический сеанс. У этого предмета много аспектов, поскольку благодаря нему мы сталкиваемся с внутренним миром не одного-единственного человека, а как минимум двух человек, а также с сочленениями между их психикой и психикой ребенка, который создает им определенную проблему, и психикой других детей, которые остаются на заднем плане по отношению к ребенку, для которого требуется консультация. Также на заднем плане остаются детские компоненты самих родителей, хотя вскоре они будут выведены на передний план. Таким образом, собеседование с родителями знакомит нас с тем, как в настоящем отыгрывается их собственное прошлое.

Прием родителей должен проходить под аналитическим углом зрения. Это означает, что их следует слушать, позволяя им представляться так, как они того желают. Речь не идет об опросе, метод которого мы — в соответствии с нашим собственным порядком действий — использовали бы для изучения различных составляющих истории жизни ребенка и разных этапов его развития. У нас сохраняется фоновое представление об этих реперных точках, по которым мы пройдемся; но прежде всего нужно уважать свободу высказывания родителей и их ассоциаций, поступая точно так же, как во время аналитического сеанса. Однако речь не идет об аналитическом сеансе, поскольку у родителей должно быть чувство, что мы принимаем их в качестве самостоятельных взрослых людей, у которых есть собственные родительские заботы. Следовательно, нужно делать значительную скидку на вторичный характер их речи, направляя наш аналитический слух на разные цели: то, как родитель говорит о своем ребенке, выдает инфантильное инвестирование последнего, что ставит перед нами вопрос о том, что этот ребенок представляет для него: часть его самого, брата или сестру, возлюбленного или соперника? Точно так же полезно понаблюдать за отношением родителей друг к другу, которое они демонстрируют нам: берет ли первым слово отец? Выходит ли на авансцену мать, оставляя своему мужу лишь ограниченное место? Кто нарциссически завладел судьбой ребенка? Кому, соответственно, будет сложнее всего дать ребенку возможность освободиться от этого инвестирования? Все это дает нам указания относительно того, как принимать ребенка: готов ли он прийти один, а если готов, то готовы ли его мать или отец отпустить его? Сколько же времени порой приходится потратить на то, чтобы дать родителю возможность ос-

вободиться от своей нарциссической власти! Ребенок может вполне соглашаться приходить в одиночку на наши сеансы, но, конечно, он не осмелится показать это родителю, которого, как ему слишком хорошо известно, подобная новость ранит, ударив по его нарциссической чувствительности. Мне вспоминаются дети, которые краснели, когда случайно проговаривались о секрете, который родители хотели бы сохранить, например, о том, что они думали об аналитике или о результате, которого они ожидали от лечения. Дети не хотят предать своих родителей, поскольку, чтобы жить и выжить, они должны, прежде всего, рассчитывать именно на них. Я не беру здесь крайние случаи, когда детей забирают у родителей, которые дурно с ними обращаются. В подобном случае ребенок слишком погружен в фантазию, будто судьба его родителя зависит от того места, которое он внутренне ему отводит. Ребенку крайне сложно смириться с внешней реальностью, с которой он не может ничего поделать; в данном случае речь может идти о психическом заболевании родителя, от которого он зависит. Интернирование не всегда позволяет разрушить бредовое убеждение в том, что возвращение родителя привело бы к объединению с ним в некоем идеализированном союзе. Чем меньше ребенок, тем более прямой у него доступ к психической реальности родителя. В подобных условиях он еще больше укрепляется в иллюзии, будто он является неотъемлемой частью психического функционирования этого родителя. Это общая иллюзия, поскольку этому родителю нужно выносить вовне себя, во внешнюю реальность своего ребенка, то, что должно было бы располагаться лишь внутри него. В таком случае родитель заставляет ребенка играть роль, которую тот не должен был бы играть, если бы родитель уважал его инаковость. Эта ситуация, которая может кристаллизироваться в бред на двоих, в большинстве случаев не столь интенсивна, так что ее можно мобилизовать в ходе терапии ребенка, при условии, что родители проходят курс у терапевта, занимающегося их ребенком.

Это большой вопрос: почему нужно, чтобы родителей ребенка вел его терапевт? Ответ был уже частично дан всем вышесказанным. Когда мы принимаем ребенка, мы также принимаем детские составляющие родителей; они спроецировали их в него. Этот ребенок занимает также и другие места, выделенные его родителями в межпоколенческой организации: он может быть ребенком-соперником, ребенком, которого бы хотел иметь родитель родителя, ре-

бенком, подаренным с этой целью дедушкам и бабушкам, ребенком-носителем семейного порока... Расклады могут быть самые разные, и по мере развития отношений с самими родителями, когда аналитик их ребенка постепенно завоевывает их доверие, необходимо вскрыть эту бессознательную реальность. Такого доверия невозможно достичь, если аналитик продолжает выступать носителем родительских проекций, когда эти проекции напрямую соотносятся с теми, носителем которых невольно стал ребенок.

Аналитик, прикасаясь к интимной жизни ребенка, касается также и интимной жизни родителей. Именно этим объясняется столь специфическое положение детского аналитика. Представляя для ребенка родителя, отличного от реального родителя, своей аналитической работой он внесет изменения в его внутренний мир, и тем самым потревожит то, что было вложено в этого ребенка. Анализируя ребенка, аналитик, таким образом, прикасается к самым глубинам интимной жизни родителя. Следовательно, с точки зрения родителя, первая «ошибка» аналитика состоит в том, что он вторгается в его психическую жизнь, тогда как сам родитель не просил о личном анализе. Если использовать образ, который хорошо иллюстрирует эту проблему, можно было бы сказать, что родители чувствуют себя оскорбленными в лучших чувствах, ведь они выводят ребенка из дома, чтобы познакомить его с доктором, который должен научить его жить, расти, справляться со своими тревогами, стать как все, наконец, но вместо этого они обнаруживают этого незнакомца у себя дома, где он теперь завтракает с ними за одним столом и роется в ящиках комода! Когда родители осознают это, они, придя в большее или меньшее возмущение, выставляют доктора за дверь и прекращают лечение.

Следовательно, нужно сделать так, чтобы родители сами открыли свои ящики, прежде чем работа с ребенком создаст у них ощущение, что она идет без их согласия. Поэтому нам понятно, что такая работа ни в коем случае не может осуществляться в отсутствие самого виновника торжества. Ни одна операция такого рода не проводится *in absentia*. В противном случае это было бы то же самое, что анализировать перенос, свойственный аналитической ситуации, не с самим аналитиком, а с каким-то другим человеком. Это значило бы полностью упустить из виду то, что ситуация переноса может развертываться только в присутствии данных конкретных протангонистов. Когда, к примеру, ненавистный аналитик становится лю-

бимым, пациент пытается проверить способность аналитика выйти за пределы испытания ненавистью, перенести ее, но не подпасть под ее власть. Он испытывает аналитика, который за всей совокупностью аффектов, которые в него инвестируют, сохраняет нейтральность. В случае с ребенком мы будем постоянно сталкиваться с тем, что инструмент контрпереноса позволяет аналитику выявлять инвестирования, объектом которых он является.

Как такая ситуация могла бы анализироваться вне круга этих протагонистов? Однако именно такова практика в различных институтах, принципом которых является защита анализа детей от вмешательства родителей. Подобные априорные принципы оказывают влияние с самого начала курса терапии, поскольку в этом случае развод пары родитель-аналитик происходит уже на первом этапе: консультант принимает родителей, с ребенком или без, а потом отправляет ребенка на курс к терапевту, который может никогда не вступать в контакт с родителями. Мне интересно, какой перенос может возникнуть у родителей по отношению к такому консультанту. Что станет с переносом каждого из родителей на терапевта, практически неизвестного им, который работает не только с их ребенком, но также мобилизует через него детские составляющие, которые были спроецированы родителями на своего ребенка? Я предполагаю, что, изолируя родителей от всякой работы аналитика с их ребенком, эти институты надеялись защитить психику последнего от родительских проекций. Но тем самым они забывали, что «зло» уже было причинено и что ребенок приходит на прием уже после того, как в него проникли такие проекции. При посредничестве ребенка сами родители отправляются в комнату для игр. Но они отправляются туда не для того, чтобы их лечили, а чтобы поддерживать то привилегированное отношение, которое есть у родителя с его соперником, то есть реальным ребенком, пришедшим на терапию.

Таким образом, соперничество родителей по отношению к аналитику их ребенка, реализуется на нескольких уровнях.

Во-первых, это уровень взрослого: родители должны смириться с тем, что другой взрослый добивается успеха там, где они потерпели поражение.

Во-вторых, это уровень ребенка, который находится в них самих: аналитик занимается не тем ребенком, которого они носят в себе.

Поскольку аналитик оказывается в водовороте различных течений соперничества, разве можно считать, что это соперничество будет трансформировано в результате работы, проведенной в отсутствие главного заинтересованного лица? Я специально подчеркнула, что это невозможно. Только создавая хорошую связь с аналитиком, которым родители недовольны, поскольку он забирает у них и их функцию, и их ребенка, выступающего подкладкой для их бессознательных проекций, они могут преодолеть свой конфликт с ним и позволить ему вывести их ребенка из тупика, в котором он оказался, то есть трансформировать его внутренний мир, не касаясь психической реальности его реальных объектов.

Это не означает, что не может быть полезной консультация с одним из членов команды, которая, наоборот, часто оказывается необходимой, задавая ориентир, которого может и не быть в бинарной ситуации родитель-терапевт. Она замыкает эту ситуацию в треугольник и вводит, таким образом, инстанцию внешней реальности, которая порой забывается в неразберихе инвестирований, относящихся к внутренней реальности родителей. Мне вспоминается ситуация (один расклад из многих), когда семья пришла на консультацию, нужную очень больному мальчику, и общим порядком действий руководил отец. Он звонил по телефону терапевту, которая с немалыми сложностями добилась присутствия матери на первом собеседовании. Отец полностью контролировал все семейные дела и не признавал за своей женой места матери, показывая, таким образом, что связь, которая у нее могла бы быть с ее детьми, являлась совершенно ничтожной. Нет ли в этом отце ребенка, который контролирует связи, существующие между его матерью и другими детьми? Под тем предлогом, что его жена слишком занята, он блокировал всю ситуацию в целом и в одиночку пришел на встречу, предложенную терапевтом. Терапевт заметила, что ее контрперенос может быть насыщен негативными элементами, направленными на этого отца. Она почувствовала, что ее ждет та же судьба, что и у исключенной женщины, что она будет наказана точно так же, как его жена, а потому лечение прервется. В подобном случае важно, чтобы прошла консультация с двумя родителями, поскольку она должна выступить рамкой для рамки. Ввиду проблем, свойственных этой семье, важно, чтобы консультантом выступил мужчина, который бы, таким образом, противопоставил всемогущему ребенку, сохранившемуся внутри отца, настоящий родительский авторитет.

Нам могут сказать, что с этого и нужно было начинать, прежде чем работать с ребенком. На это я отвечу, что вещи, обнаруживающиеся в отношении с аналитиком ребенка, возможно, не дали бы о себе знать с консультантом, поскольку всемогущий ребенок, сохраняющийся внутри отца, заявляет о себе только для того, чтобы проконтролировать связь между терапевтом и его сыном — точно так же как связь между матерью и ребенком-соперником, который занимает его место в семейной линии. Эта ситуация для консультанта может остаться совершенно скрытой, а затем, раскрывшись, спроецироваться на лечение ребенка. Поэтому мы достаточно часто видим, что на родителей, пришедших за консультацией, можно положить в вопросе о лечении ребенка, поскольку оба родителя уже прошли длительный анализ. К сожалению, можно заметить, что в ряде случаев то, что произошло с ребенком, ускользнуло от анализа родителя, так что последний сохранил в отщепленном виде, за пределами аналитической связи, некую часть своей инфантильной жизни, которая выбирает его реального ребенка в качестве объекта проекции. В таком случае речь идет о вполне натуральном отыгрывании (*actingout*), поскольку ребенок — настоящий, а его повседневная жизнь создает немало возможностей, чтобы вернуть его родителей к их собственной детской жизни. Возникает сильное искушение перенести на ребенка то, что родитель сбрасывает с себя, и, таким образом, заставить его взять на себя вину, ассоциированную с этой спроецированной частью.

Некоторые аналитики стараются не скрывать от ребенка ничего из того, о чем говорится с родителями, а потому их принцип — никогда не проводить с родителями консультации, на которую не был бы приглашен ребенок. В таком случае ребенок присутствует и на самых первых консультациях.

Мне кажется, что такая установка удовлетворяет фантазию о всемогуществе, требующую, чтобы личная жизнь родителей была прозрачна для ребенка. Подобная фантазия скрывается за убеждением, что аналитик предал бы ребенка, если бы в его отсутствие вступил в контакт с внешним миром. Но разве аналитик, который составляет личное мнение о родителях ребенка, отличное от мнения последнего, и правда его предает? Вряд ли это законный вопрос. Скорее, речь идет о предательстве самой рамки, предложенной аналитиком для игры ребенка и для раскрытия его бессознательного: именно удастая нас местом в стороне от своей внешней жизни, ребенок

доверяет нам секреты своего бессознательного. Принимая родителей в его присутствии, мы бы предали то положение, в которое он нас ставит. И хотя мы бы не раскрыли ничего из того, что происходит на сеансах с ребенком, сам факт реального контакта с людьми из его окружения может переживаться им как вторжение в его личную жизнь, ведь не он привел нас к этим людям, он лишь дал доступ к жизни своих фантазий. Могла бы нам прийти в голову мысль встретиться с супругом пациентки и с различными членами ее семьи? Или мысль о том, что надо встретиться с друзьями ребенка, которым мы занимаемся? Это, конечно, тоже не вопрос.

У встречи с родителями есть, однако, совершенно другое основание: всякое лечение ребенка осуществляется с согласия родителей. Именно они приводят его к аналитику, и они же платят последнему. Мы выяснили, что на встречу с аналитиком родители приводят не только своего ребенка. В равной степени положение первичной зависимости от родителей также требует, чтобы, прежде чем встретиться с ребенком, мы познакомимся с ними. Тем самым мы признаем за родителями их позицию взрослых людей, и именно по отношению к такой позиции можно представить себя как в равной мере ответственного за ребенка. Взрослые говорят о будущем ребенку — точно так же, как родители обдумывают будущее рождение, отталкиваясь от своей связи. Это в порядке вещей. Мы принимаем родителей, поскольку ребенок приходит только после них и поскольку ребенок пока еще реально и конкретно поддерживается ими.

Что делать с большими детьми, неуверенными в своей идентичности и нестабильными, то есть с подростками? У меня всегда было правило — принимать их после встречи с их родителями, поскольку они пока еще живут с ними, так что родители отвечают за их развитие и платят за их сеансы. В этом смысле такие консультации не отличаются от консультаций по поводу детей. Однако здесь встречаются и иные расклады, когда крайне полезным может оказаться наличие центров для подростков: подросток, возможно, порвал с семьей и сам желает прийти на консультацию, хотя у него нет средств оплатить лечение. Родители могут не давать ему освободиться от семейного ярма, поэтому желательно, чтобы он чувствовал себя свободным в осуществлении своего намерения. В отличие от ребенка, подросток может выступать инициатором своего собственного лечения. Если в этом случае он не желает, чтобы мы

встречались с его родителями, важно соблюсти это его желания, оставив за собой право просто известить их о намеченном лечении подростка. Таков двусмысленный статус подростка: он хочет и может иметь право выбора, однако пока еще живет под опекой родителей. Поэтому мы не можем начинать с ним никаких действий, не предупредив последних.

Вернемся теперь к рамке лечения ребенка. Когда родители приходят на свою первую консультацию, они знают, что пришли говорить о своем ребенке. Аналитик должен делать ставку на такт и интуицию, чтобы можно было заключить с ними «терапевтический союз» — этот термин используется также и для самого лечения. Родители должны осознать, что аналитик задает вопросы только для того, чтобы понять их проблему и поставить себя на место их ребенка. Таким образом, у родителей ни в коем случае не должно быть ощущения, что аналитик требует подстраиваться под него или под возможную схему интерпретации, словно бы это был некий тест, который надо пройти. В данном случае, как и во время лечения, то, что выявляется, принимает совсем не то направление, что было намечено вначале. Впрочем, я рекомендую во время первого собеседования с родителями слушать их, избавившись от любых априорных посылок. Надо позволить речи родителей развертываться так, как им это удобно. Эти первые моменты весьма ценны, прежде всего, для последующего понимания проблемы и для определения позиции каждого из родителей. У них должно быть чувство, что они пришли рассказать о своих заботах, связанных с внутренней, но также и с внешней жизнью их ребенка. Когда видно, что родители ограничиваются жалобами по поводу школьной успеваемости ребенка, не нужно говорить им сразу, что у нас другая задача; они подумают, что их просто не понимают. Только тогда, когда у них будет чувство, что аналитик так же заботится об их ребенке, как и они сами, они смогут начать выслушивать его вопросы. Как получилось, что ребенок не учится? А другие навыки — речь, ходьба, гигиена — отставал ли он и в этом? Родители осознают, что аналитик пытается понять, что он не скрывает от них хода своих мыслей, которые ведут к тому или иному заключению.

Можно представить себе такой диалог:

Аналитик: В каком возрасте ваш мальчик перестал говорить, хотя до этого начинал?

Родитель: К двум с половиной годам?

Аналитик: Да, в этом возрасте еще не все понятно, но не помните ли вы о каком-либо событии, которое случилось в этот момент?

У матери тут может случиться «инсайт», или же она может сказать что-то вроде бы неважное: «Как раз в этот момент мы переехали». Или: «Да, тогда я забеременела».

Аналитик: Вот! Это важное событие в жизни ребенка!

Тогда родители отдают себе отчет в том, что аналитик пытается мысленно выстроить связь между психическим событием и внешним событием, чтобы понять симптом ребенка. В то же время они привыкают к той мысли, что вещи в жизни ребенка обладают определенным смыслом и всегда им обладали.

Аналитик может порой сыграть в педагога, не для того, чтобы действительно прочитать лекцию о том, что происходит в психике ребенка, а для того, чтобы подчеркнуть еще раз, на какой основе он будет строить свои рабочие гипотезы.

Аналитик: «Знаете, в голове ребенка иногда происходят иррациональные вещи. Дети, теряя привычную ситуацию, в которой проходила их жизнь, теряют больше, чем могли бы себе представить мы, взрослые. Да и для нас это кое-что значит... А ведь они более чувствительны и, кроме того, когда они ощущают, что мама будет заниматься другим ребенком, а потому они потеряют свое место, у них может возникнуть чувство, что их бросили. Реагируют они по-разному, в зависимости от темперамента. Некоторые замыкаются в себе, другие, напротив, открыто выплескивают свой гнев, третьи впадают в оцепенение, словно бы для того, чтобы все остановить. Заметили ли вы тогда какое-то изменение в характере вашего ребенка?»

Подобными замечаниями мы даем родителям материал для ассоциаций. Мы выдвигаем гипотезы, на которые они могут опираться. В целом, когда отец держится в стороне, он осмеливается заговорить, когда замечает, что перед ним специалист не такой, как другие. Аналитик — это специалист, который стремится достичь определенного знания, и поэтому ему требуется сотрудничество родителей, их воспоминания, их аффекты, их интуиции. Предлагая им себя в качестве объекта для идентификации, он позволяет им не знать, что происходит с ребенком, и даже приглашает их использовать свое незнание, при условии, что оно станет отправной точкой

для вопросов и будет восприниматься не в качестве недостатка, а, напротив, как достоинство.

Иногда, как я уже отмечала, полезно дать несколько общих комментариев, но при этом не сводить ту точку зрения, которую можно принять по отношению к ребенку, к некоему магическому знанию. Дети, если их сравнивать друг с другом, реагируют по-разному. Но есть, похоже, общая черта для всех: подобные события на них так или иначе влияют. То, что, как мы говорим, известно нам по опыту, сглаживается нашим незнанием, или даже так: мы даем родителям понять, что наше знание — просто рычаг, который позволяет нам углубить наше исследование. Нет ничего хорошего в том, что аналитик представляется в качестве всемогущего Сверх-Я, которое готово отнять у родителей их родительское место, ведь, на самом деле, именно они являются истинными обладателями бессознательного знания, охватывающего всю полноту ситуации, переживаемой ими самими и их ребенком. Сила аналитика во время этой первой консультации заключается именно в умении удержать под контролем свой собственный нарциссизм, чтобы выделить родителям самостоятельное родительское место, то есть место родителей, отвечающих не только за сложности, с которыми столкнулся их ребенок, но также и за способности, которые они дали ему возможность приобрести. Когда мы вместе думаем о том, что могло быть причиной симптомов ребенка, это не значит, что родители должны испытывать чувство вины; аналитик должен совершенно четко указать на то, что события, пережитые ребенком во внешней жизни (главными среди которых являются события, происходящие во внутренней жизни его родителей), как правило, не оказывают прямого воздействия на него: изменяются фантазией, ответственным за которую может быть только ребенок. Поэтому не может быть прямой интерпретации, которая бы от внешнего события переходила бы к его внутреннему замещению. Однако нельзя в то же время отрицать и то, что реальность ситуаций, пережитых ребенком, способствовала или, наоборот, препятствовала его внутренней работе. Этот момент должны признать как родители, так и аналитик, который не может устранить эту реальность, он может лишь помочь в ее проработке постфактум, которая бы проходила наименее болезненным образом. Родители узнают вместе с аналитиком еще и то, что, если одни элементы мы можем преобразовать за счет аналитической работы, существуют другие, изменить которые мы не в силах, поэтому сле-

дует научиться принимать их как есть. Нужно понять пределы наших способностей и различие между пунктами, на которые мы можем воздействовать, и теми, с которыми это невозможно.

Самое важное ограничение — то, что налагается телесной неполноценностью. Мне вспоминается один глухой ребенок, по поводу которого консультировались его родители, но не для того, чтобы вылечить его от глухоты, а чтобы снизить его заторможенность при завязывании отношений. В этом случае аналитик столкнулся с проблемой не глухоты ребенка, а психической глухоты его родителей. Они не хотели понять то, что заторможенность их ребенка была связана не с инвалидностью, а с их инвестированием последней. Нарциссическая рана, которую ощущала его мать, поскольку у нее больной ребенок, вызвала у нее такое бессознательное отвержение, что ребенок просто не мог привлечь внимание матери. Поэтому он старался, чтобы другие, и прежде всего сама мать, его не замечали. Когда же терапия позволила ему выразить свою агрессивность, он сам захотел прекратить лечение, зная, что идет по опасному пути, поскольку более кого бы то ни было другого понимал, что его родители не поддержат подобного эмоционального выплеска. Его привели к аналитику, чтобы излечить от заторможенности, однако он не должен был делать из родителей мишень для выражения влечений. Вскоре лечение было прервано.

Это один из бесчисленного множества примеров лечения, прерванного потому, что с самого начала, то есть с первых беседований, не было в должной мере оценено сопротивление родителей участию в лечении своего ребенка. Участие означает, что надо согласиться с изменением нарциссического инвестирования их ребенка. В этом маленьком примере можно увидеть, что ребенок вполне может вступать в сговор с сопротивлением своих родителей, поскольку он зависит от них и часто сам ощущает, что, если не будет пассивно играть ту роль, которую они ему отводят, они либо дезинвестируют его, либо страдание, которое он причинит, заставит страдать и его.

Искусство проведения первых беседований состоит в том, чтобы потратить достаточно времени, чтобы получить представление о трудностях, которые могут встретиться в будущем. Когда родители приходят к нам в первый раз, они находятся в положении просителей. Аналитик, соответственно, оказывается в сильной позиции по отношению к родителям, поскольку именно от него они ждут помощи. Мы отмечали, какую глубокую установку должен принять

аналитик, чтобы войти в контакт с родителями. Но это не мешает ему в то же время занимать отстраненную позицию, которая позволит оценить сложности, которые будут у него в работе с данными родителями. Теперь нам понятно, насколько сложно провести эти первые собеседования, поскольку они требуют реального аналитического подхода, включающего, с одной стороны, открытость, готовность к неизвестному и неопределенность идентификации с двумя родителями, а с другой — фоновую рефлексию, позволяющую оценить будущее намеченного предприятия.

Сегодня многие родители принимают участие в лечении лишь незначительное время, поскольку наше современное общество не поощряет те способы облегчения наших страданий, которые требуют от нас длительного усилия; с другой стороны, оно дает нам иллюзию, будто можно остаться на поверхности вещей и игнорировать их глубины. В то же время эта наша цивилизация создала возможность для открытия психоанализа и для глубокого исследования нашей самости. Конкуренцию, однако, составляют быстрые техники: речь может идти о медикаментах, мягких наркотиках или же различных занятиях, преследующих терапевтическую цель, но так или иначе все это нужно для того, чтобы не сталкиваться с нашей собственной ответственностью за свою психическую сознательную и бессознательную жизнь. Родители, которых мы принимаем, ребенок, которого они вырастили, — все они в равной мере, хотят они того или нет, погружены в эту культуру. И это еще больше мешает родителям взять на себя ответственность за своего ребенка и отнестись к нему с должным уважением.

А.3. Клинический пример

Я хочу представить случай, чтобы мы могли вместе подумать о том, что такое контакт, который позволяет создать прочные отношения с родителями. Этот пример не соответствует тому, что предписывается классическим каноном, однако в этой сфере, на самом деле, нет ничего классического. Его стоит привести, поскольку он позволяет нам понять, как терапевт должен приспособливаться к тому, с чем он имеет дело, не теряя при этом из виду цель, которую он себе ставит, то есть создание рамки, дабы работа шла, обеспечивая развитие ребенка.

Терапевту, мадам Г., звонит по телефону мать, которой нужно проконсультироваться по поводу своего сына, Лорана, которому 11 лет и которого преследуют нездоровые идеи. Когда терапевт рассказывает о первых консультациях и просит, чтобы на первой встрече присутствовал и отец, мать заявляет, что это невозможно, уверяя при этом терапевта в том, что он дал свое согласие на ее просьбу и придет на второе собеседование.

Нужно ли придерживаться своих требований и просить, чтобы отец обязательно пришел, иначе никакой встречи просто не будет? Конечно, нет. Но эта отсылка со стороны матери наводит нас на мысль, что такая манера представления ребенка значима сама по себе. Отец не должен присутствовать, возможно, по желанию матери, но также с молчаливого согласия его самого. Поэтому лучше устроить встречу с этой матерью, уточнив при этом, что ее примут одну, прежде чем встретиться с сыном в два следующих раза, а на последней консультации — с обоими родителями.

На первом собеседовании мать сообщает терапевту, что сын уже консультировался в медико-психологическом центре, когда был в первом классе. Ребенок, которому тогда было 7 лет, в школе грустил и скучал. Психолог, которая его тестировала, выявила ранее интеллектуальное созревание (IQ составлял 124); он научился читать еще до подготовительного класса. Лоран часто упоминает тему смерти, и это началось со смерти его кошки, когда Лорану было пять лет. Мать связывает с этим событием другое: когда он не умел плавать, приятели хотели стащить с него пояс, на котором он плавал в бассейне. Она собиралась обратиться к тренеру, чтобы сказать ему о проблеме и указать на то, что ребенка надо защищать, однако Лоран сказал ей: «Ты ничего не понимаешь! Я хочу, чтобы они его стащили. Я хочу умереть!».

Психолог добавила к этому следующий комментарий: «У него такие же суицидальные идеи, как у отца!». У его отца, пожарника, на работе был несчастный случай, когда он сломал себе один позвонок; он остался без работы, и у него на самом деле были суицидальные идеи.

Второй визит в медико-психологический центр, через два года. Хотя у Лорана все еще наблюдаются периоды депрессии, психолог считает, что он в неплохом состоянии, и советует вернуться позже, «если ему будет плохо!». Возможно, этой задержки с началом лечения не было бы, если бы в центре было свободное место.

Но поскольку тогда в этом заведении не было возможности его принять, у Лорана появился шанс встретиться с мадам Г., которая выслушает его.

Мы уже сейчас можем выдвинуть определенную гипотезу: запаздывание отца отчасти понимается как реакция на запаздывание в работе медико-психологического центра, отложившего начало лечения сына. Если страдание отца воспроизводится в страдании сына или если последнее отождествляется с первым, вполне возможно, что отец недоволен «психологом», так что мадам Г. платит за то, что не сумела вовремя выслушать просьбу страдальца. Если бы мадам Г. проявила непреклонность и настояла на том, что уже на первой встрече должны присутствовать оба родителя, она не смогла бы выявить проективные аспекты такой установки, которая уже выводит на путь к пониманию глубинного уровня идентификаций отца и сына.

Лоран в настоящее время жалуется на боли в животе. Иногда он забывается, и у него бывает легкое недержание кала.

Беременность матери, по ее словам, была «замечательной». Он «вышел» спустя неделю после срока и весил 4 килограмма. Он был «легким» ребенком, весьма бодрым и рано начал говорить. Лораном, когда он был совсем маленьким, занимались родители матери.

Все, что относится к стороне матери, представляется совершенно беспроблемным, тогда как все, что исходит от отца, — это сплошные тяготы. У него было тяжелое детство, его родители, с которыми он теперь редко видится, плохо обращались с ним и в психическом, и в физическом смысле.

Мать, вспоминая о здоровой обстановке и радостной жизни в ее собственной семье (она была третьем ребенком из четырех), по контрасту с патологией семьи мужа, начинает рыдать. Ее мучает тревога — она боится потерять сына. У нее не было других детей, но она не теряет надежды: хотя ей 40 лет, она хочет еще одного ребенка, и добавляет, что они с мужем любят друг друга.

Я хотела бы проанализировать некоторые элементы этого собеседования, чтобы показать, как мадам Г. могла бы мягко расспросить обо всем сказанном. В этой книге мы будем постоянно отмечать, особенно когда речь будет идти о проблеме интерпретации, как важно проводить различие между тем, что мы понимаем, или нашими гипотезами, и тем, что выявляется у пациента. Технически важно выбрать момент, решить, когда и как подойти к делу, чтобы

получить подтверждение или опровержение того, что мы думаем? Как мы увидим в дальнейшем, необходимо соблюдать два правила: держаться как можно ближе к материалу, представленному пациентом, и использовать как можно более простой язык для перевода того, что этим материалом выражается.

Во время этого собеседования мы замечаем, что в этом доме царит атмосфера смерти или страх смерти, и мать боится того, что эта атмосфера поглотит ее ребенка. Конечно, это нельзя выразить напрямую и сказать ей: «Похоже, что в вашем доме установилась атмосфера смерти».

Лучше подхватить предложенные примеры, чтобы показать, как из них выводится то, что страх смерти пропитал атмосферу в семье. Можно акцентировать эту мысль так: «То, что вы говорите мне о вашем муже, о потере кошки... все это создает у меня ощущение, что дома вы были уже давно чувствительны к смерти».

Это позволяет открыть вопрос о более давнем времени, чем смерть кошки, представив вещи в логичном виде; по поводу смерти кошки как события, ставшего триггером для депрессии Лорана, можно заметить: «Как получилось, что это событие приобрело такое значение в его мыслях?». Тем самым аналитик не уходит от слов матери, а, наоборот, точно следует им. Аналитик ставит перед ней и показывает, что он ставит перед собой вопрос, позволяющий углубить проблему и расширить исследование ее причин.

Аналитик может выдвинуть определенную гипотезу, придерживаясь по-прежнему линии логического развития: «Эта кошка много значила?», а также, поскольку речь шла о кошке родителей матери: «Наверное, ваша мать любила эту кошку?».

За этим банальным вопросом скрывается место деда и бабушки Лорана для матери, которое таким образом можно нащупать, не спрашивая напрямую мать о ее родителях. Через высказывания о кошке мать можно подвести к упоминанию (если она пожелает высказать его, поскольку это всецело в ее воле) отношений к ее собственным родителям и роли, которую она заставляла играть Лорана в этой истории. Тогда мы могли бы добавить: «Вы говорили, что ваши родители занимались Лораном, значит он давно знал эту кошку».

В этом смысле кошка представляет «общее место», через которое мы проходим, чтобы достичь других мест, скрывающихся за ее образом. На данном этапе разговора мы можем предположить, что ребенок привязался к кошке как заменителю родителей, потерянных в

то время, когда о нем заботились дед и бабка. Смерть кошки заставляет его снова пережить траур, в те времена не проработанный; это одна из первых потерь, которые происходят, когда психика не имеет средств, чтобы ее проработать.

Также мы можем решить, что мать маскирует депрессию, причина которой нам неизвестна, хотя можно предположить, что она проявляется, когда сейчас, на консультации мать Лорана начинает плакать: она боится потерять своего сына. Еще одна потеря, потеря надежды на то, что будет еще один ребенок, на которого надеются уже десять лет. Почему? Возможно, дело в муже? Вопрос слишком болезненный, чтобы его можно было поставить, но, продолжая разговор о кошке, можно подумать вслух: «Верно ли, что когда любят кошек, в них вкладываются примерно так же, как в детей»? И добавить: «Часто, когда в доме появляется новый ребенок, кошка ревнует!»

Мы видим, как, отправляясь от высказывания матери по поводу кошки, мы можем развернуть в нас самих ассоциации, позволяющие ассоциациям матери зацепиться за наши, при условии, что наши ассоциации принимают вторичную форму, приемлемую для сознания матери.

В этом первом собеседовании остается много других направлений для исследования. Было бы очень важно рассмотреть проблему отношения между Лораном и другими детьми. Почему Лоран позволил забрать у себя пояс, хотя он не умел плавать? Можно было бы спросить: «Почему он позволяет так обращаться с собой? Не умеет защищаться? Наверно, это не агрессивный ребенок». Такие высказывания не вредят нарциссизму родителей. Это один из двух пунктов, к которым аналитик должен быть чрезвычайно внимателен: во-первых, надо щадить нарциссизм родителей, а во-вторых — принимать их виновность, ничего не добавляя к последней и, напротив, пытаюсь ее сгладить. Это не означает, что нужно двигаться в одном направлении с их защитами, когда они выставляются вперед; виновность родителей может быть двигателем, который подтолкнет их продолжить аналитическую работу с их ребенком и, на втором шаге, обратиться за врачебной помощью для самих себя. Тогда как отрицание всякой виновности, порой провоцируемое неловкими шагами аналитика, скорее подтолкнуло бы их к прерыванию лечения или же к отказу от тех глубоких изменений, которое оно может вызвать в их ребенке. Аналитик, следовательно, должен

работать с виновностью родителей, не преувеличивая ее и в то же время не отрицая.

Такие фразы, как «Да, дети не всегда ладят друг с другом» и «Тем более, что они, наверное, чувствовали, что у вашего мальчика не было опыта с другими детьми, как у старших детей с младшим братом или сестрой», могут привести мать к ее собственным детским воспоминаниям, ее сожалению и в то же время желанию сохранить за Лораном комфортное положение единственного ребенка. Быть может, это и есть бессознательная причина, из-за которой она доверила своего сына своим родителям, когда он был в самом нежном возрасте. Смерть кошки отсылает мать к концу того периода, когда она была последним ребенком своих родителей.

Возможно также, что мать хотела встретиться наедине с будущим терапевтом своего ребенка, чтобы понять, имеет ли она дело с человеком, способным откликаться на эмоции — эмоции как сына, так и ее собственные. И вот в конце собеседования она плачет: она обнаруживает страх потерять сына, но за ним обнаруживается ее детская боязнь утраты своего объекта. Тот факт, что она может дать волю своим чувствам в присутствии аналитика, указывает на потенциальную возможность создать связь доверия между ними — это хороший знак для терапевтического союза, который должен быть установлен между родителями и аналитиком их ребенка. Если мы попытаемся перевести скрытую речь родителей, мы могли бы предложить следующее рассуждение: «Если этот аналитик способен нас понять, она способна понять и нашего ребенка». И далее: «Если мадам Г. была способна расслышать наше страдание, которое я высказываю, хотя и не целиком, если она способна понять, что мне надо было, чтобы сначала она выслушала меня одну, значит я могу доверять ей сына». Только на основе такого доверия будущее лечение ребенка сможет превозмочь все бури и потрясения — которые неизбежны, когда прикасаешься к глубоким зонам внутриспсихических конфликтов, связанных с ним, ведь Я ребенка будет видеть эту связь, объединяющую взрослых, которые им занимаются. То есть ребенок получит доказательство наличия взрослого мира, который невозможно сокрушить инфантильным всемогуществом.

Мы видим, что с самого начала процесса лечения множество элементов, участвующих в игре, соотносится с инвестированием аналитика родителями ребенка, и мы понимаем, почему данные первой консультации уже несут в зародыше будущее связей, которые

завяжутся между участниками. От этих связей зависит прочность контейнера, способного окружить ребенка; точно так же от связей, которые складываются между родителями, зависит имеющееся у ребенка ощущение того, что его любят и, следовательно, он удерживается ими.

Из этого можно вывести (по принципу доказательства от противного) все то, чего бы не хватало лечению ребенка в том случае, если бы родителям не позволялось работать с аналитиком их ребенка, как это часто происходит в клинике. Как в такой ситуации происходила бы трансформация слияния между «детскими» составляющими родителей и психикой их ребенка? Мои нижеприведенные комментарии смогут, я надеюсь, убедить читателей, что только в том случае, когда один человек работает и с родителями, и с ребенком, становится возможным разделить идентичности.

Итак, вот мое резюме двух сеансов мадам Г. с Лораном.

Отвечая на просьбу мадам Г., Лоран говорит, что согласен прийти к ней. Когда мадам Г., упоминая о встрече с его матерью, спрашивает, что его беспокоит, он отвечает, что все хорошо.

Мадам Г.: Но тогда почему твоя мама думает, что не все хорошо? А как в школе?

Лоран говорит, что ему очень нравится школа, и что он хотел бы дружить с другими детьми, только вот у них нет особого желания дружить с ним. И он не знает, почему.

Мадам Г.: А есть вещи, которые тебя пугают?

Лоран тогда говорит о кошке, Дэйзи, которую едва не сбила машина. Он говорит, что она умерла из-за страха.

Потом Лоран рисует Дэйзи, которая отворачивает голову в сторону от персонажа, представляющего смерть.

Закончив рисунок, Лоран не знает, с чем играть. Он говорит, что любит видео-игры, а еще любит рассказывать истории. Любит читать. Он как-то прочитал целый том Гарри Поттера за один вечер! Он может также сделать ассоциацию со школой: со своими учителями он читал Жионо, и тогда ему очень нравился этот учитель. Прежде он его не слишком любил, поскольку тот был строгим, но теперь ему не хватало этого учителя.

Наконец, Лоран пересказывает кошмар, который он связывает с Дэйзи и со смертью: во сне его касается коса, которая представляет смерть, и из бока у него начинает идти кровь. Тогда он идет на кухню за бинтом; он боится крови, но встречается мать, которая успока-

ивает его и говорит, что с ним все в порядке. При пробуждении он был уверен, что ранен.

На этом первом сеансе Лоран поменял свою установку: хотя в начале он не признавал то, что у него есть проблемы, в конце он пересказывает свой кошмар. Однако первая упомянутая им тревога — он не понимает, почему другие дети не дружат с ним, хотя он хотел бы завязать с ними отношения, — выводит нас к центру его проблемы, а именно проблемы отношения к другим.

Здесь мы начинаем понимать, что разыгрывается на уровне ребенка и одновременно на уровне пересечения проблем ребенка и родителей; следовательно, мы можем начать думать не только о внутреннем мире ребенка, но также о том, что высвобождается у него лишь при условии работы с его родителями, то есть о бессознательном инвестировании их ребенка. Мелкие подробности, представленные ими во время двух первых консультаций, а также ребенком за два сеанса, которые у нас с ними были, — вот что позволяет нам составить представление, пусть и достаточно элементарное, о его проблеме. Опыт учит нас распознавать знаки, которые не обманывают, позволяя нам предвидеть то, что, если мы начнем психотерапию, не учитывая все эти элементы, через большой или меньший промежуток времени нас будет ждать прерывание курса лечения.

В данном случае мы уже можем выдвинуть гипотезу об очень сильной связи между матерью и ребенком, которая, однако, не защитила последнего от столкновения с возможными соперниками. С другой стороны, нам известно, что мать, хотя и желает иметь еще одного ребенка, так и не получила его. Какая бессознательная причина скрепляет связь матери и сына — настолько, что никто не может разделить их, не вызвав страха смерти как у одной, так и у другого? Возможно, что сам отец, а потому и идентификация сына с отцом исключена этой крепкой связью? Вот сколько вопросов мы ставим себе, когда слушаем этого ребенка, рассказывающего о маленькой Дэйзи, но также о своем учителе: как всякий ребенок, опутанный симбиотической связью с матерью, он может счесть вмешательство отца (как учителя) слишком тяжелым и строгим. Но затем проявляется также и желание двигаться к своему примеру, примеру отца, который вводит его в символическое, знакомит с Жионо, примеру отца, которого он любит, поскольку ему его не хватает. В этот момент, впрочем, наверное можно было бы сделать замечание по поводу рассказа об учителе: «Он, конечно, строг, но это же

не смерть!». Такое банальное выражение, на стыке между страхом смерти и строгостью Сверх-Я, позволило бы нам коснуться предсознательного ребенка и обозначить ему то, что разрыв между ним и матерью, который приносит с собой отец, знакомит не со смертью, а, скорее, с жизнью.

Подобные замечания во время первых сеансов с ребенком склоняют его к тому настроению, с которым можно работать: о его проблемах думают, уважая его защиты.

Итак, есть «смертельная» проблема, которая влечет Лорана, как маленькую кошку Дэйзи, к косе смерти. Как получилось, что во сне его мать говорит ему, что у него все в порядке вместо того, чтобы перевязать его, как он того хочет? Означает ли это, что достаточно найти мать, и травма, ощущаемая из-за факта их разлуки, пройдет? В таком случае не представляет ли эта коса символического разрыва связи, возникающего, когда между ними утверждает свое присутствие отец? Отсюда недалеко до мысли о том, что аналитик и сама рискует стать объектом, который отделяет мать от ее ребенка, тогда как эта мать, как и ребенок, еще не знает, что эта разлука — не смертельна. Следовательно, за хорошей связью, которая успокаивает и позволяет матери чувствовать себя понятой, что мы наблюдали на первом собеседовании, скрывается связь ненависти, направленная на постороннего, который осмелился бы отнять у нее сына. Не будет ли она реагировать как кошка, которая потеряла своего котенка?

Второй сеанс с ребенком и особенно второе собеседование с родителями подтверждают нашу гипотезу: у депрессии отца были скрытые источники, они не ограничиваются тем, что вынесено на поверхность и что связывается со случайными событиями внешней реальности. Возможно, у отца особое место в семье, а его функция родителя вторично стерта матерью, которая, пусть и бессознательно, запрещает ему делать ей детей, которых она желает? Каждый — по-своему и в соответствии со своей собственной проблематикой — страдает от общей проблемы. Роль аналитика, начиная с первых консультаций, заключается в том, чтобы распознать природу этой проблемы, что позволит указать родителям на правила, которые надо будет соблюдать, чтобы лечение стало возможным. В данном случае мы уже понимаем, что, если ребенок и отец, как представляется, страдают от депрессии, первая патологическая связь, которую

нужно развязать, — это связь в матери. Впрочем, именно она пришла в одиночку на первую встречу.

Важно провести второй сеанс с ребенком, чтобы оценить, как он реагирует на первый контакт с нами, то есть на наш психический процесс, как сознательный, так и бессознательный. Как он оценил то, что мы ему сказали, а также, главное, то, чего ему не сказали. Дело в том, что во встрече двух психик, которые в ходе лечения будут смешиваться друг с другом и расходиться в разные стороны, предчувствуется взаимная захваченность, к которой подводит рамка лечения. Ребенок — или взрослый — уже с самой первой встречи знает намного больше о действии нашей психики, чем мы хотели бы допустить. Однако это знание состоит из догадок и прозрачности, которые суть лишь плод проективных механизмов: ребенок «проникает» в нас и замечает то, что в нас происходит. И он, конечно, не смог бы рассказать о том, что заметил; точно так же мы не можем сразу же осознать то, что перед нами открылось, схватывая это лишь бессознательно — в том же самом интуитивном, но прозрачном режиме.

Я всегда стараюсь назначать этот сеанс через неделю после первого, чтобы ребенок не слишком дистанцировался от нашей первой встречи. В том случае, если ребенок не сможет посещать более одного сеанса в неделю, это позволит ему осознать промежуток времени, разделяющий два сеанса.

Когда Лоран входит в кабинет мадам Г., он жалуется на боль в боку, но в то же время говорит, что неделя прошла хорошо. Однако один из его приятелей, Жорж, донимал его. Он смотрит на рисунок, сделанный на прошлой неделе, пытается дорисовать к нему череп, потом стирает его. Затем он пересказывает кошмар, который у него, по его словам, бывает настолько часто, что он ему даже начал нравиться. Во сне он с друзьями, их четверо, в том числе два близнеца, и все они взрослые. Они в лесу и видят хижину: из трубы вылетают всполохи пламени. В огне является чудовище, которое выглядит как огромная улитка. Он боится чудовища и скрывается в коридоре, в глубине, слева. Улитка преследует его, он чувствует, что его засасывает. В тот же момент он становится маленьким и просыпается.

Затем Лоран рассказывает о двух других кошмарах, как будто бы он хотел разгрузить свою психику от того, что загромождает ее. В этих кошмарах он сражается с чудовищами и, соответственно, защищает своих родителей.

Когда есть столь богатый материал, действовать становится легко. Сначала мы можем спросить, почему этот кошмар, бывающий так часто, пересказывается на втором сеансе, а не на первом. Быть может, Лоран благодаря ему показывает нам нечто более интимное или более связанное с влечениями, а потому и более личное, то, что на первом сеансе могло выглядеть выражением связи слияния с матерью, пресекаемой косой отца. Теперь ситуация начинает накаляться, из трубы вырывается пламя, а вместе с ним и улитка. Быть может, его сексуальное возбуждение просыпается и преследует его, так что, пытаясь избежать его, он может обратиться лишь к регрессии. Возможно, если он снова станет маленьким мальчиком своей мамы, у него будет спокойная жизнь?

Этот весьма глубокий материал был изложен лишь на втором сеансе, возможно, после того, как Лоран на первом сеансе изучил способность терапевта принять его.

Мне кажется, что важно провести связь между двумя сеансами и подчеркнуть — разумеется, не сексуальный характер его материала — а развитие содержания его сообщений. Например, мы могли бы ему сказать: «Похоже, что после прошлого раза ты сменил кошмар», а затем: «В твоём первом кошмаре было, скорее, холодно, и это была смерть, тогда как теперь можно сказать, что все разогревается!». Наконец: «Кстати, мне это напоминает о том, что твой отец был пожарным. Мне об этом сказала твоя мама, когда я с ней встречалась».

Таким образом мы подчеркиваем, не выпячивая свою роль, то, что контакт с аналитиком позволил ему между двумя сеансами разогреться. Это важно, поскольку, вероятно, за этим чудическим скрывается не только отец-пожарный, пострадавший от огня, но также и первичная сцена; это подводит нас к миру на троих, выводя из проблематики слияния матери и ребенка, которая «засасывает» (как во сне) идентичность последнего.

На втором собеседовании с родителями присутствует и отец. Однако в разговоре доминирует мать, позволяя мужу высказываться лишь под своим присмотром, поскольку она часто обрывает его на слове. Для аналитика очевидно обесценивание отца матерью, выступающее параллелью к самоуничтожению сына.

Тут же отец объясняет мадам Г., что он часто конфликтует с Лораном, но что у него самого был авторитарный и грубый отец. Он, по его словам, не хочет такого для сына, однако оправдывает свое поведение, признавая, что ему порой не хватает терпения и что он

хотел бы, чтобы его уважали. Он чувствует, что его обошел Лоран, которого он с трудом может хоть в чем-то ограничивать.

После этого слово берет мать, рассказывая о том, о чем она на первом сеансе не говорила: у мужа была кома, примерно около года назад, вследствие серьезного гриппа. Он оставался 10 дней в больнице, где подумывали об эпилепсии. Отец вспоминает, что похожий эпизод у него был 20 лет назад. Мать спрашивает себя, не в этом ли заключалась тревога Лорана — знать, что его отец находится в таком состоянии. Он звонил ему каждый день в больницу. В те времена отец прошел психотерапию, которая ему сильно помогла. Он уточняет, что мог бы начать ее снова, если это необходимо.

В своем контрпереносе мадам Г. ощущает мать в качестве кастрирующей матери, поскольку она обрывает мужа на слове, чтобы рассказать о событии, которое его касается.

Тогда мать спрашивает у мадам Г., что она думает о ее сыне. Мадам Г. отвечает, что Лоран тревожен, что его переполняет воображаемый мир, богатый и захватывающий. Мать спрашивала у Лорана, как прошли два сеанса. Он сказал ей, что пересказывал кошмары, но когда она попросила его рассказать их и ей, он отказался, заявив, что терапевт — это друг, то есть дав ей понять, что нельзя говорить об одних и тех же вещах с мамой и с другом. Мать говорит об этом как о позитивной установке своего ребенка.

Когда мадам Г. спрашивает, когда начались боли в животе, отвечает мать: «С начала учебного года», а потом продолжает: «Он уже давно плохо засыпает». Но ему, как и ей, надо мало сна, он считает, что сон — это пустая трата времени. Лоран порой просыпается и приходит спать к ним в комнату, но они этого не замечают, поскольку, по ее словам, она спит. Отец просыпается и спрашивает у Лорана, что происходит. Лоран говорит о своих кошмарах и снова засыпает рядом с отцом.

Мадам Г. подчеркивает то, что в его возрасте желательно, чтобы Лоран спал в своей кровати — так он приобретет определенную независимость.

Мать снова берет слово, чтобы рассказать о школе. Лоран там грустит, уклоняется, тушует, хотя математику он понимает быстрее других. Мадам Г. тогда обращается к отцу. Какие у него воспоминания о своей учебе в школе? Поскольку он был старшим сыном, он должен был бросить учебу, чтобы начать работать. Он стал пожарником, как и хотел. Когда он был безработным, то пытался сно-

ва начать учиться, но, поскольку постоянно тушевался, у него были большие сложности и он отказался проходить конкурс на государственную службу, боясь провалиться.

А.4. Комментарий к клиническому примеру

Я взяла эту консультацию родителей в качестве примера не потому, что это образец, ведь в этой области образцов не бывает, а в качестве канвы, которая позволит нам увидеть некоторые проблемы, возникающие во время первой встречи с родителями.

Я уже подчеркивала мысль, к которой мы будем постоянно возвращаться в этой книге по технике: существует пространство для трансформации между тем, что дают нам данные восприятия, и уровнем имеющегося у нас понимания происходящего. Похожее пространство существует и между нашим пониманием и тем, что мы находим нужным сообщить пациенту. Последний пункт как раз и касается техники. Бывает так, что мы вступаем внутри себя в контакт с определенным числом проблем, демонстрируемых пациентом, нам удается их сформулировать, но потом получается, что наш технический анализ приходит лишь к весьма ограниченному уровню вмешательства. Я по возможности буду развивать это техническое правило, которое имеет значение уже на самых первых собеседованиях с взрослыми, родителями и детьми. Однако точка, выбранная для перевода нашей мысли, располагается словно бы на перекрестке значений, на котором мы своим вмешательством прикасаемся к предсознательному пациента. Это означает, что мы не ждем мгновенного эффекта вмешательства, а смотрим в течение какого-то времени как возникают «ростки», если воспользоваться выражением Фрейда, относящимся к тому, что возникает в бессознательном, — ростки, которые были спровоцированы нашим вмешательством в зоне, которую я скорее отнесу к пространству между предсознательным и бессознательным. Этот анализ, на первый взгляд, отсылает к первой топике Фрейда³⁸, но он также связан и со второй топикой³⁹, поскольку нам всегда нужно явное согласие Я, чтобы прикоснуться к Оно.

Эта теоретическая прамбула позволяет нам подойти к анализу первого собеседования с родителями.

38 Freud S. L'interprétation des rêves. Trad. I. Meyerson. Paris: PUF. 1967. Chap. 7.

39 Freud S. Le Moi et le Ça. Trad. J. Laplanche et J.B. Pontalis // Essais de psychanalyse. Paris: Payot, 1981.

Когда слово берет отец, он упоминает о той проблеме, которая у него самого была с отцом, когда он был ребенком. Мы можем решить, что внутри него сохраняется конфликтная ситуация «отец-сын», а в своем сыне он видит мальчика, который отвечает своему отцу так, как не мог ответить он, поскольку его собственный отец был склонен применять силу. Разве сам он не ведет себя как отец, который «уступает» или подчиняется авторитету сына, защищаемому в этом плане матерью? Когда он жалуется на то, что ему сложно ограничивать сына в чем бы то ни было, понятно, что он отождествляется не с авторитарной установкой своего отца, а, на некой внутренней сцене, с установкой отца, которого победил его сын: чем больше его в этой ситуации, как он сам говорит, «обходят», тем больше нам понятно, что он позволяет внутри самого себя одержать победу высокомерию ребенка, которого не удастся остановить никакими ограничениями. Его взрослая жизнь не предполагает никакого понимания той детской составляющей, которая разыгрывается внутри него в присутствии его сына, который также не понимает, почему его отец не может заставить себя уважать. Поскольку ребенок состоит не только из всемогущества, он также хочет опереться на отца, который вне его, чтобы обуздать то, что грозит «обойти» и его тоже, внутри него самого.

Поскольку на заднем плане у нас есть интерпретация этой ситуации, можно сказать отцу, крайне осторожно подбирая при этом слова, чтобы не ранить еще и мать: «У меня впечатление, что вы не хотите, чтобы отец переживал то, что пережили вы», поскольку отец сам акцентировал этот момент и речь не о том, чтобы обойти молчанием его желание облагодетельствовать своего сына. Ту же мысль мы можем продолжить следующим образом: «Но у меня еще впечатление, что ситуация полностью перевернулась, поскольку в настоящее время это вас не уважают, а ваш сын занимает авторитарную позицию!».

Также важно подхватить мысли отца и слова, которые он использовал для их выражения. Так у него будет ощущение, что он имеет дело с человеком, который говорит на том же языке, что и он. На этом языке передаются следующие мысли, которые не обязательно сразу будут осознаны и облечены в слова. В первую очередь, речь о его чувствах: «Вы любите сына, но он ранит вас». К его рассуждению мы обращаемся лишь во вторую очередь и только касательно одного пункта: «Вот ребенок, который заставляет своего отца тер-

петь то же отношение, которое ваш отец заставлял терпеть вас». Именно эта проективная перестановка позволяет отцу отомстить своему собственному отцу, но главной жертвой этой мести становится он сам.

Напоминая о коме отца, мать указывает не только на неспособность последнего выступать в качестве авторитета, но также и на его недостаточное существование: если физически он временами все-таки присутствует, то психически он отсутствует постоянно. Впрочем, она сама проводит связь между этим состоянием и состоянием сына.

Стоит ли заняться этим моментом и как именно это сделать?

Мне кажется, что мы можем указать на смятение, которое такое положение вызвало у матери, поскольку таким образом мы выносим на обозрение не то, что могло бы ее заставить чувствовать вину (ее желание устранить отца и ее обеспокоенность тем, что она усложнит жизнь сына отсутствием родительской фигуры, подходящей для идентификации, что является лишь составной частью инфантильного бессознательного желания), а, напротив, ее страдание, то есть страдание взрослого человека, лишенного поддержки мужа. Однако, раз мы помним о подразумеваемой бессознательной речи, мы должны слушать по-другому, даже если замалчиваем определенную часть того перевода, который мы делаем для ее осознанной речи.

Мы могли бы сказать ей: «Верно, что Лоран тем самым показал, как он любит папу, но у меня впечатление, что вы обходите молчанием то испытание, которым это для вас должно было быть». Не появится ли в таком случае у нее возможность показать мужу, как она к нему привязана?

Аналитик во время собеседований с родителями, и особенно во время первых собеседований, всегда действует как штурман, который должен избегать встречного ветра, агрессивных движений и, скорее, держать курс к неявным либидинальным связям, которые толкают его судно к объединению членов семьи и пары в особенности. К сожалению, довольно часто мы видим, что такая работа невозможна, и наблюдаем распад семей как раз в тот момент, когда ребенок, как симптом, начинает демонстрировать то, что является лишь предвестником грядущего крушения.

Не дает ли отец согласия на будущее лечение, когда говорит, что сам бы начал такую работу, если бы это было необходимо? А по-

скольку в настоящее время это необходимо для его сына, не указывает ли он неявным образом на то, что проецируется в него?

Впрочем, мы можем, опять же намеками, прокомментировать этот момент: «Если ваш ребенок начнет лечение, к вам вернуться некоторые воспоминания». Задача его предсознательного — как и предсознательного матери — схватить те проективные составляющие, которые были затронуты в этом новом предприятии.

То, что родители спрашивают у нас, что мы думаем об их ребенке, вполне нормально. Разве мы не предложили с самого начала встретиться с ребенком, чтобы потом была возможность поговорить с ними со знанием дела? У некоторых детей, а также у некоторых родителей на первом собеседовании мы замечаем такую нарциссическую уязвимость, что принять ребенка одного сложно. В таком случае мы просим, чтобы два сеанса с ребенком прошли в присутствии одного из родителей, чтобы избежать ненужных страданий как одного, так и другого. Мы еще будем говорить об этой теме, когда речь пойдет о лечении, которое проходит — иногда частично — в присутствии одного из двух родителей. Однако даже в том случае, когда мы на двух предложенных сеансах принимали ребенка вместе с его двумя родителями, так что кто-то из них может в рамках сеансов осознать некоторые сложности, которые не были заметны за пределами этой рамки, родители все равно спрашивают у нас, что мы думаем об их ребенке. Мы составляем компанию взрослых, и в этом качестве мы должны подумать о проблеме ребенка, зная, что в этой рамке мы говорим и думаем не так, как в присутствии ребенка.

Когда мать Лорана спрашивает у мадам Г., что она думает о ее сыне, важно отвечать просто, поскольку аналитик несет ответственность за то решение о помощи страдающему ребенку, которое примут родители. В большинстве случаев, когда аналитик дает ясный ответ, как, собственно, и делает мадам Г., родители строят ассоциации на основе этого ответа и не требуют объяснений. Мы видим, что в их просьбе важным моментом является то, что они имеют дело с аналитиком, который может дать название той проблеме, причина которой остается тайной. Все напоминает следующий диалог: «Можете ли вы понять то, что мы можем разве что заметить? Вы не знаете, известна ли эта проблема? Страдают ли от нее и другие дети, не только наш? Если бы вы могли нам ответить, наш страх неизвестности уменьшился бы», — вот что как будто говорят родители. На что аналитик словно бы отвечает: «Да, как професси-

онал я могу вам сказать, что представляю, от чего страдает ваш ребенок. Он не один такой, такие же состояния есть и у других, и не только я одна могу такое состояние распознать. Доказательство в том, что я могу дать название его проблеме».

Этот диалог неявно протекает за простой беседой между матерью и мадам Г.: «Что вы думаете о Лоране?», — спрашивает мать. «Лоран тревожен, его переполняет воображаемый мир, богатый и захватывающий», — отвечает мадам Г., которая тем самым не выдает секретов, доверенных ей ребенком.

Хотя аналитик «дал название» неизвестному злу, от которого страдает в данном случае ребенок, — простое название, выражающее бесспорный факт, он все же не удовлетворил навязчивого желания матери, которая спрашивает себя, какова природа связи между аналитиком и ее сыном, ускользающей от нее. На этом уровне мы наблюдаем, как у родителя пробуждается инфантильное любопытство, относящееся ко всему тому, что происходит в его отсутствие, в тайных комнатах, за закрытыми дверями: предметом этого любопытства является первичная сцена. За этим простым размышлением матери мы обнаруживаем девочку, которая спрашивает у матери — точно так же, как она спрашивает у своего сына: «Скажи мне, что ты сказала папе? Скажи, что ты делала с папой», на что мать отвечает — так же, как ей ответил Лоран, — «Это тебя не касается, это дело взрослых». Детям не говорят, что происходит в интимных отношениях, которые Лоран маскирует «дружескими» отношениями: терапевт — это друг.

Все эти детали позволяют нам составить представление об интрузивности матери, которой нелегко будет принять то, что ее сын в какой-то мере отстраняется от нее, чтобы прийти к положительной идентификации с отцом. Не сообщит ли она тогда ему о своем чувстве, что в результате этого движения к независимости он, если и не «убивает ее», обрекая на судьбу кошки Дэйзи, то по крайней мере бросает, так что груз последующей вины будет переложен на него?

Остается только спросить мать о том, что заставило ее заметить, что ее сын может потребовать права выставить ее за дверь своей жизни, которая является жизнью уже не маленького ребенка, а почти что подростка. Тем самым мы бы высказали ей то, что поняли ее фрустрацию, и в то же время не ставим акцент на ней, поскольку включаем ее в нормальные материнские реакции, проявляющиеся при достижении ребенком возраста, когда начинают ходить по

«друзьям». Было бы неловко, с моей точки зрения, акцентировать материнское любопытство: это воздействие вызвало бы нарциссическую травму, словно месть отца, которого она держала в стороне от инвестирования, исходящего от его ребенка, и который, тем не менее, стремится с ним сблизиться.

Лоран хорошо понимает, что у него есть отец, который его любит. Он держит его ночью за руку, когда у него кошмары. В то же время он чувствует, что не должен будить мать, не должен мешать ей своими собственными заботами. На этой стадии собеседований с родителями, очевидно, невозможно выдвинуть на передний план устранение отца за счет позиции матери и боязнь ребенка потерять мать, которая не позволяет ему уйти. Это уровень понимания, который мы сохраняем для самих себя, будет служить ориентиром не только для наших актуальных действий, но и для схемы предложенного лечения. Мы можем предположить, что мать будет воспринимать нас как отца, который и в самом деле отделяет ее от сына, поскольку мы вернем отцу место в психике ребенка. Этот вопрос нужно будет постепенно анализировать с ней, и для этого можно предложить ей индивидуальные встречи, которые бы проходили не еженедельно, как у сына, а реже. Такие собеседования не заменяют регулярных будущих бесед родителей с аналитиком их ребенка. Детская терапия осуществляется за счет собирания семьи вокруг аналитика, однако это происходит на разных уровнях. Это напоминает партитуру в разных ритмах, каждый из которых не подрывает другого: работа с матерью, касающаяся инвестирования ее сына, не обесценивает работы собирания двух родителей вокруг места ребенка в семье, тогда как последняя не подрывает личной и частной работы ребенка с его аналитиком. Не отсылают ли все эти связи к тем, которые формируются в семье и которые должны в ней закрепиться? И хотя у каждого члена семьи есть своя личная жизнь, жизнь уникальная и столь же интимная, как его сновидческая деятельность, это не значит, что он отрезан от уровня групповой организации, в которой он живет.

На этом уровне действуют разные элементы, образующие перемишки, поскольку они соответствуют или идентичны друг другу, — перемишки между самым глубоким и тем, что разделяется с другим или с группой. Например, в нашем случае Лоран, судя по всему, обнаруживает вовне слабость своего внутреннего отца.

Я думаю, что можно воздействовать на направление идентификации ребенка с депрессией отца, когда родители сами дали нам достаточно сознательных элементов, чтобы такое воздействие не привело к травме. Таким образом, когда к концу собеседования встает вопрос о школе и самоуничтожении Лорана, который, впрочем, достаточно успешен в учебе, а также о воспоминаниях отца, который тоже тушевался, можно было бы провести связь между отцом и сыном: «Должно быть, Лорану трудно позволить себе быть успешным, когда у отца ощущение провала? Вы так не думаете? С другой стороны, можно спросить себя, не было ли вам в детстве так же сложно добиваться успеха, если учесть то, что вы сказали мне об отце».

Можно решить, что дед Лорана, который сначала был склонен применять силу, потом был наказан и унижен в сознании его ребенка, на втором этапе идентифицировавшегося с бессилием своего внутреннего отца. В таком случае всякий успех интерпретировался бы как триумф над таким отцом и, следовательно, тоже должен был подавляться. Обесценивание отца, похоже, переходит по цепочке от отца к сыну.

Как встретились эта мать и ее муж? На каком общем бессознательном пространстве они нашли друг друга? К этому можно подойти через простой вопрос: «Как вы познакомились?» — на эту фразу обычно отвечают, вспоминая различные подробности, связанные со встречами, что позволяет нам развить объяснение первых связей, которые существовали между родителями, исходя из их собственных воспоминаний.

В данном случае мы, к примеру, могли бы обнаружить у этой женщины изъян в образе отца, решительность которого, возможно, не нашла подтверждения в отношении к материнскому авторитету, создавая, таким образом, цепочку мать-дочь, в которой на уровне домашнего очага за «мужские» решения всегда отвечает жена.

Это лишь гипотеза, но я привожу здесь ее для того, чтобы дать представление о том, как можно сказать обо всем достаточно просто, дабы «посеять семена» идей, которые будут развиваться на будущих собеседованиях. Никогда не нужно думать, что родители тут же сделают что-то с тем, что им дали. Для вызревания предложенных связей всегда требуется определенное время. Но с того момента, как эти связи проведены, они выступают своеобразным призывом, который ждет ответа, либо с нашей стороны, либо со стороны родителей. Поэтому нельзя расставаться с родителями, не предло-

жив им встретиться еще раз. В конце каждой встречи мы открываем график приема, чтобы назначать следующую встречу, которая будет удобной и для них, и для нас, если мы считаем, что хорошо было бы их видеть почаще, по крайней мере поначалу. Хотя я обычно встречаюсь с родителями раз в шесть недель, когда терапия только начинается, родители обычно начинают внимательнее следить за своим ребенком. У них в это время возрастает потребность в контейнере для них самих. С другой стороны, не будем забывать об инфантильном переносе у родителей на личность аналитика; как только они замечают инвестирование ребенка в аналитика, у них появляется чувство потери ориентиров, поскольку ребенок, которого они всегда воспринимали или помещали в определенном месте в семейном кругу, начинает меняться, искать новое, более подходящее ему место. То есть преобразуется сама семейная организация.

А.5. Несколько важных советов

На втором собеседовании с родителями определяется кадр работы.

После того, как аналитик выслушал родителей, а они услышали его мнение об их ребенке и поняли, что ему надо начать проходить психотерапию, они должны сами дать согласие на то, чтобы эта работа проходила в наилучших условиях. Здесь аналитик говорит о требованиях, подчеркивая при этом основной момент: сеансы должны проходить регулярно, чтобы постоянство встреч позволило ребенку опереться на непрерывность объекта. Именно благодаря непрерывности встреч ребенок начнет интериоризировать объект, который надежен потому, что как его присутствие, так и его отсутствие всегда можно предвидеть.

На втором собеседовании определяются правила оплаты сеансов родителями. Конечно, в конце первой встречи аналитик называет родителям сумму своих гонораров. Обычно я специально оговариваю, что родители должны будут заплатить мне за четыре сеанса (две консультации с родителями и два сеанса с ребенком) на последнем собеседовании с ними. В таком подходе есть преимущество: неявно указывается, что собеседования с родителями тоже должны оплачиваться. Некоторым может показаться странным, как такие собеседования могут не оплачиваться, поскольку, когда консультируешься у врача, обычно подразумевается, что ему платишь.

Однако некоторые аналитики, показывающие родителям, что они готовы их принять, чтобы родители могли выбрать за время этих первых собеседований, с кем именно они будут заниматься долгосрочным лечением, не заставляют платить за эти встречи. Я думаю, что даже в этом случае предпочтительно брать с пациента или будущего пациента плату; тем самым он получит сообщение, что аналитик работает на него с самого начала.

С самого первого собеседования аналитик в контрпереносе принимает того, кто может стать его будущим пациентом; его психика начинает адаптироваться к нему, чтобы иметь возможность его понять. Мы видели, что так же обстоит дело даже у того аналитика, который в первый раз принимает родителей ребенка. Почему аналитик не должен получать плату за время, которое он потратил на эту работу? Какое послание он передаст в том случае, если не возьмет платы? Разве не подкрепит он тем самым иллюзию, будто ребенок (речь может идти как о ребенке в пациенте или в родителях) может задаром, то есть сохраняя свое всемогущество, располагать своим объектом? Убеждение, что всякая работа должна быть оплачена, поднимает вопросы о зависимости: оплата закрепляет признание этого факта. Тот, кто платит, является должником. Следовательно, тот, кто платит, должен самой этой выплатой хотя бы минимально признать то, что он зависит от другого человека, за которым он признает способность дать ему нечто. Признавая работу другого, как и его позицию, человек, который платит, признает свое собственное положение того, кто нуждается. Тогда как, с этой точки зрения, не платить — значит поддерживать нарциссическое всемогущество.

Можно было бы подумать, что родители достаточно взрослые, чтобы усвоить это отношение зависимости от объекта. Бывает, что это верно лишь отчасти. Мы уже говорили о том, что в проекте детской терапии могут заново отыгаться инфантильные аспекты родителей, как через их ребенка, так и через перенос на аналитика. Следовательно, это простое правило оплаты первых собеседований заставляет их признать позицию и ценность аналитика их ребенка. Кроме того, родители, принимающие это правило, в равной мере способны передать своему ребенку то, что они приписывают этому аналитику определенную ценность.

В моменты сопротивления, возникающего по ходу анализа ребенка, последний может заметить, что не так-то просто манипулировать инвестированием своих родителей, поскольку они сами по-

ставили аналитика в позицию, которая заслуживает уважения. То есть в родительскую позицию, которая участвует в формировании правильного Сверх-Я. Вспомним, что Фрейд говорил о Сверх-Я ребенка: оно идентифицируется со Сверх-Я его родителей. Таким образом родители, которые в присутствии аналитика соглашаются уважать закон, которым он их ограничивает, или закон, предписанный лечением, свидетельствуют о том, что согласны поставить аналитика в родительскую позицию, которая в полной мере подтверждает ту роль, которую он должен сыграть, равно как и принимаемую им на себя функцию. В этом случае можно, по сути дела, говорить о двойном инвестировании со стороны родителей: они — взрослые, родители, попавшие в затруднительное положение, и мы признаем их в этом их качестве. Но они также и дети, частично спроецировавшиеся на своего собственного ребенка. Если родители согласны соблюдать предложенную аналитиком рамку лечения ребенка, они тем самым признают и то, что всемогущество их внутреннего ребенка не будет претендовать на то, чтобы установить свой закон, пусть и при посредничестве всемогущества их ребенка.

Так же обстоит дело и с правилами оплаты пропущенных сеансов.

Это правило не ставится под вопрос, когда речь идет об анализе взрослых. Но когда мы говорим о родителях, оплачивающих анализ ребенка, это не столь очевидно. Однако задача остается всей той же, поскольку родители принимают участие в лечении своего ребенка. Чтобы аналитик представлял ценный объект, внешняя реальность которого не уступает под нажимом всемогущих манипуляций родителей, ребенка, а также их взаимного сговора, важно, чтобы родители платили за сеансы, на которые они не смогли привести своего ребенка. Нам скажут, что, если предупредить заранее, сеанс можно отложить. Для этого родители должны сформулировать просьбу, а аналитик должен согласиться. В противном случае интериоризация отношения зависимости осложняется.

Я помню одну психотическую девочку, мать которой, жившая в состоянии слияния со своей дочерью, решительно отказывалась следовать правилу оплаты пропущенных сеансов. Она пришла со своим мужем только на вторую консультацию, однако, хотя муж держался достаточно скромно, именно он взял слово, чтобы обсудить это правило. Я допустила ошибку, решив объяснить ему обоснованность этого правила через тему ограничений и соблюдения

таких ограничений: поскольку его дочери трудно признавать реальность и налагаемые ею ограничения, как пространственные, так и временные, было желательно получить поддержку родителей, чтобы помочь девочке принять эти ограничения. И первое ограничение, которое они должны соблюдать, — это моя реальность, которая делает невозможной фантазию дочери о патологическом слиянии со мной. Она должна понять, что здесь действует закон, которому, как она также должна заметить, первыми подчиняются ее родители. Мы не будем обсуждать с ними отношения между законом и ограничением, поскольку всякая аргументация в этом случае поддерживалась бы только желанием родителей заставить меня оправдывать существование рамки. Закон не оправдывается, он — то, в чем гибнет закон всемогущества, который также не оправдывается, но опирается на непризнание реальности времени, пространства и различий.

Эти родители отказались начать курс терапии. Мы можем предположить, что их неспособность платить, то есть переживать нехватку в тот момент, когда объект признается в качестве объекта и утверждает их зависимость от него, будет способствовать поддержанию в этой семье исключения настоящего родительского закона, что окажется на руку островку всемогущества, сформированному психотическим слиянием матери и дочери.

Интересно, что в тот момент, когда я требую уважать мою реальность, соблюдая указанное правило оплаты пропущенных сеансов, именно отец встает на защиту другого закона, того, что позволяет нивелировать мое присутствие, нехватку, которую оно за собой влечет, когда я отлучаюсь. В этой ситуации я на самом деле оказываюсь третьей стороной. Но эта третья сторона считается чужой и не может найти своего места в сети связей, выстроенных вокруг психотического анклава, сформировавшегося в этой семье.

У меня никогда не было примеров отказа оплачивать пропущенные сеансы, в которых бы не акцентировалась эта проблема признания реальности условий терапии и зависимости от объекта — аналитика, который делает свою работу. В этих случаях мы сталкиваемся с поведением, которое можно анализировать при лечении взрослых. Однако, имея дело с родителями, мы не можем сразу коснуться этой зоны инфантильного всемогущества, выражающегося через отыгрывания, тем более, что реальность ребенка позволяет замаскировать инфантильную сторону родителей. Почему они

должны платить, когда у ребенка болит горло? Когда его пригласили на день рождения к приятелю? Когда у него школьная экскурсия, которая будет ему только на пользу? Есть множество причин, благодаря которым аналитик, который тоже должен пережить нехватку, устраняется из памяти ровно на то время, когда можно сохранить иллюзию, будто он всегда доступен. Мы и далее будем обсуждать превратности лечения ребенка и покажем, в какой мере поддержание правил всегда ставит проблему фрустрации, способствующей работе траура и депрессивной позиции. С самого начала лечения аналитик должен следить за тем, чтобы от этого траура не уклонялись. Важно быть внимательным и помнить о том, что ребенок — не единственный, кого касается это сложное испытание; родители также участвуют в нем и должны, соответственно, «платить» лично.

Аналитик со своей стороны также должен соблюдать определенные правила, чтобы не слишком затруднять родителей. Так, работа с детьми, аналитик должен подгонять свой график под школьный ритм. Он может брать отпуск только тогда, когда уходят на каникулы школьники. Он должен рассмотреть проблему досуга детей, их деятельности и присмотра за ними вплоть до этого момента. Кроме того, лучше всего сообщать родителям, когда он уходит в отпуск, — также на втором собеседовании, когда с ними оговаривается рамка лечения. Я говорила, что ухожу «в отпуск по школьному графику Парижа», когда работала в Париже. Таким образом я обозначала даты.

Похожая проблема возникает на уровне расписания сеансов: вряд ли можно требовать, чтобы ребенок приходил на сеансы, совпадающие с его школьным расписанием. Но в зависимости от обстоятельств, если он приходит на сеансы несколько раз в неделю, один раз он может пропустить занятия, если это не слишком сильно повредит его обучению в школе.

Я уже упоминала то, что родители должны признавать внешнюю реальность аналитика на уровне как предсознательного, так и бессознательного. И наоборот, аналитик должен обязательно показывать, что он признает внешнюю реальность родителей и проблемы, с которыми они сталкиваются, — финансовые проблемы, проблемы присмотра за ребенком, проблемы с обустройством собственной жизни, порой вызванные тяжелым заболеванием ребенка, которое нарушает течение всей семейной жизни. Нельзя, чтобы аналитик своими дополнительными требованиями выдавал свою неспособ-

ность встать на место родителей. Он должен сообщать им о своих требованиях, при этом самой своей установкой давая им понять, что он пытается поставить себя на их место и что все эти требования преследуют лишь одну цель — успешное лечение.

На втором собеседовании решается также ряд материальных деталей.

В конце первого собеседования я говорю о том, сколько стоит один сеанс, а в конце второй встречи родители могут оценить, какое число еженедельных сеансов для своего ребенка они смогут оплатить. Очевидно, число сеансов зависит не только от финансовых возможностей родителей. В большинстве случаев родители не могут оплатить более одного сеанса в неделю, и я вместе с ними могу сделать вывод, что, если работа будет регулярной, ребенок сможет двигаться вперед и с одним сеансом. Но я оставляю открытой возможность и для двух сеансов в неделю. Случалось, что ребенок возвращался ко мне на сеанс. Все это также вопрос компромисса между требованиями внешней и внутренней реальности, родителей и ребенка.

Наконец я предупреждаю родителей о том, что с ними тоже необходимо работать, если требуется помочь ребенку. Как я уже говорила, я всегда назначаю дату для будущей встречи с ними в конце собеседования. Так я настраиваю родителей на ожидание этого собеседования. У себя в голове они отмечают то, что их волнует, успехи ребенка, новые особенности в его поведении, чтобы рассказать мне обо всем этом на будущей встрече. Между взрослыми завязывается связь, ориентированная на ребенка.

Если взрослому уровню этой коммуникации может помешать инфантильное инвестирование самого ребенка, важно тщательнее поработать с родителем, как в присутствии ребенка, так и без него.

Теперь мы рассмотрим разный порядок работы этого типа.

В. Работа с родителями

Цель работы с родителями — дать возможность терапии ребенка достичь пункта назначения. Подобное выражение наводит на мысль, что речь идет о путешествии, в котором есть начало, середина и конец. Но поскольку мы работаем с людьми, эта схема излишне идеальна, и подобной простоты удастся достичь лишь в крайне редких случаях. Часто нам нужно продолжать работу по

этапно. Нам приходится принимать ограничения ребенка и не увлекаться иллюзиями касательно уровня эмоционального развития, которого такой-то ребенок может достичь в такой-то момент своей жизни. В то же время надо надеяться на то, что после перерыва ребенок сможет выйти на новый уровень. Однако сначала надо рассмотреть не только способности ребенка к развитию, чтобы проблемы приходят не только от самого ребенка, но и извне.

Когда мы встречаемся с родителями, наша первая цель — избежать того, чтобы возник перерыв в лечении, спровоцированный извне, то есть проблемами родителей, которые не могут согласиться с изменениями в ребенке.

Так или иначе, нужно понимать, что не бывает лечения, которое не было бы отягощено превратностями, связанными с любым психическим развитием. Эти превратности могут, однако, привести к катастрофическим последствиям, главное из которых — внезапное прерывание лечения родителями. И именно это прерывание нужно иметь в виду, когда размышляешь о возможности терапии, уже на самых первых этапах. По этой причине мы должны поразмыслить над модальностями того отношения, которое мы поддерживаем с родителями, дабы предупредить кризисы или же быть готовыми к тому, чтобы встретить их.

В. 1. Участие родителя в лечебном процессе

Рассмотрим для начала тот случай, когда аналитик просит одного из двух родителей участвовать в лечебном процессе.

Перед нами встает вопрос начала этого участия. В какой момент мы должны решить, что нужно, чтобы один из родителей сопровождал ребенка на сами сеансы? Обычно именно в тот момент, когда мы чувствуем, что родители хотят прервать лечение, мы ищем причину этого сопротивления в анализе того, что разыгрывается между нарциссизмом одного или обоих родителей и ребенка. К несчастью, слишком часто действовать уже поздно, и нам остается лишь согласиться с прерыванием лечения, поскольку сделать мы ничего не можем.

Какие знаки предвещают такое событие? Интуиция, приобретенная благодаря работе с детьми, позволяет почувствовать, когда сопротивление ребенка определяется не только внутренними причинами. То есть оно связано не только с тревогами, имеющи-

ми внутриспсихическое происхождение. В равной мере факты такого сопротивления связаны и с той реакцией, которую ребенок замечает у одного или обоих родителей, — реакцией на его собственную трансформацию. Ребенок первым замечает то, принимают ли родители изменения, которые происходят в нем, и точно так же он первым может «забить тревогу»: он может сам захотеть прекратить лечение, которое создает сложности и даже опасности для психической жизни родителей. Также бывает, что он обходит эту проблему, и прежде всего думает о себе, а не о них. Для этого необходимо, чтобы он был достаточно уверен в незыблемости своих внутренних объектов, поскольку ребенок, который оказывается в чрезмерной зависимости от своих внешних объектов, не может позволить себе их потерять, покуда он вообще способен их удерживать.

Мне вспоминаются психотические дети, с которыми плохо обращалась мать: во время лечения мы могли наблюдать, как в какой-то части личности ребенка, которая не была психотической, возникает осознание этого плохого обращения. Нельзя не поразиться, когда видишь, как параллельно с этим осознанием возникает и реакция на него, которая должна оградить образ их матери, отца или обоих родителей. Аналитик обвиняется в том, что он разрушает — своей работой, позволяющей осознать различие между плохим и хорошим объектом, — эти образы, словно бы родителям грозит перестать быть хорошими объектами. В таком случае ребенок встает на сторону матери (или родителей) и выступает против аналитика, и мы с удивлением наблюдаем, как он начинает действовать в ущерб собственным интересам — с нашей точки зрения.

Мне вспоминаются родители, которые пришли ко мне на консультацию с проблемой своего маленького сына, который страдал от депрессии. Он думал только о самоубийстве, и это их сильно тревожило. В ходе лечения мы могли наблюдать, как он скрывает сильнейшую чувствительность и деликатность под панцирем цинизма, который иногда давал трещину, выпуская наружу депрессию, послужившую причиной для консультации. Сеансы позволили ему начать придавать значение своей эмоциональной жизни и искать родителя, который бы его понял.

И вот однажды я вижу, как мальчик залился краской, когда я спросила его о смысле рассказанной им мне истории о прерывании: такой-то ребенок собирался перестать делать то-то и то-то... Он выдал себя или, скорее, как сам он считал, выдал своих родите-

лей, поняв, что они хотят прервать лечение. Он не должен был давать мне ключ к этой интерпретации; он должен был позволить им самим сказать мне об этом. Если этот мальчик и в самом деле говорит мне об их желании прервать лечение, он позволяет мне увидеть вместе с ним смысл такого прерывания и, несмотря ни на что, сохранить со мной связь, к которой не имеет отношения власть и согласие родителей.

Является ли эта краска стыда, знак предательства, еще и знаком расходящихся интересов? Можно ли сказать, что наше отношение и его плоды на уровне развития личности ребенка входят в противоречие с развитием его родителей? Не заключается ли его интерес в том, чтобы его личность развивалась, какова бы ни была психическая перестройка, которую это развитие может повлечь у его родителей? В данном случае, в мягкой атмосфере среды, которой удалось поддерживать уровень социальной адаптации, достаточный для того, чтобы ребенок не казался ни психотическим, ни извращенным, мы наблюдаем за тем, что аналитику всегда представляется «убийством души».

Родители этого мальчика прекратили лечение, не оставив возможности для возобновления: даже угроза того, что ребенок снова начнет склоняться к суициду, не смогла смягчить неумолимости их решений.

Количество примеров прерванного лечения настолько велико, а причин так много, что невозможно дать какой-либо их обзор. Необходимо лишь подчеркнуть следующее: эта проблема существует во множестве случаев, спектр которых простирается от глубочайшей до наименее очевидной патологии ребенка. Что касается патологии родителей, мне представляется, что часто она обнаруживает себя лишь в свете анализа их ребенка.

Мы приходим к выводу, что при идеальном подходе к предотвращению прерывания лечения следовало бы с самого его начала измерить риски разрыва. Некоторые считают, что работа необходима на уровне семьи, до того, как ребенка примут индивидуально. Эта работа позволила бы родителям, как предполагается, осознать то инвестирование, которым они нагружают своего ребенка. Также она позволила бы проверить, каково место больного в такой семье: не являются ли симптомы ребенка, которые, конечно, его собственные симптомы, еще и смещенным выражением патологического от-

ношения между родителями или же на уровне семейной группы в целом?

Подобное изложение проблемы в какой-то мере остается идеальным. Действительно, часто патология родителя проявляется лишь в тот момент, когда ребенок начинает выходить из своей патологии, как я уже отмечала. Поэтому часто необходимо согласиться регулярно принимать родителей, чтобы они почувствовали себя понятыми — в качестве взрослых со своими трудностями, но также и в их детских трудностях, поскольку ребенок, сохраняющийся внутри них, был, по крайней мере частично, спроецирован в того, кого они пытаются вылечить. И в этот период хорошо бы предупредить родителей о необходимости согласиться на участие в лечебном процессе, поскольку, когда их ребенку станет реально лучше, настанет черед проявиться проблемному ребенку, который заключен в родительской психике. Если реальный ребенок больше не будет с этим мириться, тогда родителю надо будет реинтегрировать в настоящем этого ребенка из прошлого.

Наличие семейной тайны определяет особый случай, требующий участия родителя в лечебном процессе. У ребенка нет понимания того, что он — носитель тайны, однако бессознательно он знает, что является обладателем того, что он не должен показывать ни аналитику, ни самому себе. Из этого рождается заметная болезненность, поскольку ребенок знает, что он должен любой ценой изолировать это бессознательное знание от своего остального сознания; этот механизм изоляции действует против работы, которую он проводит в анализе, поскольку последний должен дать возможность бессознательному стать осознанным, причем совершенно свободно. Тогда как ребенок замечает в этом случае бессознательное приказание родителя, который запрещает ему знать.

Причины для такого запрета могут быть разными. В целом, раскрытие тайны потребовало бы от родителя мучительной работы по эмоциональной проработке.

Мне вспоминается мальчик, отец которого утонул. До того, как прийти ко мне на консультацию, мать никак не могла рассказать ребенку о том, как умер его отец. Обычно родители рассказывают ту или иную историю, чтобы скрыть истину. Этот ребенок, продолжавший витать в облаках, поскольку отец не возвращался к нему, начал искать его в фантазиях. Мать никогда не носила траур по супругу: она сдерживала слезы и старалась скрыть от ребенка смерть

отца. В беседах с ней после начала лечения ребенка я смогла понемногу акцентировать то, в какой мере этот секрет давит на ее психическую деятельность, так что нужно, чтобы она, опираясь на меня, сама решилась признать эту тяжелую реальность и признала ее перед ребенком. Она должна была перестать поддерживать иллюзию, которую она разделяла с сыном, будто ее муж все еще жив и что он вернется. Она начала постепенно говорить с ребенком дома, после каждого продвижения к истине посещая меня, чтобы получить поддержку на уровне того эмоционального потрясения, которое вызвало в ней это раскрытие тайны. Она смогла начать плакать, и ее сын «пробудился».

Иногда родители скрывают секрет, поскольку думают, что ребенок слишком мал и не стоит ему знакомиться с ужасной тайной. Например, можно вспомнить о детях, один из родителей которых совершил самоубийство. Мой опыт научил меня тому, что ребенок бессознательно всегда знает истину, однако последняя отягощена грузом тайны: тревожные моменты скрываемого многократно умножаются той тайной, которой окружили этот секрет. Ребенок думает, что он должен нести этот секрет в одиночку, поскольку никто не дал ему его осознать. Вина, проистекающая из сознания того, что от него скрыли, еще больше осложняет задачу. Некоторые дети по этой причине затормаживают определенную часть своих мыслительных способностей: раз они не думают, значит нет риска, что они осознают то, о чем они не имеют права думать.

Есть секреты, которые переходят из поколения в поколение, так что аналитик должен проводить работу на межпоколенческом уровне.

Эти секреты всегда хранятся в психике родителей; тогда как ребенок не знает, хранителем чего он является, пока он сам постепенно не откроет этот секрет, переживая его в своей жизни.

Мне вспоминается совсем маленькая пациентка, которую отдала ее бабушке по материнской линии, потерявшей свою дочь, младшую сестру матери пациентки. Ребенок не знал, кем является та, кого он видел на фотографиях в комнате своей бабушки. Кто эта девочка на фотографии, которая стоит рядом с ее матерью? Ей не отвечали, пока она не узнала, к сожалению, слишком поздно, о ком идет речь. До этого она была убеждена, что существовать она может только в качестве заменителя ее тети для ее бабушки. В то же время *ее собственная мать видела в ней не только младшую сестру, но так-*

же и плохую часть себя самой, которая желала сестре смерти. Таким образом, моя пациентка всю свою жизнь носила в себе вину, причина которой оставалась для нее неизвестной, и эта вина определила направление ее брака, а затем и ее отношение к собственным детям.

Поэтому очень важно в каждом случае показывать, что речь может идти о межпоколенческой ловушке, в которой порой оказывается ребенок, поскольку анализ этой позиции в значительной степени освободит его жизнь.

Первая ловушка, в которой рискует оказаться ребенок, превращает его в основной элемент материнского нарциссизма.

С чем-то подобным мы столкнулись на примере маленького пациента мадам Г. Однако бывают случаи, когда трагическое связано с тем фундаментальным узлом, который удерживает одновременно и мать и ребенка, или отца и ребенка, а может даже и всю семью вокруг ребенка. Можно вспомнить о некоторых аутистах, патология которых неразрывно связана с семейной патологией. Их сложно лечить, не проводя семейную терапию.

К этой категории также относятся дети, являющиеся вторым или третьим поколением народа, ставшего жертвой геноцида. Травма, пережитая в поколении дедов или прадедов, остается в памяти и передается следующим поколениям, роль которых заранее вписана в историю семейной группы, согласованной с историей народа. Все выглядит так, словно бы некий высший принцип определял место каждого поколения в соответствии с планом по заделыванию на групповом уровне трещины, которая чувствуется внутри группы. Этот высший принцип определяет фантазматическую судьбу каждого.

Я вспоминаю о ребенке, родители которого на первых собеседованиях постарались представить его в таком свете, как будто он бессознательно отмечен массовыми потерями, которое понесло поколение его дедов. Анализ этого ребенка проходил, в основном, на внутриспсихическом уровне, тогда как межпоколенческий уровень редко давал о себе знать в его материале, хотя иногда и использовался с защитной целью, чтобы избежать внутреннего конфликта. Соответственно, как и в случае с другими пациентами, ставшими жертвами истории, я придерживалась анализа внутриспсихического уровня, не пренебрегая при этом и межпоколенческим уровнем, но и не приписывая последнему какого-то иного места, кроме периферийного, и не делая из него центра проблематики ребенка. Этим

пациентам, как и этому ребенку, таким образом удастся интериоризировать объект, который думает о них в иных категориях, чем принято в семейном кругу. Интериоризируется объект, который не включен в межпоколенческую ткань. Однако родители остановили лечение моего маленького пациента, как раз тогда, когда он отделил себя от семейной истории. В тот момент, когда он покинул место, на которое его поставил высший принцип группы, группа вернула его к себе. Так им, к сожалению, снова завладело будущее, отягощенное психотической проблематикой.

Таковы случаи, когда работы между родителями и терапевтом недостаточно, чтобы выйти из этой ловушки, созданной самой историей. В этом случае нужен план проведения индивидуальной терапии совместно с семейной.

Я думаю, что работа между ребенком и родителем, смешенная в разных соотношениях и формах с лечебным процессом, особенно подходит для весьма многочисленных случаев невротизированных детей, у которых есть также аутистические составляющие или же элементы симбиотического психоза. Благодаря невротической части своей личности такие дети способны развиваться в положительном направлении. Важно достаточно быстро выяснить, как их нарциссизм смешивается с нарциссизмом одного из двух родителей, если не обоих. Первые консультации, проходящие в установленной мной форме, судя по всему, позволяют составить более точное представление о сопротивлении, с которым один из родителей или оба отнесутся к участию в лечебном процессе. В таком случае целесообразно попросить родителей поучаствовать в этом процессе в той или иной форме. Порой случается, что мы лишь с некоторым запозданием, когда индивидуальная терапия уже началась, отдаем себе отчет в том, что родители не до конца согласны с развитием ребенка. Порой бывает слишком поздно восстанавливать терапевтический союз, который истончился, а в дальнейшем и погаснет, если мы ничего не сделаем.

Работая супервайзером, я наблюдала много случаев, в которых можно было бы заключить союз с родителем и прийти к хорошим результатам, если бы аналитик проявил достаточно гибкости для создания более подходящей схемы лечения.

Когда аналитик достаточно рано отдает себе отчет в том, что между ребенком и матерью существует определенное слияние, желательнее, чтобы он попросил мать приходить вместе с ребенком на

один из двух сеансов, тогда на следующий сеанс ребенок, соответственно, проходит к аналитику один. В этом случае лучше, если у ребенка будет два сеанса в неделю, мать может приходить одна каждые две недели, чтобы поговорить о том, что происходило между ней и ребенком. Если родители, которых мы также принимаем вместе, примерно раз в шесть недель, не могут встроить такой график в свое рабочее расписание или в свой бюджет, ребенка можно принимать каждую неделю, а мать — раз в две недели. Если невозможно посвятить целый сеанс паре мать-ребенок, мать также может присутствовать лишь какую-то часть сеанса. Возможно также, что она будет присутствовать на всех сеансах в течение какого-то времени, пока пара мать-ребенок не распадется. В этом случае необходимо принять все меры предосторожности, чтобы, когда ребенка принимают индивидуально, мать тоже принимала в индивидуальном порядке, иначе она почувствует себя ребенком, брошенным на улице. Аналитик, который принимает вместе мать и ребенка, видит не только взрослого и ребенка, также он видит в этой паре двух детей. Поэтому он не должен бросать одного, чтобы позаботиться о другом.

Техника интерпретации на этих сеансах отличается некоторыми особенностями: речь не о том, что надо заставить мать присутствовать на терапии ребенка, и точно так же дело не в том, что ребенок должен присутствовать при разговоре аналитика и матери. Аналитик поддерживает мать, которая «носит» ребенка, — в том смысле, в котором можно сказать, что отец содержит мать, которая ухаживает за младенцем. Аналитик в этом случае играет роль третьей отцовской стороны, но также и роль внутреннего материнского объекта: он может играть роль внутренней матери, которая восстановит свое внутреннее присутствие, чтобы утвердить ее в ее материнской роли. Восстанавливая посредством «грез» (в смысле Биона⁴⁰) связь между матерью и ребенком, аналитик в то же время восстанавливает связь в самой матери между внутренней матерью и ребенком, присутствие которого никогда в ней не ослабевает.

Бывают случаи, когда ребенок сам подталкивает нас включить родителя в лечебный процесс. Я вспоминаю о некоторых детях, которые были склонны отщеплять свою внутреннюю реальность от внешней, а сеансы использовали, чтобы отгородиться от мира: они

40 Bion W.R. Aux sources de l'expérience. Heinemann, Londres. 1962. Trad. F. Robert. Paris: PUF, 1979.

хотели разыгрывать на сеансах сны наяву, которые нисколько не помогают понять их психическую жизнь. Мне вспоминается маленький мальчик с синдромом Аспергера⁴¹, который свои сеансы проводил, рисуя чудовищ и получая от этого огромное удовольствие. Его невозможно было отвлечь от этой деятельности, он плевал мне в лицо, когда я собиралась поговорить с ним о чем-нибудь другом, чтобы, как я говорила, можно было «подумать». Он утверждал, что не хочет думать. В конце концов я пригласила в кабинет во время сеанса его отца, чтобы в присутствии ребенка в какой-то мере было восстановлено существование внешней реальности. И в этой ситуации отец мне рассказал, что дома ребенок рисует очень красивые рисунки. Как только отец закончил фразу, ребенок покраснел до ушей.

Я: «А какие рисунки?»

Отец: «Да дома, пейзажи...!».

Тогда я посмотрела на ребенка и сказала ему: «Но тогда я хотела бы тоже посмотреть на эти дома и пейзажи». Мальчик разрыдался и никак не мог остановиться, восклицая: «Значит всё! Я больше не могу рисовать из воображения? С воображением покончено?». Мы указали ему, что воображение может помочь подумать о том, что в нем происходит, а не только мечтать и отгораживаться от мира и своей внутренней жизни. Конечно, этот кризис не решил проблему его ухода в иллюзорный мир. Однако он отразился как на его отношении с телом (ребенок стал более разборчив в еде), так и на уровне сеансов, на которых он стал меньше прятаться за своими чудовищами.

Я привела этот маленький пример, о котором можно было бы многое сказать, лишь для того, чтобы показать, как включение родителя в лечебный процесс может способствовать устранению определенных расколов, которые могут весьма цепко удерживать определенную часть психической жизни, отстраненную от способностей ребенка к развитию. Аналитик может попасть в эту защитную капсулу, которая парализует его собственную деятельность. Следовательно, полезно внедрить определенный срез реальности ребенка внутрь сеансов с одним из родителей, который выступает их свидетелем. Нам могут возразить, что подобная модификация рамки стремится «сломать» защиты ребенка. Однако, если работа-

41 Rhode M., Klauber T. The many faces of Asperger's syndrome. London: Edition Kamac, 2004.

ешь с аутистом, не говоря уже о пациенте с синдромом Аспергера, вряд ли можно позволить захватить себя, не «отреагировав» в зависимости от того, что ребенок может перенести. Если нам отводят роль некоей мелкой вещицы, почти что неодушевленной, мы с таким пациентом ничего сделать не сможем. Чтобы добиться психической трансформации ребенка, к которой он стремится, терапевт должен сохранять свою позицию перед ребенком, оставаясь живым существом, но при этом не слишком его пугая. Подобный метод не может в какой-то мере не натолкнуться на защитную систему ребенка.

Аналитик иногда неожиданно для самого себя оказывается на сеансах, проводимых при участии родителей и ребенка, не перед взрослым и ребенком, а перед двумя детьми, настолько заметной может быть регресс родителя. В таком случае у родителя может возникнуть негативный перенос, поскольку он, как ни парадоксально, воспринимает аналитика в качестве того, кто стремится отделить реального ребенка от фантазматического, которого тот спроецировал в своего ребенка. Возникает соперничество между инфантильными составляющими родителя и настоящим ребенком. На аналитика в таких случаях смотрят как на родителя, внимание которого необходимо удерживать, невзирая на интересы ребенка. Поэтому, как подтверждает мой опыт, желательно, чтобы сеансы в формате «родитель-ребенок» всегда дублировались сеансами, на которых принимают одного родителя, чтобы можно было на взрослом уровне проработать то, что было сделано на уровне ребенка на предшествующих сеансах. Это может быть выражено следующим образом (подразумеваться, но не формулироваться вслух): «Мы на прошлом сеансе видели то, что происходит в вас, если думать о том, что вы тоже внутри вашей души ребенок. Давайте сейчас подумаем о том, что мы видели, как вы к этому относитесь, если вы все же взрослый человек».

На сеансах в формате «родитель-ребенок» не перестаешь удивляться тому, как родитель может регрессировать: я вспоминаю об одной матери, которая говорила со мной и потом пришла со своим сыном-инвалидом. Терапевт обнаружила их, когда они оба ели один шоколадный пирог, усевшись, как дети, на скамейке.

Родители приемных детей особенно нуждаются во внимании, поскольку, когда у ребенка обнаруживаются проблемы, под вопросом оказываются именно родительские способности этих родите-

лей, травмированных тем фактом, что они — в их собственном понимании — не являются полноценными родителями. Способность быть родителем всегда проверяется реальностью: родители всю свою жизнь спрашивают себя, смогли ли они наладить жизнь своего ребенка.

Болезнь младенца: защитили они его от нее? Мелкие несчастные случаи: может быть, они не слишком хорошо за ним присматривали? Неудача в школе, пусть и временная: возможно, они ему чего-то недодали? Бури подросткового возраста: они испортили его в детстве? Муки брака, профессиональные заботы, и опять же: возможно, они не дали ему достаточно сил, чтобы преодолеть их? Хорошие родители никогда полностью не уверены в себе.

Когда родители приемные, эти сомнения еще больше, и терапевт ребенка должен оценить, в какой мере эти сомнения связаны с глубокой проблемой с идентификацией у родителя, а в какой с чувством неуверенности, которое можно было бы назвать «нормальным». Верно то, что, чем больше способность быть родителем травмируется остаточной инфантильной проблематикой, тем больше на приемном ребенке отразится чувство неуверенности, вызванное тем, что происходит у его родителя.

Мне вспоминается случай маленькой приемной девочки, у которой наблюдались серьезные маниакальные симптомы. Собеседования с родителями позволили обнаружить проблему у матери, которая не ощущала себя полноценной матерью: эта женщина не могла рассказать своей дочери, что она не была ее биологической матерью. Собеседования с ней помогли понять инфантильную причину такого поведения. В этой матери, на ее внутренней сцене, существовала маленькая девочка, захваченная фантазией, требующей занять место матери, вступив в проективную идентификацию с ней. Результатом такой операции стало то, что ребенок играл в мать, а потому сводил свою мать к роли простого ребенка, за счет обращения ролей, характерного для механизма проективной идентификации. Эта инфантильная сцена отражалась на уровне ее взрослой жизни: поскольку она была приемной матерью, ее мучило глубокое чувство, что она была лишь маленькой девочкой, которая обманом «приняла» материнскую позицию, украв идентичность своей матери и сводя последнюю к роли маленькой девочки, неспособной иметь детей. Эта роль выделялась биологической матери. Понятно, что в подобных обстоятельствах объявить дочери, что она была ее приемной

матерью, означало для нее признать свою заимствованную идентичность, что вело к лишению ее роли матери: всем стало бы ясно, что она является лишь девочкой, которая должна была отдать своей, то есть биологической, матери, ребенка, которого она у нее украла.

Нужно обязательно освободить мать от этой фантазии, чтобы вернуть ей уверенность в собственной идентичности: она не девочка, она — взрослый человек, способный играть роль полноценной матери. Кроме того, приемный ребенок заливает в материнской фантазии, в которой он обнаруживает брешь: заметив у матери сомнение в идентичности, она сама принимает себя за мать своей матери. Таким образом утверждается всемогущество этого порочного круга. Когда же мать обретает внутри себя самой надежное чувство собственных инвестирований и идентификаций со взрослыми, она способна передать дочери убежденность в прочности границы как между поколениями, так и между фантазией и реальностью; и именно освоение этой границы поможет ребенку в какой-то мере справиться со своими маниями.

Мать смогла поговорить с дочерью о том, что она приемная, как только работа с терапевтом позволила ей обрести самоуважение, создав позитивную связь между ее Я и внутренней матерью. Терапевт ребенка сыграл материнскую роль, сумев выдержать инфантильное соперничество со стороны матери, и именно так она смогла признать терапевта в роли своей матери. Мать — будь она приемной или биологической — это взрослый человек, который может выдержать идентификацию с расстройством своего ребенка и вступить в себе самой в контакт с собственными детскими расстройствами. Ребенок отлично понимает, способна ли его мать на такую идентификацию, и только в этом случае он может полностью признать ее в ее материнской функции, вступив с ней в отношение позитивной зависимости.

В.2. Ребенок во взрослом

Собеседования, которые проходят между аналитиком ребенка и его родителями, являются полноценными сеансами, а потому они должны оплачиваться. Я уточняю это потому, что встречала некоторых аналитиков, которые полагают, что, поскольку лечение относится только к ребенку, сеансы, посвященные родителям, не долж-

ны оплачиваться, словно бы занятие с родителями зависело только от желания аналитика, а не определялось потребностями самого лечения.

Мы уже упоминали проблему оплаты пропущенных ребенком сеансов, поскольку важно не давать родителю относиться к вам так, словно бы он был всемогущим ребенком, вступившим в сговор со всемогуществом своего ребенка.

Оба родителя всегда придают большое значение оплате сеансов. Мы увидим, что прерывание лечения иногда может мотивироваться экономическими проблемами, но надо помнить, что за материальными фактами скрывается еще и психическая реальность.

Мне вспоминается один отец, который отказывался продолжать лечение своего сына, поскольку оно обходилось ему слишком дорого, ведь он должен был также удовлетворять потребности другого ребенка. Мать, похоже, не была согласна с этим. Изучая с отцом выдвинутые им мотивы, я пришла к мысли, что соперничество отца и сына было позицией, которую отец не мог «оплачивать»: внутри него самого был заключен конфликт, который, обходился ему «слишком дорого». Прорабатывая с ним те причины, по которым он считал наличие двух детей «слишком дорогостоящим», мы пришли к изучению повседневных вещей, и так я узнала, что отец считал, будто у его сына слишком велика тяга к роскоши, ведь он желал принимать ванну сам по себе, в одиночку.

Я: «Но ведь в его возрасте это совершенно нормально? Как он может принимать ее сейчас?». Отец говорит мне, что он сначала позволяет младшему сыну помыться в ванне, и лишь когда тот выходит из ванной комнаты, он разрешает старшему помыться в той же воде, в которой мылся его брат! Можно понять, почему у старшего отвращение к этой процедуре. Отец не желает меня слышать, когда я указываю ему на то, что он мог бы позволить обоим детям принимать душ: тогда каждый, по крайней мере, мылся бы чистой водой! Он всеми силами стремится убедить меня в том, что ванна обходится слишком дорого!

Нам понятно, что на этом уровне экономическая проблема относится вовсе не к материальному плану; речь идет о психической экономии, которая не позволяет отцу выйти из общей ванны, в которой идентифицируются друг с другом детская составляющая его самого и какой-то другой элемент его внутренней жизни. И если

он не хочет, чтобы его сын жил отдельно от брата, точно так же он не хочет установить в своей внутренней жизни разделение между своим Я и его объектом. Он живет посредством идентификации с тем, кто пользуется материнской ванной, однако, вместо того, чтобы произвести символическое смещение между ванной и матерью, он вынужден проективно идентифицироваться с тем, кто принимает ванну или с тем, кто все еще находится в матери. Он ведет себя как ребенок, который в этой ситуации хотел бы влезть в шкуру своего младшего брата, словно бы он был старшим братом и, таким образом, мог считать, что он всегда младший и потому может пользоваться некоторыми выгодами, связанными с регрессией.

Однако, поскольку в психической жизни все моменты являются сложными и сверхдетерминированными, тут задействовано и другое направление бессознательного мышления, благодаря которому первый ребенок становится первым соперником отца; на бессознательном уровне он желает устранить его из тесного отношения, которое тот поддерживает со своей матерью, то есть в данном случае — со мной, в инфантильном переносе этого отца. Поэтому он пользуется своим реальным положением, то есть положением отца, чтобы утолить это старое детское желание мести: видя, что сын привязывается к аналитику, как маленький соперник к матери, он заявляет, что у него нет средств поддерживать такое отношение, и, завершая лечение, отделяет своего маленького брата от матери. Вот что для его психической экономии было бы наиболее дешевым вариантом.

Здесь мы подходим к обширной проблеме прерывания лечения. Все аналитики детей пытаются обходить этот вопрос, не зная, как, собственно, вести себя, чтобы воспрепятствовать прерыванию лечения.

Приведенный мной пример в этом отношении типичен: лечение ребенка не было для отца проблемой, пока не стало «обходиться» ему слишком дорого, то есть пока ребенок продолжал поддерживать проективные идентификации своего отца. Это означает, что отец мог «использовать» своего сына, чтобы снова ощущать себя ребенком, которому никто не может помешать, вместо того, чтобы признать, что это время для него закончилось, и тем самым признать, как я уже подчеркивала выше, что сын — это самостоятельный человек, отличный от него и не желающий играть в его внутреннем мире роль, которую он ему отвел. Когда отец замечает, что терапия

помогает сыну перестать отвечать на его проекции, он тут же понимает, что ему пришлось бы прорабатывать последствия подобного разделения, и это представляется ему «слишком дорогостоящим».

Прерывание лечения всегда является следствием нарциссической травмы, нанесенной родителю аналитической работой. Пока родитель ощущает, что его нарциссической чувствительности, которую частично помог приглушить его ребенок, ничто не грозит, лечение может «спокойно» продолжаться. Под «спокойно» я подразумеваю длинный спокойный путь, который, к сожалению, порой никуда не ведет. В этой сфере бывает так, что аналитик и его пациент не осознают, что в психической жизни ребенка ничего не двигается с места. Иногда мы сталкиваемся с молчаливыми соглашениями, которые обходят конфликт между ребенком и его родителями, а может даже и между ребенком, родителями и аналитиком ребенка. В подобных случаях налицо воспроизводство подобного уклонения, разыгрываемого между ребенком и родителями. Многие отцы выстраивают отношения так, чтобы не сталкиваться с агрессивностью сына, которому из-за этого еще сложнее проработать Эдипов комплекс. Это замечание верно также для отношений матери и дочери. Когда ребенок в результате лечения находит силы принять свою агрессивность, родители, когда наступает время с ней столкнуться лицом к лицу, могут испугаться, особенно если дело в переживаниях подросткового периода, и принять решение о прерывании лечения.

Это лишь один из множества примеров, которые приводят к прерыванию лечения. Однако, все эти примеры объединяет нарциссическая чувствительность родителей. Поэтому нужно регулярно принимать родителей, в среднем раз в шесть недель. Такой порядок позволит нам оценить их способности к развитию. Но этого порой недостаточно, когда уже на первых консультациях заметно особое нарциссическое инвестирование одного из родителей, объектом которого является ребенок. Можно также посмотреть, не исходит ли это нарциссическое инвестирование от обоих родителей. В таком случае оно может оказаться серьезным препятствием для проведения лечения, и можно задуматься о том, будет ли для таких родителей приемлема консультация, если не брать случай, когда ребенок настолько сильно пострадал от этого патологического инвестирования, что у него развились тяжелые симптомы. В этом случае было бы полезно сначала «теснее» поработать с родителями и

подвести их к семейной терапии. И только после этого можно было бы начать регулярный прием ребенка; применяя подобную методику, можно точнее определить место, которое ребенок занимает в семейной патологии, а также довести эту информацию до сознания родителей. В целом такой порядок действий позволяет начать лечение с уверенностью, что оно будет продолжено, а не оборвется в результате отыгрывания родителей, которые порой могут вступать в сговор с отыгрыванием самого ребенка.

Работа, которую необходимо провести с родителями, — это огромный вопрос, ведь здесь может быть множество вариантов. Их общая черта состоит в инфантильном участии родителей в лечебном процессе. Сейчас я хочу перейти к их включению в психоаналитический процесс, в котором становится совершенно очевидным их перенос на личность аналитика.

Как уже на первых собеседованиях определить лучший способ выстраивания рамки, которая позволит родителям удерживаться внутри границ аналитической работы? Мы всегда решаем этот вопрос методом проб и ошибок, поскольку в том, что касается развития психики родителей, мы, опираясь на некоторые правила, вытекающие из накопленного опыта психоанализа детей, все же сохраняем немалый запас гибкости, чтобы можно было исследовать неизвестность.

К обязательным правилам, позволяющим начать работу с родителями, я отнесу акцентуацию различия между детскими и взрослыми составляющими родителей.

Если первые собеседования прошли достаточно удачно, то есть если аналитик ребенка пришел в нужную форму, чтобы с аналитическим вниманием выслушать речь родителей, тогда это ценное различие вместе с предполагаемой им задачей способно дать аналитику возможность проложить наилучший путь к инфантильным элементам родителей, проецируемым на ребенка. Различие между их детскими и взрослыми составляющими позволяет аналитику последовательно работать и с теми, и с другими. Мы надеемся, что в результате родители смогут провести различие между своими детскими составляющими и их реальным ребенком, внутренний мир которого не тождественен их миру. Только при этом условии родители могут дать своему ребенку право обладать собственной психической жизнью и нести за нее ответственность. И только при

этом условии родители способны дать своему ребенку возможность пройти психотерапию, которая позволит ему понять самого себя.

Вот почему только при правильном проведении такой работы родители могут начать при помощи аналитика интересоваться психической жизнью своего ребенка. Они могут заметить, что за его агрессивным поведением скрывается депрессия или даже нарциссическая уязвимость. Они могут научиться наблюдать за своим ребенком, распознавать симптомы его болезни и не отворачиваться от них. Сколько же родителей, считавших своего ребенка капризным, в итоге приходят к пониманию нарциссического расстройства, скрывающегося за его поведением. При помощи аналитика они учатся установке, которая включает в себя одновременно нежность и твердость. Такая двойная линия поведения весьма благотворна, в каком-то смысле она составляет суть воспитания ребенка: с одной стороны, родители показывают, что они любят ребенка и понимают его тревогу, которая скрывается за его поведением; но с другой, они дают ему понять, что не согласятся на то, чтобы он использовал эту тревогу в целях своего нарциссического всемогущества. Иначе говоря, они указывают ему на то, что не будут играть роль жертв этого всемогущества; пользуясь поддержкой аналитика, они смогут установить для него некоторые границы. На начальных этапах детским терапевтам часто приходится связывать ребенка, которым они занимаются, определенными ограничениями, и те же границы порой приходится устанавливать родителям. Терапевтам часто сложно установить границы, запрещающие какое-либо посягательство на их собственный нарциссизм, поскольку они охвачены стремлением полностью понять ребенка, что, по их мнению, должно решить проблему последнего. Поэтому им, как мы увидим, сложно, когда это нужно, вести себя как полицейские, которые, если это хорошие полицейские, заставляют соблюдать законы ради сохранения порядка, защищающего творческие возможности каждого.

Родительское чувство вины часто является причиной неспособности ограничить своего ребенка законом, поскольку любой закон основан на соблюдении границ. Можно вспомнить о связи между человеческими законами и законами физики. Возьмем пример закона гравитации: нужно заставить ребенка уважать его, иначе он причинит себе вред. Точно так же он должен ограничивать себя в беге и признать наличие стены, которая находится прямо перед ним, иначе он также нанесет себе вред. Обычно совсем маленький ребенок

считает, что его родители сами придумали эти законы: ему кажется, что стена злая, поскольку она его ударила! Родители, склонные излишне оберегать ребенка и стремящиеся оградить его от подобных болезненных впечатлений, поскольку они не хотят, чтобы он считал их злыми, не дают ему возможности на собственном опыте познакомиться с законами реальности, хотя именно этот опыт смыкается с опытом человеческих законов, которыми они должны его ограничить. В этом случае возникает порочный круг, из-за которого родители сами станут первыми жертвами ребенка, который навязет им свой собственный закон. И закон такого ребенка не имеет ничего общего с только что упомянутым мной законом. Это закон всемогущества; он основан на отсутствии признания всякого предела и в этом смысле является производным первичного нарциссического ядра, которое не признает существования *Я-реальности*. Родители, не видящие различия, которое необходимо провести между нормальным страданием, вызванным столкновением с реальностью, и страданием, вызванным первичными нарциссическими требованиями, стараются оградить своего ребенка от любых страданий. Они не дают ему столкнуться со страданием, порожденным восприятием реальности, тогда как на самом деле, если бы они его поддержали, это помогло бы ему справиться со страданием, вызываемым любой нарциссической травмой.

Возьмем связанный с этими моментами пример ребенка, который не хочет идти спать. Главная причина, очевидно, в тревоге расставания, сталкивающего ребенка с его разнообразными фантазиями, относящимися к внутренней первичной сцене, жестокость которой его угнетает, причем он не может от нее защититься, обратившись к своим хорошим внутренним объектам. Поэтому ему нужно найти помощь в присутствии реальных внешних объектов, то есть его родителей. Таким образом возникает порочный круг: на страх ребенка отвечает установка родителей, которые предлагают только одно решение: взять ребенка к себе в постель; и это парализует причину страдания в психике ребенка, то есть первичную сцену, предоставляя ему возможность свободно распоряжаться своими объектами. В этом случае закон всемогущества попирает другой закон, то есть закон разделения. Забираясь в постель родителей, ребенок сохраняет свою фантазию, считая, что остается если не единственным, то по крайней мере последним ребенком, тем, от которого они никогда не отделяться, сделав себе другого.

Как, однако, поступить, когда ребенок кричит по ночам и его страдание не оставляет сомнений, поскольку ему явно приснился страшный кошмар? Если у ребенка есть возможность проходить терапию, он может рассказать о своей тревоге, чтобы аналитик помог ее уменьшить. Однако родители тоже могут рассказать о своих трудностях и получить, таким образом, от аналитика не только понимание, но также и практические советы, которые позволят им проверить свою способность применить их: сидеть у кровати засыпающего ребенка, чувствовать, когда он проснулся, — не каприз, и обостренная чувствительность делает ребенка беззащитным при разлуке с человеком, который его защищает. В этом случае надо успокоить ребенка и не показывать своего раздражения. Напротив, нужно уходить постепенно и быть готовым вернуться. Если ребенок проходит лечение, способность оставаться в одиночестве развивается быстрее, поскольку ребенок «учится» носить с собой внутренние объекты, дающие ощущение уверенности. Бывают дети, которые используют массу предлогов для того, чтобы не идти в постель; они возвращаются в столовую или же в гостиную, устраиваются между родителями, не давая им пообщаться друг с другом после рабочего дня. В этих случаях нужно не сдаваться, а применить закон разделения жизни взрослых и жизни детей; кстати, этот закон в чем-то пересекается с запретом инцеста.

Мне вспоминается маленький мальчик, которого заставили пережить двойную переменную, когда ему было всего четыре года, — ему пришлось одновременно сменить кровать (поскольку колыбель стала для него мала) и комнату, он переместился из комнаты родителей, в которой спал раньше, в новую, где он должен был спать теперь. Младенец начал серьезно мешать сну родителей, просыпаясь в безутешных рыданиях. Золотое правило в случае младенцев — это постепенность: любой элемент среды, который надо изменить, необходимо менять постепенно. Можно, к примеру, сохранять один постоянный элемент, когда меняется другой элемент среды — скажем, оставить старую кровать, когда изменилось пространство комнаты. Я думаю, что лучше было бы даже пойти другим путем: сначала поменять кровать, не переселяя его в другую комнату. В действительности, для младенца кровать составляет нечто вроде комнатки, в которой его устроили с самого начала его жизни, то есть она выступает системой всех его ориентиров: например, слева от него контраст между темным рисунком узора на ткани, покрыв-

вающей кровать, и светлым фоном этой ткани; там-то, на определенном расстоянии от его глаз, находятся игрушки; под таким-то углом на него падает свет и т.д. Можно было бы сказать, что пространство, созданное первой кроватью ребенка, воспроизводя меру пространства, созданного охватом материнских рук, дает ему меру окружающего его пространства. Преобразовать стены этого мира — значит потребовать от ребенка приспособиться к перемене, к которой он еще не готов. Для этому ему нужно найти в различии нечто знакомое. А это возможно только в том случае, когда изменение происходит постепенно, достаточно медленно, чтобы изменяющееся все же можно было признать и чтобы оно внезапно не показалось совершенно чужим. Собственно, в этом возрасте признание самого себя или чувство идентичности довольно тесно связано с признанием среды, которая окружает младенца. Если она внезапно меняется, устойчивое ощущение собственного существования у этого младенца тоже резко меняется; и в таком случае младенец больше не узнает себя. Поскольку он живет в тесном контакте с окружающей его средой, теряя ее, он теряет самого себя.

Когда мы ведем лечение самых маленьких детей, необходимо сделать так, чтобы родители с вниманием относились к жизнедеятельности своего ребенка и отдавали себе отчет в том, что, когда он плачет ночью, его расстройство вызвано тревожностью именно такого типа, связанного с его идентичностью. Вернувшись к истокам его тревоги и оставшись там, мы бы не смогли справиться с кризисными состояниями ребенка. Ребенок, прежде всего, не верит в то, что можно найти решение для его проблемы, поскольку у него нет опыта объекта, который научил бы его постепенному переходу от постоянного присутствия к абсолютному отсутствию. Ребенок, которому не помогали расстаться со своим объектом, не знает, что его отсутствие можно перенести. И еще меньше он знает о том, что иногда он может даже желать этого отсутствия, чтобы остаться наедине с собой и заняться своими собственными играми и мыслями.

Ребенок не может не заметить, что родители понимают, что он страдает от их утраты. Это восприятие имеет ценность встречи между ребенком и его родителями; вероятно, его тревога будет уменьшаться и он будет меньше пользоваться своим всемогуществом и желанием их контролировать. У него будет более сильное ощущение, что он продолжает существовать для них, хотя в действительности они больше не находятся возле него постоянно.

Если некоторым родителям не удастся почувствовать созвучие между их собственным инфантильным всемогуществом и всемогуществом их ребенка, им будет сложно встать в положение взрослых, чтобы поставить ребенка на место. Их ошарашивает вторжение их ребенка в их существование в качестве пары, поскольку в них есть ребенок, желающий проникнуть внутрь отношений пары его собственных родителей. Они выступают в качестве родителей и одновременно ребенка, которым они были, и их собственный ребенок теперь воплощает последнего; они видят, что он ведет себя по отношению к ним так, как они раньше вели себя — чаще на своей внутренней сцене, чем в реальности — по отношению к своим родителям.

Мне вспоминается совсем маленький, едва ли не годовалый мальчик, которого я консультировала. Мало того, что он постоянно спал в постели своих родителей, его отцу не удавалось отделить его от матери, так что он каждую ночь уходил спать в комнату своего ребенка. Бывает, что отцы и более взрослых детей спят в кровати своего ребенка, поскольку им хочется думать, что он не способен выносить тревогу ночного расставания. И тогда в результате полного переворачивания ролей и мест каждого, ребенок отправляется спать рядом со своей матерью! Тревога ребенка в таком случае еще больше увеличивается, когда он замечает, что его родители не могут защититься от его собственного всемогущества. Настоящий защитный барьер, препятствующий инцестуозным фантазиям, которые приводят к только что упомянутому мною отыгрыванию, создается поддержанием связи внутри родительской пары. Именно благодаря этой связи утверждается различие поколений, а ребенку указывается на его место ребенка. Как мы видим, формирование этого треугольника, основополагающего для всякого развития символической сферы человека треугольника должно встречаться с похожим формированием треугольника во внутреннем мире каждого из родителей — как в отце, так и в матери; ребенок должен вернуться в свою комнату, чтобы оставить родителям возможность для интимной жизни, он должен создать для самого себя свою собственную фантазийную жизнь, в которой первым объектом выступает интимная жизнь родительской четы.

Этот сговор между инцестуозными фантазиями ребенка и его родителей порой заметен на второй консультации, когда они должны дать согласие на начало анализа, чтобы это помогло ребенку со-

гласиться с ситуацией. Мне вспоминается отец, который, хотя мать готова была начать лечение, в этот момент пошел на попятную, задавая все новые и новые вопросы. Ему надо было подумать, поскольку он спрашивал себя, не слишком ли сильно привяжется ребенок ко мне и сможет ли потом со мной расстаться! Что имел в виду этот отец, и какой вопрос скрывался под его явной озабоченностью эмоциональной жизнью его ребенка? Я думаю, что он говорил о самом себе и о том, что ему самому сложно отделиться от своего ребенка: именно он был слишком привязан к дочери и не желал, чтобы лечение дало ей возможность от него отстраниться. Лечение все-таки началось, однако позже было прервано, так что ребенок попал в очень тяжелую ситуацию, поскольку его инцестуозные фантазии, встречающиеся с фантазиями его отца, матери, да и моими собственными, становились объектами, нагруженными ненавистью, с которой было невозможно справиться. Родители расстались в течение нескольких месяцев терапии, которую я проводила с ребенком.

Другой пример — отец, который страдает из-за развода и которого терапевт принимает вместе с его женой. Он прямо, в весьма нежных тонах выражает свое детское беспокойство: он чувствует себя брошенным, сообщая мне также о депрессии своей жены, которая, однако, похоже, не страдает от этой ситуации. Свои фантазии он выражает через своих детей, двух маленьких девочек: «Нужно ли рассказывать девочкам о прекрасном принце, как в сказках, — говорит он, — ведь их не существует! Мы снова переживаем наше детство в собственных детях, и это детство накладывает отпечаток на всю нашу жизнь». Тот, кто так говорит, не только отец, но еще и травмированный маленький мальчик. Он упоминает эдипальное инвестирование своей супруги, посредством проекции, то есть через разочарование девочки, которая теряет своего «прекрасного принца», точно так же как он недавно потерял свою «принцессу».

В этом случае лечение может начаться, поскольку отец вскоре распрощается с принцессой из своего детства, а мать примет на себя ответственность за лечение. Это не означает, что каждого из родителей не нужно консультировать отдельно, ведь отцу впоследствии может принести пользу индивидуальная терапия, которая поможет ему справиться с утратой иллюзий, связанной с потерей его инфантильных инвестирований.

Однако в только что указанном случае лучше было бы, судя по всему, не начинать лечение, пока работа с отцом не позволит ему избавиться от эдипова инвестирования собственной дочери. Отказ от такой работы со стороны отца был бы знаком невозможности лечить его дочь.

Мы все больше понимаем, насколько сама доступность лечения для ребенка зависит от родителей. Терапия ребенка, следовательно, существенно отличается от терапии взрослого. Если аналитик взрослого имеет дело только с одним пациентом, аналитик ребенка должен помнить о том, что лечение может начаться лишь при том условии, что во внимание приняты оба родителя ребенка, которые также составляют часть лечения. Он должен тратить определенное время на то, чтобы принимать их по отдельности, не только на сеансах ребенка. Он должен думать о том, как работать с ними, постепенно выстраивая терапию ребенка.

Эти способы работы с родителями настолько многообразны, что им можно было бы посвятить отдельное исследование. Я упомяну лишь некоторые, помня о том, что их обоснование связано с условиями, руководящими анализом ребенка. Мы видим, что последний всегда проходит при согласии родителей, а это согласие, пусть даже первоначально оно исходит от их взрослых составляющих, всегда ставится под вопрос их детскими составляющими.

Необходимо учесть разные факторы: невозможно достичь успеха в лечении ребенка, если между родителем и ребенком не проведена работа в той зоне симбиотического слияния, которая является для них общей. Необходимо создать условия для совместной работы. Какую форму она примет? Какой стиль будет предложен аналитиком для его вмешательства? Как работа с ребенком может начаться или продолжаться внутри этой общей работы? Не вдаваясь в подробные примеры, я могу лишь упомянуть здесь некоторые способы работы в ряде ситуаций.

Прежде всего, я имею в виду ситуации, в которых ребенок выступает носителем настолько глубокого нарциссического инвестирования матери (я говорю о матери, но отец также может быть захвачен этой проблемой), что принимать его без матери просто невозможно.

Б. Лешевалье⁴² посвятила этой теме важное исследование. Она предлагает схему, когда мать и ребенка принимают вместе — по три сеанса в неделю, и первоначально это основное правило. Бывает, что ребенок желает «выставить мать за дверь». Тогда перед аналитиком встает проблема — сохранять или не сохранять особую связь с матерью. В большинстве случаев, если мы захотим предпочесть связь с ребенком и продолжить лечение с ним одним, мать почувствует себя брошенной, словно бы ее выставил за дверь соперник, а потому она тут же прервет лечение. Однако этот соперник — ее собственный ребенок. На аналитика, который является причиной такого разделения, смотрят как на отца, который отделяет ребенка от матери или как на мать, которая бросила старшего ребенка ради младшего. Начало терапии, когда ребенка и мать принимают вместе, всегда приводит в определенный момент к расставанию двух участников. Впрочем, это и есть цель, которую ставит себе аналитик, поступая подобным образом: добиться отделения внутреннего мира ребенка от материнского нарциссизма, в который он был включен. Этого невозможно достичь без разделения людей; завершением такой работы, следовательно, будет требование, чтобы ребенок посещал аналитика в одиночку. В целом, промах аналитиков в том, что они, как мы уже отмечали, разбирая проблемы первых собеседований, недооценивают уязвимость детских составляющих матери и думают, что возможно сотрудничество на уровне взрослого, тогда как детский перенос, актуализируемый этой работой с парой мать-ребенок, еще недостаточно проработан. Да и как могло бы быть иначе, когда мать все еще принимают вместе с ребенком? Задача терапии пары мать-ребенок — освободить реального ребенка от материнских проекций. Поэтому часто оказывается, что ребенок уже вышел из материнского пузыря, тогда как реальная мать еще не высвободила свои проекции такого анклава. Он хочет выйти, тогда как мать еще не готова его отпустить. Я думаю, что лучшая техника — действовать постепенно. Речь о том, чтобы, не забывая о необходимости пропускать мать вперед ребенка, поскольку без нее вообще ничего не получится, придерживаться изначальной схемы сеансов мать-ребенок и постепенно добавлять к ней сеансы с одной матерью. Эта техника, кстати говоря, напоминает о лучшем способе отнятия ребенка от груди: не нужно сразу отнимать его от гру-

42 Lechevalier B. Traitement psychanalytique mère-enfant. Paris. In press, 2004.

ди и давать соску. Необходимо дать соску как дополнение к груди, когда аппетит ребенка потребует такой добавки; в результате соска воспринимается не в качестве похитителя груди, а как дополнение, позволяющее ребенку получить больше молока и, следовательно, больше материнского присутствия.

Это сравнение, конечно, не случайно; сеансы в режиме мать-ребенок, в действительности, позволяют матери и ребенку жить вместе в одном общем пузыре; аналитик — сначала гарант его устойчивости, это потом он становится тем третьим, который разделит его обитателей. Опыт симбиотического слияния, испытанный младенцем, которого кормят грудью, похож на тот, который испытывает мать, регрессирующая через частное инвестирование своего ребенка; но она должна перейти к дифференцированному обмену и завершить такое слияние. Переход от груди к соске предполагает подобную работу по дифференциации, поскольку на уровне орального опыта близость тел становится невозможной; соска уже не обладает сладостью и теплотой соски, она более не удовлетворяет иллюзию, не кажется продолжением языка младенца.

Точно так же в этой работе на троих ребенок для матери уже не является нарциссическим продолжением; у него своя собственная автономия жизнедеятельности, которая отдаляет его от нее. Если в этот момент аналитик не будет оставаться рядом с ней, чтобы прочувствовать первичную депрессию, охватывающую ее, и поддержать, мать, скорее, спроецирует депрессию на аналитика и прекратит курс лечения, забрав ребенка, чтобы попытаться забыть о тяготах отнятия от груди. Следовательно, к этому переходу следует относиться с максимальным вниманием. У матери должно быть ощущение, что аналитик продолжает поддерживать ее, что ее не бросили, хотя она и собирается отстранить своего ребенка. То есть она осуществляет перенос в полном смысле этого слова: она переносит на аналитика нарциссическое инвестирование своего ребенка; это она как раз и начала делать, когда приходила с ним на лечение. Но потом она уходила с ребенком и не прорабатывала свое разделение, в отличие от пациента, который, покидая своего аналитика, покидает также и объект переноса, унося с собой лишь воспоминание о состоявшейся с ним коммуникации. Отделять мать от ребенка — значит предложить ей дать автономия ребенку, который существует в ней, тогда как она ранее использовала его для того, чтобы уклониться от подобного испытания.

Мне представляется, что сеансы, проводимые с одной матерью и выступающие параллельно к работе с ребенком, которая укрепляет разделение идентичностей, лучше всего подготавливают к восстановлению каждой собственной психической организации. В работе с матерью и ребенком, предшествующей индивидуальной работе с последним, возможно также рассмотреть и иные варианты.

Я могу вспомнить о разных ситуациях, в которых мать с самого начала принимают каждую неделю вместе с ребенком, а раз в две недели — одну; этот распорядок позволяет матери укрепиться в индивидуальном отношении, которое постепенно отделяет ее от регрессивного инвестирования ребенка.

Использование такой схемы не всегда возможно — например, по материальным причинам, но также и потому, что защиты матери таковы, что подобный режим переживался бы ею как слишком значимый переворот в симбиотической связи, которую она создала со своим ребенком.

Поэтому нужно приспособляться к возможностям, помня при этом о цели, которой мы желаем достичь, то есть об отделении психической организации матери от психической организации ее ребенка. Иногда мать не хочет приходить на прием более одного раза в неделю, хотя каждую неделю приходит с ребенком; она сначала доверяется нам, а потом больше не хочет ничего говорить. Нужно дать ситуации развиваться, но следить за тем, чтобы ее проект не рухнул. Придется согласиться с тем, что такой ритм подходит не нам, а матери, но при этом надо помнить о последовательности встреч (которые всегда назначаются в конце сеанса, чтобы мать не ушла домой без будущего, заранее назначенного «пункта прибытия»). Эти встречи, как показывает нам опыт, постепенно станут проходить чаще, если мы сумеем подождать и показать тем самым матери, что мы придерживаемся ее ритма, чтобы привести его в соответствие с нашим. Не так ли обстоит дело и с маленькими детьми, грудными младенцами или теми, кого надо уложить спать?

Однако порой вообще нет возможности принимать мать без ребенка, всё, что она может, — это прийти на общий сеанс. Это тоже надо принять, поскольку в силу материальных обстоятельств семьи, но также и независимо от них, мать не разрешает себе оставить ребенка. Она не может представить, что будет занимать не то место, которое занял сам этот ребенок. В этом случае ее также нужно будет постепенно начать принимать в другое время, отличное

от того, что уже было инвестировано ее ребенком; затем она постепенно отстраняется от общих сеансов. Не напоминает ли все это ребенка, который может оставить мать лишь при том условии, что заберет с собой какой-то предмет ее одежды, ее след, запах? В этих случаях мать сама ведет себя как такой ребенок.

Все эти варианты вполне возможны, поскольку они определяют непреложный императив, требующий отделения матери от ребенка. Пытаться навязать классический вариант лечения ребенка, воображая, что родители тут же с ним согласятся, — значит строить себе иллюзии и готовить прекращение лечения. Именно потому, что мы поняли, как говорил Винникотт⁴³, что «ребенок не существует в одиночку», мы сначала должны заняться психикой родителей, а потом уже перейти к психике ребенка. Последний порой чувствует себя успокоенным (когда знает, что его мать очень больна), если видит, что ее поняли еще до того, как попытаются понять его, что ее понял человек, который должен будет понять его самого. Ребенок знает, что аналитик, которому он доверятся, внутренне пережил, как и он, то, что заставила его пережить его мать. Таким образом он узнает, что аналитик побывал в той же позиции, что и он, прежде чем занять другую позицию, то есть позицию родителя, который ведет себя не так, как его настоящий родитель. Он ведет себя как родитель, для которого ребенок существует в качестве самостоятельной личности, который не включает его в свою нарциссическую экономику, чтобы заполнить ее пробелы.

Что касается матери, необходимо, чтобы в этот период ее принимал именно аналитик ребенка, а не какой-то другой аналитик. Мы поймем это, когда увидим, в какой мере во всех подобных случаях ребенок выступает нарциссическим продолжением матери: аналитик, который собирается изменить внутренний мир этого ребенка, воспринимается матерью, как тот, кто угрожает ее психотелесной целостности. Следовательно, именно с ней нужно найти решение для негативного переноса, потенциальным объектом которого является аналитик. В действительности, в этой области такое решение невозможно найти в ее отсутствие, *inabsentia*.

Я хотела бы в самых общих чертах сказать о технике вмешательства в терапии в режиме мать-ребенок, которая может вывести на

43 Winnicott D. W. De la communication et de la non-communication – suivi d'une étude de certains contraires // Processus de maturation chez l'enfant. Trad. J. Kalmanovitch. Paris: Payot, 1970.

два разных курса, с одной стороны, на курс матери, а с другой — ребенка. Речь не о том, чтобы в начале выстроить ситуацию, в которой мать присутствовала бы при коммуникации между ребенком и его терапевтом. Скорее, более подходящим вариантом является обратная ситуация, при условии, что ребенку предлагается, если он того желает, поиграть с игрушками или порисовать карандашами. На каждом сеансе ребенок снова встречается со своими игрушками и папкой своих рисунков. Слова аналитика должны доходить и до матери, и до ребенка. Довольно часто аналитик обращается к матери, чтобы сказать что-то ребенку, и наоборот. Поэтому часто он использует безличное «мы», а не «Вы» или «ты», не для того, чтобы напрямую вовлечь мать и ребенка в общую интерпретацию, а чтобы донести до матери то, что он говорит ребенку. Только так можно обратить внимание матери на игру ребенка, которая часто выступает в качестве самостоятельного интерпретирующего комментария к явной речи матери.

С. Кадр психоанализа ребенка

Зачем говорить о кадре в психоанализе или в психотерапии ребенка? Мы можем сказать, что все начинается именно с него; пациент постепенно сживается с кадром, который ему первоначально навязал аналитик. Он его интериоризует, чтобы он стала его опорой, ориентиром его внутреннего мира, который позволит ему отличать внешнее и его реальность от внутреннего как носителя другой реальности, реальности его фантазий. Без кадра эти реальности смешиваются друг с другом, в особенности у ребенка, который еще так близок к магическому всемогуществу. Мы поймем, что кадр главным образом существует в мысли психоаналитика, обязанного уметь поддерживать в любых обстоятельствах различие, о котором я только что сказала.

Кадр — это прежде всего система правил и ограничений, определяющих рамку сотрудничества пациента и психоаналитика, необходимость которой определяется установлением всех возможных различий, какие только существуют между тем, что внутри и снаружи Я, между объектами как внешнего, так и внутреннего мира, наконец, между различными качествами Я и объектов.

Крайне телесный аспект пространства в равной мере опирается на необходимость признавать пределы, которые в трехмерном про-

странстве отделяют Я от не-Я. В этой перспективе рамка образует закон, обеспечивающий выполнение запрета, который ни в коем случае нельзя нарушать, иначе путаница с идентичностями приведет к путанице с полом и с поколениями. Никакое развитие человека невозможно без образования рамки, имеющей силу закона.

Мы увидим, как во время анализа ребенка аналитик среди прочего занят тем, чтобы заставить его посредством рамки уважать закон, о котором я говорила. Мы можем сказать, что то же самое происходит во взрослом психоанализе и в анализе родителей ребенка, которого мы лечим. По сути дела, техника, применяемая к родителям для того, чтобы можно было продолжать лечение ребенка, нацелена на предотвращение столкновения взрослых со всемогуществом ребенка, которое могло бы повредить внешнюю рамку, являющуюся предварительным условием создания у него внутренней рамки.

Мы увидим, сколь болезненный контрперенос навязывается аналитику, когда он должен заставить ребенка соблюдать эту рамку. Аналитик должен в таком случае перестать идеализировать свою функцию и перестать бояться отыгрывания. По сути дела он должен смириться с тем фактом, что будет восприниматься как плохой объект, который может вызвать гнев ребенка, когда заставляет того сдерживать свои посягательства на присвоение отдельных элементов пространственной и временной рамки. Далее я приведу примеры таких атак на рамку, но здесь хочу подчеркнуть, что сопротивление аналитика попыткам пациента манипулировать рамкой следует изначальной структуре любого закона: нарушение запрета влечет за собой наказание. На этом уровне мы снова встречаем⁴⁴ укоренение формаций Сверх-Я — я имею в виду истинное Сверх-Я, а не мнимые, возникающие из детского всемогущества — в признании реальности трехмерного психического пространства. В таком пространстве может произойти любая проекция, но опирается в существование третьего измерения, которое приводит к тому, что проецируемый элемент возвращается обратно. Шарик, ударившись об стену, отскакивает и его снова нужно ловить, так же тот, кто бросается на препятствие, пытаясь его игнорировать, расплачивается за свое невежество. Совсем маленький ребенок, падающий на землю, встречает реальность, которая вызывает у него гнев, если не на

44 Athanassiou C. Le surmoi. Paris: PUF, 1995.

закон гравитации, то, по крайней мере, на эту землю, которую он принимает за нехороший и жестокий объект, потому что тот сделал ему больно. При этом он получает болезненный опыт реальности, который, если он его примет, позволит ему также принять законы, управляющие человеческими отношениями.

Первое проявление на физическом уровне этого возврата спроецированного, которым отмечено сопротивление любого объекта в физическом пространстве, — это ответная реакция. Мы прекрасно знаем, какие формы она принимает в законе возмездия: око за око, зуб за зуб. Этот закон можно превзойти, усвоив принцип прощения, но от него нельзя уклониться, если только не сделать из мира некое образование, обслуживающее *нарциссическое Я*.

Эта тема занимает большое место в беседах с родителями: как сделать так, чтобы ребенок вовремя оделся, чтобы идти в школу? Как сделать так, чтобы не пришлось завязывать ему шнурки, проверять, не забыл ли он дома портфель или тетради? Как сделать ребенка автономным в тот момент, когда его родители озабочены только тем, чтобы подстраховать его в экстренных случаях при контакте с внешней реальностью, одним из самых главных проявлений которой для ребенка становятся временные ограничения, накладываемые школой?

Что сказать этим родителем? Можно ли испытывать их терпение, советуя им не поддаваться игре ребенка? Многие родители не решаются навязывать своему ребенку эту проверку реальностью, которая так ранит его нарциссизм, а через него и их собственный. Но если благодаря нашей поддержке они начнут показывать ребенку, что не позволят ему диктовать свои законы (законы всемогущества), а, наоборот, заставят его соблюдать их собственный закон, который несет в себе взрослый мир, тогда ребенок окажется лицом к лицу с реальностью, не уступающей его капризам, подобно тому, как стена не поддается тому, кто не хочет ее обходить.

Мне вспоминается мать, жаловавшаяся на то, что ребенок отказывается идти с ней, когда она ведет его в детский сад. Ребенок впадал в истерику, кидался на землю и ждал, когда она за ним придет, орал что есть мочи. Однажды она оставила его лежать на земле до тех пор, пока он не испугался, что она больше за ним не придет. Тогда он поднялся и безропотно двинулся за ней следом. Речь не о том, чтобы поверить, что такая «простая» позиция, как эта, может трансформировать нарциссическое всемогущество ребенка. Мать в

этом случае некоторым образом показала ребенку, что не даст собой манипулировать, что придало ей больше весу, чем раньше. Что же касается внутреннего объекта ребенка и закона, который он в себе несет, то его должен представлять аналитик, требующий соблюдения правил анализа.

У меня есть еще один пример, взятый из лечения совсем маленького психотического ребенка: запрет не вызывал у него страха, наоборот, его возбуждало его нарушение. Он мог безнаказанно нападать на своего аналитика, пока в один прекрасный день не испугался возмездия. Тогда он начал бояться чудовищ из волшебных сказок. Мы с его терапевтом почувствовали и констатировали, что появление страха могло стать шагом вперед в признании ребенком внешней реальности объекта.

Возмездие возникает из агрессивных проекций на объект, но когда оно становится составляющей внутреннего плохого объекта (носящего чисто фантазматический характер), оно тем не менее указывает на признание реальности границ, принадлежащих к переживанию внешней реальности. Если у ребенка не зародилось представление об этих границах, он бы никогда не познал страх!

После этого — но только после — ребенок должен понять, что его страх имеет чисто фантазматическую природу и что его внешний объект несколько не похож на конструкцию, которую он выстроил внутри себя.

С.1 Временная рамка

Временная рамка, так же как и пространственная, способствует образованию объектного контейнера, который пациент постепенно интроецирует. Точно так же, как пространственная рамка наделена единством, которое помогает образованию в живом объекте реперных точек за пределами Я, временная рамка помогает образовать такую же конструкцию, поскольку она тоже задается живым объектом. Речь идет не о механической регулярности, но о надежном ритме, который, тем не менее, может преподносить сюрпризы, сбои, которые аналитик предвидит вместе с пациентом. Так, ребенок, как и любой другой пациент, полагается на регулярное посещение сеансов, которое образует страховочный трос. Если у него сеанс раз в неделю, он знает, что ему нужно досчитать до шести, чтобы прийти на сеанс на седьмой день. Повторение этого простого

ритма помогает ему провести внутри себя самого непрерывную линию, привязанную к такому временному восприятию объекта. Благодаря этой регулярности пациент может предвидеть моменты присутствия и отсутствия, которые соответствуют либо тому моменту, когда он получает новый опыт от своего объекта, либо тому, когда за отсутствием такого опыта «переваривает» уже имеющийся.

Таким образом ритм сеансов задает возвратно-поступательное движение пациента между отношением с внешним объектом и отношением с внутренним объектом. Это позволяет нам понять, что это время «переваривания», которое подготавливает будущую встречу (это хорошо заметно у пациентов, которые производят сон к следующему сеансу) — двойное время: с одной стороны, пациент перерабатывает внутри себя сеть связей, которые были активизированы в его внутренней жизни новым инвестированием переноса, с другой, пока идет эта работа, он обращается к инвестированиям своей внешней жизни и объектов, присутствие которых в повседневной жизни он признает. Погружение в переработку связей с внутренними объектами не мешает ребенку инвестироваться в школьную жизнь и отношения с друзьями.

Для аналитика нежелательно недооценивать этот пласт жизни пациента, думать, что вся жизнь ребенка сводится к его внутренней жизни, не понимая, что время между двумя сеансами часто помогает ему успокоиться: от того, что он открывает свое подсознание внутренним кошмарам, окружающий мир отнюдь не становится кошмарным! Нет, родители его по-прежнему любят, друзья ждут и он сам рад вернуться к своим любимым занятиям.

Озабоченность, которую родители часто проявляют к инвестированию активности ребенка в его внешнюю жизнь, параллельно инвестированию в терапию, возможно, является частью того, о чем я только что говорила: несмотря на изучение бессознательного ребенка, его сознательные инвестирования гарантируют ему — и его родителям — что существует некоторая преемственность в его Я, которое может продолжать развиваться во внешней реальности. Таким образом, важно, чтобы аналитик показал родителям, что он понимает важность внешней жизни своего юного пациента; без этого родители почувствуют себя непонятыми, решат, что он сводит всю жизнь их ребенка к тому, что происходит в его бессознательном, тем самым игнорируя богатство внешней реальности.

Эта преамбула важна для того, чтобы понять, сколько сеансов в неделю потребуется ребенку. Мнения сильно разделились. Можно рассмотреть два направления действий, если, как я уже говорила, мы будем учитывать как образование базового контейнера для формирования внутреннего мира ребенка, так и саму природу объектов, населяющих этот внутренний мир.

Согласно первой точке зрения, главное — простота, простота контейнирования. Эстер Бик предлагала (как она мне говорила), чтобы совсем маленький ребенок — или взрослый, у которого затронуты эти первичные уровни образования контейнера — приходил на сеанс либо раз в неделю, либо шесть раз в неделю. Она рассуждала следующим образом: либо ребенок знает, что должен досчитать до шести, прежде чем он получит свой сеанс, либо он знает, что должен досчитать до шести, прежде чем снова расстанется со своим аналитиком. Таким образом, это простой счет, куда бы вы не вставили перерыв.

Для Э.Бик самым простым ритмом был тот, который соответствовал самым ранним слоям образования идентичности у совсем маленького ребенка. Этот двоичный ритм отсылает к двумерному пространству, и именно давая ребенку возможность как следует выстроить два измерения, мы позволяем ему наметить контуры его психического контейнера.

Есть другой взгляд, согласно которому предпочтительнее, чтобы ребенок (или взрослый) мог воспользоваться достаточно большим количеством сеансов в неделю: Я не нужно слишком долго ждать, чтобы снова пополнить запасы своих отношений с внутренним объектом за счет своего внешнего объекта. Винникотт⁴⁵ говорит о способности любого ребенка переносить фрустрацию: он готов ждать мать в течение n минут. Но если он должен ждать ее $n+x$ минут, все идет насмарку. У него может появиться чувство, что она никогда не придет; Мелани Кляйн⁴⁶ в таких случаях говорит, что имевшаяся у него связь с хорошим объектом превращается в плохую связь.

Ребенок может сдерживать фрустрацию в течение некоторого времени; он может отделить эту фрустрацию от своих хороших отношений с объектом при условии, что это время не будет слишком

⁴⁵ Winnicott D.W. La Localisation de l'expérience culturelle // Jeu et réalité. Trad. C.I. Monod et J.B. Pontalis. Paris: Gallimard, 1975.

⁴⁶ Klein M. La vie émotionnelle des bébés // Développements de la psychanalyse. Trad. W. Baranger. Paris: PUF, 1966.

долгим. Но если ожидание переходит границы того, что может вытерпеть ребенок, появляется тревога, которая грозит разрушением его хороших отношений с внутренними объектами. С этой точки зрения, следует увеличивать количество сеансов. В таком случае считается, что встречи с аналитиком напоминают пополнение запасов в хорошем смысле, своего рода прием пищи, в котором пациент, то есть ребенок, нуждается, чтобы восстановить силы.

М.Кляйн и школа кляйнеанцев и посткляйнеанцев установили много пересечений между функцией аналитика во время сеанса и хорошей грудью, которая питает и успокаивает тревогу пациента. Блон создал теорию трансформаций, выполняемых аналитиком, которые делают тревогу терпимой для пациента, потому что он сам их «переваривает» и тем самым делает возможной их символизацию⁴⁷.

В этих условиях мы понимаем, почему можно подумать, что, если количество сеансов недостаточно, то контакт с «аналитической грудью» может не привести к последующей интериоризации; поскольку внутренние трансформации основаны на этой интериоризации, а прогресс — не что иное как производная от нее, совершенно необходимо, чтобы количество сеансов соответствовало желаемой интериоризации.

Согласно этому взгляду, пациент, который получает недостаточное число сеансов, недостаточно контейнирован, и его защиты могут оказать сопротивление инвестированию в новый объект, который должен привести к трансформации его психической организации.

Аналитик, который слишком редко видится со своим пациентом (слишком редко — это менее трех раз в неделю), не может быть инвестирован в качестве надежного объекта, если считать, что интериоризация контейнера возможна только в той мере, в какой он имеется в наличии.

Хотя два или три сеанса в неделю, безусловно, влекут за собой ускоренное появление более глубокого материала, а связь с психоаналитиком позволяет последнему сильнее обозначить свое присутствие вовне и внутри Я, нельзя забывать, как это часто бывает, что необходимо дублировать все это время присутствия временем, когда отсутствие используется с пользой. Как в пищевом цикле, есть

время для того, чтобы поглощать пищу, время, чтобы ее переваривать, и время, когда должен заново появиться голод, нацеленный на объект.

Именно в отсутствие объекта пациент может извлечь пользу из того опыта, который он с ним пережил. Это можно сформулировать и иначе: пересмотр внутренней жизни пациента предполагает, что у его Я также развиваются отношения с внешним объектом. Эти отношения имеют совершенно самостоятельное значение; нельзя понимать их исключительно как действия за пределами динамики, развертывающейся в рамках лечения. Иначе говоря, целесообразно признать, что у пациента — ребенка или взрослого — существует сфера инвестирования, в которой аналитик отсутствует. Отношения с внешним объектом не всегда опираются на отношения переноса. Важно, чтобы аналитик своей установкой показал пациенту, что он признает, что тот существует вне его, аналитика; в противном случае он будет напоминать мать, которая не может смириться с тем, что ее ребенок не является ее нарциссическим продолжением.

Потому что в этом и заключается недостаток слишком частых сеансов: внутренняя жизнь пациента может так его захватить, что нанесет ущерб его внешней жизни. Если аналитик — это фигура переноса, то в этом качестве он наделен способностью вносить изменения в связи, которые пациент устанавливает со своими внутренними объектами и в динамику, которая управляет отношениями между его первичным нарциссическим ядром и его *Я-реальностью*; кроме того, его работа должна ограничиваться рамкой сеансов. Если эта рамка слишком сильно захватывает внешнюю жизнь пациента, мы можем решить, что аналитик не учитывает необходимость того, чтобы пациент извлек пользу из сеансов, чтобы инвестироваться во внешний мир и в объекты, которые в нем существуют.

Анализ, будь то ребенка или взрослого, не является самоцелью.

Рассматривая два этих подхода к временной рамке сеанса, я бы сейчас сказала, что лечение желательно начинать, держа в голове концепцию, предложенную Э.Бик: именно она позволяет создать базовое единство одновременно и Я, и объекта, следуя простому ритмическому рисунку. После интроекции такого единства я бы вернулась к идее инкорпорации как контейнера, так и его функции. Именно в этот момент полезно увеличить число сеансов, если это возможно и для пациента, и для аналитика; если нет, то это мож-

47 *Bion W.R. Transformations.*

но отложить до момента, когда во внутренней и во внешней жизни сложатся условия для реализации этого проекта.

Сторонники рамки, которая с самого начала включает большое число сеансов, то есть по меньшей мере три сеанса в неделю, могут возразить, что пациент не произведет инвестирование переноса, если у него не будет именно такого числа сеансов, поскольку предложенный контейнер будет недостаточно последовательным, как будто именно размеры контейнера говорят о внимании, которое аналитик уделяет своему пациенту.

В какой-то мере это похоже на ячейки сети: недостаточное число еженедельных сеансов делает из аналитического контейнера слишком крупную сетку, так что Я проскальзывает через нее, потому что ему не за что ухватиться. Увеличить число сеансов — значит, сделать сетку плотнее. Однако при этом нельзя забывать, что Я пациента не пассивно и что когда пациент за нее хватается, интериоризируя саму текстуру этой сетки, именно качество узлов позволяет ему переходить от одного узла к другому. Иначе говоря, если регулярность ритма позволяет проявиться феномену контейнирования, нельзя забывать, что качество сетки не сводится только к плотному прилеганию ее ячеек, но также определяется качеством нити и умением вязать узлы.

Так, пустое присутствие некомпетентного аналитика может повторяться снова и снова, но сетки при этом образовываться не будет, тогда как регулярность заботливо завязанных узлов даст пациенту ощущение того, что его понимают. Сначала необходимо с известной гибкостью измерить во время сеансов точки контакта аналитика и его пациента таким образом, чтобы последний почувствовал себя «понятым» в двойном смысле слова и, выходя от аналитика по окончании сеанса, располагал двойным опытом: сначала переживанием полноты, которое дает уверенность в том, что аналитик искренне старался с ними идентифицироваться (независимо от того, помогло это прояснить его психическое состояние или нет), а затем переживанием неполноты, связанным с охватившими его самыми вопросами в ответ на вопросы, заданные аналитиком. Встреча аналитика с пациентом — взрослым или ребенком — это прежде всего встреча одного человека с другим. Игра переноса начинается именно с этого. Пациент ждет, чтобы его сначала поняли, прежде чем создавать вместе со своим аналитиком — как в театре — различные декорации для своей внутренней сцены. Мы увидим,

что он умеет почувствовать различные состояния контрпереноса у аналитика. Пока скажу, что с самого начала, с первой встречи пациент настойчиво пытается понять, достаточно ли надежна нить, затем сетка, которую ему дает тот, с кем он делится своей психической жизнью.

В приеме, который он оказывает пациенту, аналитик раскрывает не только свое функционирование и свои способности к идентификации, но также и свое подчинение законам времени и пространства, а вместе с ними и границам, которые проводятся между тем, что вовне, а что внутри Я. Благодаря умелой игре на гибкости своего приема, включая всю его интерпретативную работу, и прочности рамки, которая, однако, не является слишком жесткой, психоаналитик начинает контейнировать, удерживать своего пациента, который и сам начинает держаться за психоаналитика.

При образовании психотерапевтической рамки никогда нельзя забывать, что пациент точно так же волен ее принять, как аналитик волен показать ему, что не может работать в других условиях. Эта свобода, о которой я здесь напоминаю, есть прежде всего попытка сбалансировать обе позиции. Соблюдение этого баланса — предварительное условие создания рамки, а ее основой становится образование трехмерного пространства. Это видно в том сравнении контейнирования с сеткой, которое я здесь провожу: за узлом или связью, которая завязывается между пациентом и аналитиком во время встречи на сеансе, следует момент, когда настоящее становится прошлым и когда и тот, и другой волены забыть друг о друге и инвестироваться в другую часть своей жизни. Хватание за один единственный узел как за единственную часть жизни мешает при помощи трехмерного пространства отпустить этот первый узел и инвестироваться в следующий. Предлагая регулярный ритм сеансов, необходимо учитывать эту свободу.

Время сеанса устанавливается заранее, а его продолжительность составляет 45 минут. Пациент учится, как я уже подчеркивала, предвидеть окончание сеанса и соответствующим образом организовывать содержание; впрочем, часто он в самом начале преподносит нам в конденсированной форме, с трудом поддающейся расшифровке, то, о чем будет идти речь на сегодняшнем сеансе. Для нас это становится своего рода отправной точкой или ассоциативным якорем, на который мы будем внутренне ориентироваться, прежде чем займемся интерпретацией. Таким образом, фикси-

ванное время нам тоже помогает организовать время нашего понимания на сеансе; мы знаем, что пациент, соизмеряя свое время с нашим, будет иметь достаточно времени, чтобы произвести ассоциации, тогда как у нас будет достаточно времени продвинуться в нашем понимании материала. Интериоризация границы сеанса и его продолжительности образует своего рода упор, который позволяет смыслу проявиться в течение ограниченного промежутка времени.

Аналитик и пациент знают, что у них три четверти часа на то, чтобы сказанное было проинтерпретировано. Они также знают, что, если этого не произойдет сегодня, это может произойти в следующий раз, благодаря пониманию постфактум того, что разыгрывается в данный момент. Все выстраивается на основе этой временной разметки, и у нас порой вызывает удивление то, насколько дети, а иногда даже совсем маленькие дети, которые еще не разбираются, в том, который час, ощущают эту длительность и потому порой останавливаются именно тогда, когда истекают эти три четверти часа. Здесь мы также имеем пример ребенка, пришедшего к аналитику с опозданием: для него сеанс начался в назначенное время. Именно с этого момента он бессознательно начинает свой обратный отсчет. Через три четверти часа он заявляет аналитику, который, чтобы компенсировать опоздание, хотел задержать его подольше, что сеанс окончен!

Одинаковая продолжительность сеансов дублирует их ритм, внося свой вклад в образование аналитического контейнера.

Со своей стороны, аналитик должен быть готов принимать пациента в установленное время. Я уже говорила о причинах, по которым у меня нет приемной, в результате чего родители учатся приходить вовремя, чтобы привести и забрать детей. В этих условиях необходимо продемонстрировать пунктуальность, не показавшись слишком жесткой. Если мы ожидаем, что родитель придет за ребенком в 11.45, например, нужно смириться с тем, что он может прийти за ним в 11.50. Но если он опоздает, к примеру, на 10 минут, мы можем своим отношением дать понять, что и мы, и ребенок ждем его слишком долго. За это время ребенок понимает, что мы не бросаем его сразу же после сеанса, что мы можем объяснить родителям во время бесед, которые мы с ними проводим. Если необходимо что-то решить с ним вне этих бесед, можно быстро попросить позвонить нам вечером. Нежелательно заставлять ребенка сидеть после сеанса, пока мы решаем разные проблемы, например, назначаем

встречи или справляемся о событиях внешней жизни. Ребенок почувствуют, что мы не понимаем или не считаемся с его потребностью снова вернуться к матери или отцу или даже к своей игрушке после фрустрации, вызванной окончанием сеанса. Позволительно, чтобы в этот момент родитель принес ребенку какое-то лакомство, которое компенсировало бы его фрустрацию, часто испытываемую на оральном уровне.

Перерыв на четверть часа, который аналитик дает себе после каждого пациента, также предназначен для того, чтобы навести порядок в кабинете. Если он принимает детей одного за другим, он также должен заменить игровой материал. Если он после ребенка принимает взрослого, он должен убрать материалы, предназначенные для детей. Я еще вернусь к этому далее и объясню, почему, как мне кажется, не стоит иметь отдельного кабинета для детей.

Итак, во время этой важной четверти часа аналитик может мысленно попрощаться со своим предыдущим пациентом и подготовиться к следующему.

Всегда есть проблема записи происходящего на сеансе. Все аналитики знают, что невозможно записать все происходящее. Это и невозможно, и нежелательно, потому что тогда аналитик бы работал записывающим устройством, то есть не имел бы возможности думать.

Разве Бион не рекомендовал нам не иметь во время сеанса «ни памяти, ни желаний, ни понимания»⁴⁸? Если наша психическая активность во время сеанса будет целиком занята запоминанием всего, что мы замечаем, мы больше не сможем ни мыслить, ни сами производить свободные ассоциации, еще меньше замечать, что происходит в нас и в самом пациенте. Если во время сеанса мы будем думать о том, что же мы запишем после него, эта мысль поселится в нашем мозгу как паразит. Короче, мы должны чувствовать, что мы вполне вправе обо всем забыть, и заметки после сеанса — это только подмога для памяти, отправная точка, которая может понадобиться для наших размышлений. Главное — вспомнить сеанс несколько часов или несколько дней спустя — на следующее утро или на утро следующего сеанса, до начала работы с пациентами — для того, чтобы поразмышлять, воспользовавшись отстранением, которое нам дает работа бессознательного, о том, что вошло в нас во

48 *Bion W.R. L'attention et l'interprétation. Trad. J. Kalmanovitch. Paris: Payot, 1974.*

время сеанса. Речь не идет о том, чтобы вспомнить сеанс, как вспоминают заученный урок с тем, чтобы его не забыть, потому что память действующего аналитика работает только путем ассоциаций. Она, таким образом, подчиняется иным законам, нежели память, занятая накапливанием воспоминаний.

Бион не советует нам «понимать» во время сеанса, и, тем не менее, я думаю, что эта дистанция позволяет нам лучше освоить новый материал. Я полагаю, что речь идет о том, чтобы не пытаться сознательно понять, как будто нас мучает потребность придать смысл происходящему; этот смысл появится сам, как только мы будем готовы позволить ему появиться. Всегда нужно время. Сколько аналитиков начинало понимать смысл какого-то поведения через несколько сеансов, если даже не месяцев, после того, как оно проявилось? Может быть, именно в этом момент аналитик и пациент будут готовы о нем поговорить.

Так создается интерпретация, поскольку в ней смешивается смысл, извлеченный из наблюдаемого материала, который аналитик должен произвести и сообщить пациенту, и игра переноса и контрпереноса, заставляющая аналитика проявлять свои способности к контейнированию. Он может не понять произошедшее на сеансе или в силу своих внутренних причин, или потому что пациент запрещает ему это сделать или по обоим причинам. Именно развитие игры переноса и контрпереноса во времени позволяет, как мне говорила Эстер Бик, проявиться пониманию подобно тому, как «из тьмы возникает свет».

Мы можем заметить, что размышления о временной рамке приводят нас к необходимости не спешить. Они также указывают на необходимость уважать время эволюции пациента и, через детали материального порядка, уважать потребность ребенка в контейнировании. Это объясняет, почему жестоко заставлять его ждать после сеанса в одиночестве. Нужно, чтобы был родитель — или взрослый, который встречал бы его после сеанса. Не учитывать этого — значит обращаться с ребенком как со взрослым и не понимать его. Мы видели, что дело не в том, чтобы позволить ему уклониться от испытания ожиданием: думать о временной рамке сеанса — значит думать о том, чтобы организовать для ребенка терпимый опыт ожидания, который в таком виде будет повторяться в рамках самого сеанса. Только благодаря такому ожиданию, как мы видели, объект может быть интериоризован. Из этого вытекает надежность

интроективных идентификаций и возможность помыслить траур с его созидательными аспектами.

А теперь обратимся к пространственному аспекту рамки.

С.2 Пространственная рамка

Мы шаг за шагом проследим за ребенком, приходящим в сопровождении родителя, с момента, когда они звонят в дверь и вплоть до их ухода.

Поскольку у меня нет приемной, я прошу родителей приходить вовремя, чтобы сеанс не укорачивался, так как, во сколько бы не пришел ребенок, уйти он должен в одно и то же время. Я встречаю ребенка и жму ему руку, говорю «Здравствуй». Нужно, чтобы он ответил на мое приветствие, потому что признание внешнего характера аналитика и фантазматического характера всего того, что происходит во время сеанса, отмечено этим символом приветствия в момент, когда ребенок приходит и когда уходит. Есть дети, которые отказываются здороваться или прощаться, дуются или сразу же бегут в игровую комнату. Лучше не допускать такого поведения, даже если в начале лечения ребенок неохотно подчиняется этому ритуалу. Я всегда стараюсь внушить ребенку чувство того, что это я решаю, когда идти в игровую и когда оттуда уходить. Но так собственно и маркируется реальность объектов на уровне границ, которые ребенок не может переходить без моего разрешения, он не может вести себя так, как будто реальность объектов прозрачна.

Как только мы друг с другом поздоровались, а сопровождавший его взрослый ушел, я веду ребенка в игровую комнату. Он может идти впереди меня, но так, чтобы все равно чувствовалось, что это я его туда веду, чтобы у него не было иллюзии, что он — хозяин положения и может меня туда впустить или нет. По сути дела особенности этого поведения отсылают нас к тому, как аналитик показывает ребенку, что он — живой человек, а не вещь, которой можно распоряжаться по своему усмотрению, не соблюдая границ, которые устанавливает живое существо. Объясню: если мы позволим ребенку войти в игровую и он бросится к своим игрушкам, оставив нас на пороге — или даже закрыв у нас перед носом дверь — мы имеем дело с отыгрыванием; тот, кто не может установить для ребенка границ, — соучастник его отыгрывания. В этой ситуации маленький пациент не только дает понять аналитику, что он его контро-

лирует, но превращает его в одну из материальных вещей, которыми он, ребенок, владеет. Вместо того, чтобы обратить внимание на присутствие аналитика, ребенок занят только своими игрушками, карандашами и рисунками. Он не услышит не голоса аналитика, ни почувствует его мыслей, но будет видеть только стены его комнаты, окно, ковер, его стул и стол. Ребенка интересует только материальные элементы, которые замещают тело аналитика. Так он сохраняет иллюзию своего абсолютного контроля над ним; если он узнает, что какой-то элемент обстановки изменен, например, опущена штора, так что свет изменился, или какой-то предмет мебели слегка передвинут, эта маленькая деталь, которой он придает большое значение, отсылает его к живой стороне объекта, который двигался в его отсутствие: живой объект не стоит на месте, в нем живут другие объекты — подобно тому, как в матери живет ее муж, ее дети — нарушающие порядок, который он хотел бы им навязать. Способность аналитика как объекта приходить и уходить, сама его способность думать указывают на то, что он — не пустой объект и что внутри него завязываются живые связи, трансформирующие его. Ребенок должен это осознать с того момента, как аналитик задает ему пространственно-временную рамку.

Я упомянула ребенка, которые бежит в игровую и захлопывает дверь перед носом у аналитика. Что делает этот ребенок? Какую роль он играет и какую роль следует играть его аналитику? Ясно, что через проективную идентификацию он ставит аналитика в то положение, в котором находится сам, как он это чувствует: аналитик стоит в дверях, а он ведет себя по-хозяйски. Можно даже подумать, что ребенок играет роль отца, который выставляет его за дверь, мешая аналитику к себе зайти. Не является ли проекция в данном случае первой попыткой преодолеть убежденность в том, что игровая комната, равно как и сам аналитик, находятся во власти ребенка? Боязнь их потерять, если их захватит другой, проецируется на аналитика, который совершенно оправданно чувствует, что его место заняли. Но это оправданное чувство аналитика согласуется с иллюзией ребенка. Все зависит от того, на какую точку зрения встать: хотя аналитик знает, что это его кабинет, ребенок тоже убежден, что он принадлежит ему. Хотя отец знает, что мать — его жена, мы можем сказать, что маленький мальчик, охваченный эдипальной страстью, точно так же уверен, что она принадлежит ему. Когда аналитик задает рамку как указание на границу между вну-

тренним и внешним и между иллюзией и реальностью, он помогает ребенку сформировать у себя это различие.

Мы увидим, что эта рамка необходима, как на уровне своего временного, так и пространственного выражения: это то самое столкновение с границей, то самое третье измерение, которое поддерживает разделение двух уровней сосуществования — элементов пространства и времени, гарантируя возникновение игры, возвратно-поступательное движение проекции, конфликта, а значит в будущем и мысли. Это свободная циркуляция из одной точки пространства и времени в другую укореняется в реальности только при условии соблюдения первого из ее законов, который запрещает нам сводить пространство и время к нулевой точке их существования.

Эти размышления могут показаться слишком далекими от практики детской терапии. Это не так. Даже самые маленькие дети в курсе того, о чем я здесь говорю, потому ничто не волнует их так сильно, как их включенность во время и в пространство.

Часто говорят, что младенцы — прирожденные философы, и наблюдение за ними это подтверждает. Они не пишут философских трактатов, но именно их жесты и выражения лица, являющиеся отыгрываемыми мыслями, внушают философам идеи. Если вы будете наблюдать, как совсем маленький ребенок переходит из положения лежа в положение сидя, вы станете свидетелем всех его проб и ошибок, тех связей, которые он должен установить между различными ракурсами одного и того же объекта: например, потолок, когда он лежит, находится у него перед глазами, а когда сидит, оказывается за головой. Свет лампы, который был так ему знаком в одном ракурсе, должен заставить его задуматься, будучи увиден с другого ракурса. Так, посредством игры своего тела ребенок адаптируется к реальности объекта или к реальности, которую он не может свети к всемогуществу своей мысли. То же самое относится к адаптации ребенка к временной оси: нить времени, разматывающаяся у него внутри, может быть сведена к нулю, если материнская грудь появляется всегда в одно и то же время, с регулярностью неодушевленного объекта. Это закон разделения психической и телесной организации, позволяя матери проявлять определенную пунктуальность, в то же время требует от ребенка встретиться с различием. Первичное нарциссическое ядро видит в этой встрече насилие, которое в первую очередь обращается на материнский объект. Аналитик ребенка должен взять на себя задачу поставить ребенка лицом

к лицу с этим насилием, в противном случае он будет вести себя как некоторые отцы и матери, которые вступают в сговор с нарциссизмом ребенка и поэтому мешают ему адаптироваться к реальности.

Те, кого называли грубым термином «психотизирующие родители», укрепляют иллюзию того, что можно забыть трехмерное пространство и время ради сговора с первичным нарциссизмом. Эти родители забывают, что должны внушить ребенку «рамку» своей взрослой жизни. Только внутри этой рамки может развиваться их любовь к нему, а также весь набор идентификаций, позволяющий им его понимать.

Аналитик попадает в такое же положение, когда с момента установки рамки сеансов он должен дать понять ребенку, что лучше он будет терпеть его насилие, насилие больного ребенка, который так или иначе не смог приспособиться к реальности объектов, чем войти в сговор с его нарциссической иллюзией. Работа контрпереноса у аналитика осложняется тем, что ребенок будет всеми силами пытаться уничтожить рамку, либо путем прямых атак, как мы это увидим далее, либо более изощренными способами, заставляя аналитика выйти из своей роли, чтобы сыграть роль плохого или хорошего объекта в реальности. В любом случае аналитик выйдет за пределы своей функции, он выведен, как мы часто говорим, «из себя».

а. Кабинет

Мы с тем же успехом можем назвать его «игровой комнатой». Что касается меня, то я с легкостью превращаю мой кабинет в игровую. Я никогда не думала о том, чтобы иметь игровую комнату отдельно от кабинета, в котором можно было бы принимать родителей детей или взрослых пациентов. Мы еще увидим, что через эти детали материальной рамки, предложенной ребенку, разыгрываются важные вопросы, касающиеся внутренней рамки самого аналитика.

У меня вошло в привычку с легкостью трансформировать кабинет в игровую комнату. Как? Достаточно иметь пару стульев, чья высота соответствует росту ребенка, и такой же стол. Затем нужно чем-то накрыть этот стол, чтобы ребенок его не испачкал или не поцарапал во время игры. Если нужно, я также застилаю кушетку тканью, которая позволяет разложить на ней игрушки.

Кабинет должен быть ни слишком маленьким, иначе не получится выделить для ребенка пространство, отличное от пространства

взрослых, ни слишком большим, иначе это пространство не будет в достаточной мере «обрамлять» ребенка; он должен иметь возможность двигаться, свободно бродить по кабинету, но при этом не слишком удаляться из поля зрения взрослого.

Я расставляю мебель, предназначенную для ребенка, таким образом, чтобы он чувствовал, что находится близко ко мне, будучи в то же время полностью от меня независимым. Он как у себя дома, будучи при этом у меня дома, и он это чувствует — как говорил Винникотт — «в одиночестве рядом с другим человеком». Тем не менее, все зависит не только от расстановки мебели, а лучше всего разделение устанавливается у нас в голове.

Есть дети, которые вызывают у нас ощущение, что мы находимся в чужом месте, не у себя. Я вспоминаю психотическую и маниакальную девочку, которая открыто заявляла: «Я здесь у себя дома!». Но это не то «у нее», которое давало мне возможность принимать ее у меня так, чтобы она чувствовала себя «как у себя дома», это такое «у нее», которое означало, что я вышла «из моего дома». Это имело некоторые последствия для контрпереноса. Я также чувствовала, что я «вне себя», что характерно для контрпереноса, когда мы имеем дело с маниакальными защитами. Мы больше не владеем собой или, по крайней мере, нам оказывается очень трудно сохранять самообладание. Ребенок проник к нам внутрь и расположился там, как у себя дома, уничтожив барьер, разделяющий идентичности. Поэтому я всегда советую, как только мы поняли из анализа контрпереноса, что имеем дело с маниакальным ребенком, взять установку на нейтральность, следящую за тем, что никто не нарушает границ.

Необязательно убирать все из кабинета, когда принимаешь детей, чтобы им на глаза не попалось ничего, что могло бы увеличивать число наших запретов, но при этом все равно не стоит умножать соблазны. Поэтому, хотя мы и оставляем безделушки на полках, оставляем телефон или клавиатуру компьютера у них под рукой, другие предметы, которые носят опасный характер, такие как острые ножницы, иногда степлер, мы оставляем, только если хотим, чтобы они с ними взаимодействовали.

В противном случае мы будем вести себя как матери, которые раскидывают по дому опасные предметы, чтобы убедить детей никуда от них не отходить. Они ведут себя таким образом по разным причинам; либо они хотят, скорее бессознательно, чем сознательно,

будем надеяться, показать детям, что мир — опасное место, заставив их пережить неприятный опыт; или же они окружают ребенка своим страхом, что он может пораниться об эти предметы, при этом ребенок, точно так же, как они, возможно, скорее сознательно, чем бессознательно, игнорирует действие, в результате которого эти предметы здесь оказались. Это жесткое, но верное сравнение: от ребенка можно что-то потребовать только при условии, что мы можем дать ему понять, что мы его понимаем и контейнируем.

Если я запрещаю ребенку открывать мои ящики, в которых находятся личные вещи или вещи, принадлежащие другим детям, я не запрещаю ему нечто опасное. Я заставляю его соблюдать закон: закон разделения личных пространств. Свобода одного, как принято говорить, заканчивается там, где начинается свобода другого. Тем не менее в игровой комнате всегда найдутся опасные предметы, и мы должны налагать запреты, чтобы уберечь ребенка: он не должен трогать электричество, он может вырвать розетку, даже если мы предварительно ее закрыли, не должен открывать окно и пытаться из него вылезти, не должен залезать на шкафы, чтобы не упасть с них и т.д. Ниже я вернусь к этим вопросам, когда буду говорить о возможных атаках ребенка на рамку.

Поскольку рамка является фиксированным пространственно-временным элементом, необходимо задуматься об устойчивости ее состояния.

Кабинет аналитика должен оставаться в одном и том же месте в течение какого-то периода времени. Если аналитику необходимо переехать, внутри одного и того же дома или в другое место, он должен подготовить к этому пациента, зная, что тот установил связь не только с самим кабинетом, но и с маршрутом, которым он до него добирался. Эта связь часто не попадет в анализ, но она отражается в различных элементах материала, который приносит пациент. Она появляется в снах, в рисунках: ребенок представляет этаж, лифт или лестницу, двери соседних квартир. Сюда также относится соседнее кафе, куда пациент заходит до или после сеанса, или магазин, в который мать отводит ребенка, чтобы купить книжку; поездка на метро или на автобусе туда и обратно. Все эти элементы образуют ауру, которая окружает сам кабинет. Так для совсем маленького ребенка совокупность материальных элементов его комнаты, затем его дома становится частью присутствия его матери, а точнее, контакта с ее телом.

Иногда аналитик может дать ребенку дополнительный сеанс только в другом кабинете, даже в другом городе. Я полагаю, что в этом нет ничего невозможного, если только устанавливается определенная регулярность; я предпочитаю это решение для сохранения стабильности рамки беспорядочным перемещениям из одного кабинета в другой, тем более что фиксированность рамки должна быть в конечном счете интериоризирована и забыта. Эта фиксированность прежде всего состоит из постоянной связи между пространством и временем: предположим, что у ребенка два сеанса в неделю, например, в понедельник и в пятницу, тогда предпочтительнее, чтобы сеанс в понедельник проходил в одном месте, а в пятницу — в другом, вместо того, чтобы проводить первый сеанс на неделе то в одном, то в другом месте, даже если это регулярная перемена. Нужно, чтобы у ребенка возникла постоянная ассоциация понедельника с одним местом, а пятницы — с другим, если оба его сеанса не могут проходить в одном и том же месте. Это дает нам представление о пространстве и времени: эти измерения так тесно связаны друг с другом, что движение в одном измерении может быть аннулировано движением в другом. Так, переживание утраты, ассоциирующееся с изменением места проведения сеанса в понедельник, может быть приглушено, или даже совсем снято, тем, что день и час сеанса совершенно не изменились и не изменятся. Переход из одного кабинета в другой, таким образом, никак не затрагивают веру в постоянство рамки.

Это учит нас тому, что один из моментов управления изменениями — сохранение фиксированной точки, при том что все остальное может меняться; если все начнет двигаться одновременно, ребенок ничего не узнает.

Когда его подготавливают, предупреждая об изменении рамки, ему также позволяют зафиксировать в памяти предшествующую рамку, чтобы мысленно с нею попрощаться. То же самое касается и изменений в обстановке кабинета. Речь, конечно же, не о мелких элементах обстановки (например, новой книге в библиотеке или новой папке у нас на столе), но о важных элементах, которые занимают общее для аналитика и пациента пространство, например, новый предмет мебели, новая лампа, ковер. Ковер особенно важен, потому что это элемент интерьера, на который опираются ноги пациента.

Я вспоминаю о маленькой пациентке, которая, когда в моем кабинете без предупреждения сменили напольное покрытие, была так ошарашена, что шла по нему, переставляя ноги так осторожно, как будто пол мог начать двигаться. Можно понять, что у этого ребенка, чья мать обладала в высшей степени нестабильной психикой, напольное покрытие отсылало к способности матери держать своего ребенка физически на коленях и психически в своей голове. Хотя девочка доверяла моей рамке, потому что она оставалась неизменной, в тот момент, когда она вдруг изменилась, хрупкость ее интериоризации привела к катастрофе: опора на пол и одновременно опора на мою способность о ней заботиться были поставлены под сомнение. Я внезапно превратилась в нестабильную мать.

Мне также вспоминаются взрослые пациенты, благодарившие меня за то, что я их предупредила о появлении в кабинете нового массивного предмета мебели. Так они поняли, что моя внешняя жизнь не мешала мне идентифицироваться с наиболее инфантильными аспектами их личности: теми, которые больше всего страшит такой важный аспект внешней реальности, как ее готовность к бесконечному изменению. Моя способность представить эмоциональное воздействие этих перемен дала им возможность их выдержать. Когда аналитик оставляет пациента один на один с изменением рамки, не предупредив о нем заранее, он показывает ему, насколько он, аналитик, отрезан от пациента и насколько не понимает, что рамка является носителем наиболее примитивных аспектов психики.

В случае самых маленьких детей одежда, которую носит аналитик, тоже является частью рамки. Когда я работала в яслях с детьми, которым было два года или даже годик, я всегда одевалась одинаково. Меня никто не заставлял каждое утро одеваться в одну и ту же форму. Достаточно было, придя в ясли, надеть одну и ту же блузку и те же туфли. То есть я одевала свою «детскую форму», которую потом снимала, когда шла заниматься другими пациентами. Более взрослым детям я демонстрировала трансформации моей внешней жизни без предупреждения, в отличие от того, что происходило в рамке комнаты.

Благодаря рамке, предложенной аналитиком, маленький ребенок сильнее чувствует необходимость проверить, что постоянство его внутренней реальности и идентичности может опереться на его внешний объект. Ребенок постарше оставляет больше места для

игры трансформаций своего внешнего объекта, не подвергая сомнению стабильность внутреннего объекта и, как следствие, своего Я. Это не значит, что мы не должны учитывать более примитивные уровни психики ребенка постарше или хрупкость больного ребенка, однако, не переоценивая способность ребенка к адаптации, мы можем предположить, что его связь с внешним объектом, а, следовательно, и с нами, не нарушится просто из-за трансформации нашей одежды. Для совсем маленького ребенка, у которого пока еще преобладают связи с поверхностью вещей, эта видимость сильнее опирается на элементы рамки, которые не меняются.

Аналитический контейнер, который мы строим, устанавливая фиксированную рамку, пространственную и временную, может показаться, с точки зрения внешней реальности, искусственным элементом, но эта конструкция позволяет создать условия для совершенно естественного процесса интроекции так, как он складывается в повседневной жизни ребенка. Мы можем сравнить это с образованием внутреннего видения: аналитик должен для этого абстрагироваться от внешнего восприятия. Он должен на время забыть все то иррациональное, что есть в фантазмагорических высказываниях его пациента, чтобы добраться до той реальности, которая живет по законам, отличным от законов логики в отношениях с внешним объектом. Так, в кабинете аналитика, самой настоящей камере обскуре, лаборатории бессознательного, выходит наружу то, что скрывалось внутри.

Эта рамка, постоянство которой мы считаем необходимым поддерживать, не должна парализовать психическую жизнь. Ее цель именно в том, чтобы дать последней развернуться; обратное крайне нежелательно: пациент не служит рамке, равно как не служит он и для разработки аналитической теории. Это рамка служит пациенту для того, чтобы эволюционировала его внутренняя жизнь. Наше теоретическое осмысление, которое держится на заднем плане, всегда готово пойти по новому пути, который нам открывает пациент. Только так оно может обогатиться.

Это размышление подводит к различию, которое нужно установить между внешней рамкой — совокупностью элементов, которые я здесь описываю — и внутренней рамкой, которая образуется у аналитика путем интериоризации не только всей этой совокупности элементов, но и их истока, гибкости функции третьего, которая позволяет не застрять или не потеряться в деталях, которые

составляют рамку, но сохранить основную линию и следовать ей. Именно внутри себя мы, аналитики, должны понять, не пытается ли ребенок, всегда находящийся на грани между игрой и отыгрыванием, нарушить нашу внутреннюю рамку, не покушаясь при этом на внешнюю; или же наоборот, не затрагивая внутреннюю рамку, он испытывает на прочность нашу внешнюю рамку с такой силой, что мы не можем его контейнировать. Только такой ценой ребенок может интериоризировать нашу способность его контейнировать и в дальнейшем усвоить требования, налагаемые рамкой.

На двух примерах я покажу, что я имею в виду под внутренней рамкой. Они напрямую связаны с реакцией контрпереноса; другие примеры я приведу дальше, когда буду обсуждать проблему атак на рамку.

В первом примере речь идет о ребенке 6-7 лет, посещавшем меня в кабинете, в центре которого стояло больше бамбуковое кресло, которое мог легко сдвинуть даже такой слабый ребенок, как он. Ему нравилось сбрасывать с него подушки, переворачивать на бок и залезать на него, балансируя, словно он акробат. Передо мной стояла следующая дилемма, которую я про себя сформулировала: если я попрошу его слезть с кресла и не подвергать себя опасности упасть, то сообщу ему о своем страхе, который он переживает как страх матери, разрешавшей ему играть только рядом с собой и никогда не позволявшей проявлять инициативу, которая могла бы столкнуть его лицом к лицу с внешней реальностью. Она воспринимала это столкновение как опасность. Страх ребенка пойти на риск или самому пережить опыт падения был дублирован, если не паразитически поглощен, страхом матери, что он может причинить себе боль и тем самым причинить боль ей. В этих условиях ребенок уже не мог понять, где чей страх, когда он подвергал себя опасности. То есть, он проверял мою способность оставить его один на один с его страхом и сдержат мой собственный. Кроме того, он проверял мою способность релятивизировать опасность, связанную с опытом падения, который он мог пережить. Где проходила граница между фантазиями его объекта и проверкой реальностью, учитывая что его мать вместо того, чтобы своим вмешательством указывать на реальность внешней опасности, демонстрировала только реальность внутренней опасности?

С другой стороны, если бы я ничего не сказала, ребенок не только мог испытать чувство, что я оставляю его один на один с опас-

ным опытом, но также решить, что я не осознаю опасности. Иногда случается, что больная мать, озабоченная только своим внутренним миром, видит опасность там, где ее на самом деле нет, и не видит опасности тогда, когда реальность действительно таит в себе угрозу. Я тоже должна была «балансировать», учитывая всю совокупность этих факторов, и решила, что риск того, что ребенок ушибется, если упадет — весьма относительный, поскольку на полу был мягкий ковер, — меньше того вреда, который я ему нанесу, если буду бояться вместо него. Итак, я оставила место для его страха, не став добавлять к нему мой собственный, и тем самым оставила ребенку возможность развить внутри своего Я средства взаимодействия с реальностью падения, которой у него не было бы, если бы он внял увещаниям матери. В ходе всех этих акробатических трюков ребенок упал только один раз и даже не ушибся. На что он заметил: «Я рискнул!».

Я тоже рисковала из-за моих тревожений с контрпереносом, и мне пришлось апеллировать к тому, что я поняла из проекцией ребенка: я должна была позволить ему проверить, поддается ли контейнер проекции страхов. То есть я должна была вести себя как пол, которому все равно, упадет он или нет; только так он мог понять, что такой пол существует; внутри него до сих пор был только пол, уходящий из под ног, который на его внутреннюю дрожь отвечал своим собственным дрожанием. Таким образом, этот ребенок хотел нащупать границу между собой и своим объектом.

С другой стороны, мне вспоминается еще один ребенок, в случае которого я не смогла подвергнуть мой контрперенос испытанию рисками.

Целью отыгрывания этого ребенка также было испытать устойчивость моего контрпереноса и проверить, если внутри меня граница различения, которая позволяла бы разделить два важных элемента, составляющих эту проверку: что пытается сделать ребенок, прикасаясь к нашим границам — разрушить их или просто проверить на прочность? Далее мы изучим множество форм, которые принимают атаки на рамку, но уже сейчас я могу сказать, что порой нелегко провести демаркационную линию между двумя намерениями.

Ребенок, о котором я говорю, перверсивным образом играл на «искажении» этой линии.

У меня был деревянный домик для кукол, вытянутый вверх таким образом, что если его уронить, можно было, если не сломать его, то выдернуть крепления. Ребенок, глядя мне в глаза, играл на пределе: он наклонял домик так, что в последний момент мог бы его уронить. В то же время он наблюдал за тем, когда я замечу, что домик может упасть. Я могла бы, как в случае с предыдущим ребенком, дать домику упасть. Но в отличие от предыдущей ситуации, в которой риск для маленького пациента был невелик, домик мог бы разбиться вдребезги. Здесь были совершенно иные ставки. В данном случае ребенку было недостаточно проецировать свой страх на меня как на объект, чья функция его переносить. В ходе проективной идентификации он сам становился взрослым и ставил меня в положение ребенка, охваченного страхом. Эта проективная идентификация была столь сильной, что моя функция взрослого человека была полностью аннулирована: ребенок вел себя как объект, который испытывает садистское наслаждение от того страха, который провоцирует. Я заметила в моем контрпереносе страх, связанный с возбуждением, которое его охватывало. Была опасность того, что все границы будут нарушены, в результате чего объект окажется уничтоженным и его будет невозможно восстановить. Проверка рамки на прочность здесь проходит через атаку на объект, который в результате оказывается испорченным.

Точно так же, как раньше я позволяла ребенку видеть во мне достойный объект — то есть объект, способный воплотить в себе опорную рамку — который, несмотря на многочисленные провокации со стороны ребенка, занял позицию невмешательства, здесь я могла добиться этой цели только, заняв противоположную позицию, то есть вмешавшись: я потребовала от ребенка прекратить игры с домиком. Разумеется, прежде чем высказать этот запрет, я попросила его ни в коем случае не ронять домик, указав на то, что он рискует его разбить. Но это предупреждение только больше его раззадорило: ребенок приписал мне одну желанную функцию — защитить домик, тогда как он испытывал страшное возбуждение из-за обнаруженной мной с ним связи.

Мы можем понять это функционирование, если примем во внимание то, что извращение проективного процесса влечет за собой невозможность поддержания рамки, а следовательно невозможность поддержания хороших частей Я (тех, которые поддерживают неизвращенные отношения с объектом), в таком случае следу-

ет сразу же вмешаться и не отдавать рамку на откуп ребенку. Наше вмешательство при этом приобретает значение утверждения существования рамки в той мере, в которой оно не контролируется ребенком. Точно так же мы демонстрируем внешний характер нашего существования, противопоставляя его всемогуществу ребенка.

Такой ребенок испытывает большие проблемы с конструированием своего психического пространства, поскольку это искажение границы мешает произвести проверку реальностью, в результате чего эта реальность оказывается редуцированной к конкретным препятствиям, встающим перед ребенком: он должен удариться об стену, упасть на пол, удариться о мебель, чтобы почувствовать реальность трехмерного пространства, хотя он и отрицает третий элемент, образующий его фундамент.

Мы увидим, как внутреннее пространство ребенка начнет эволюционировать после усвоения рамки. Все выглядит так, как будто, возведя наружные стены обитаемого пространства, ребенок теперь может убирать внутренние стены и делить психическое пространство — по модели телесного пространства — на «внутри» и «снаружи», а затем и на отдельные части внутри них.

Д. Мелцер хорошо это демонстрирует, говоря о создании вертикальных и горизонтальных разделений, а затем о различении эrogenных зон⁴⁹. Мне вспоминает ребенок, который не мог начать играть до тех пор, пока не выстроит животных в очередь, напоминающую стену, которая постепенно начинала выглядеть как замкнутый круг. Затем он построил стены реального зоопарка, в котором эти звери жили в состоянии невинности до тех пор, пока не появились оральные влечения, вызвавшие конфликты, если не сказать распри. Тогда он стал строить внутренние перегородки, которые отделяли бы добычу от хищников. Наконец, однажды он построил отдельную комнату, в которой поместил сторожа. Появились посетители, сторож помогал защитить людей, которые слишком близко подходили к животным. Это появление человеческого начала в мире диких влечений — важный момент, поскольку он говорит о появлении Я, связывающего зарождающиеся влечения: хищник не бросается на ягненка не потому, что ему мешает стена, а потому что человеческий закон или запрет управляет отношениями между влечением и его удовлетворением. Именно в этот момент этот ребенок

⁴⁹ Meltzer D. Les structures sexuelles de la vie psychique. Trad. J. et Fl. Bégoïn. Paris: Payot, 1977.

стал задумываться о новом проекте, и, когда я его спросила, что это будет, он ответил: «уже не зоопарк, а дом».

На этом небольшом примере я хочу показать, как образование трехмерного психического пространства начинается с усвоения контейнирующих границ, которые переживаются очень телесно. Именно через артикуляцию этих границ может произойти мысль в полном смысле этого слова — в случае этого маленького мальчика человеческая.

Некоторые дети в буквальном смысле начинают строительство своего внутреннего дома с простого элемента, а затем это пространство усложняется и в него интегрируются различные функции, что создает репрезентацию дома со множеством комнат: кухня, чтобы есть, туалет, чтобы удалять отходы жизнедеятельности, спальня, чтобы спать, ванная, чтобы мыться, наконец гостиная и библиотека, чтобы думать.

Аналитик, работающий с детьми, имеет счастливую возможность своими глазами наблюдать, с конкретностью, которой не дает анализ взрослых, построение личности ребенка с ее трехмерной архитектурой. Аналитик знает, что благодаря его психическому функционированию, опираясь на прочность границ его психического контейнера, ребенок начинает создавать свой собственный контейнер все большей сложности. На этом уровне аналитик чувствует, что, при всех равных условиях, дает рождение необходимым основаниям психической жизни этого ребенка.

в. Игровой материал

Мы видели, что рамка является частью игры ребенка, потому что эта игра проходит именно внутри рамки; но эта рамка не является материалом для игры, потому что ребенок не может ею манипулировать и должен на нее опираться. Маленький пациент может, таким образом, прикасаться с ней, но не может ее трансформировать. Игровой материал в свою очередь находится в его полном распоряжении: он может вволю его трогать и трансформировать, потому что, поскольку он принадлежит ребенку, он становится материалом, при помощи которого он может выразить текучесть своих фантазий.

Содержимое его коробки с игрушками должно быть приспособлено к средствам выражения, которые имеются у ребенка. Важно, чтобы в его распоряжении были семьи: сначала набор персонажей

от бабушки и дедушки до внуков, включая родителей. Я также думаю, что если это единственный ребенок в семье, можно дать ему элементы, указывающие на фантазийное братство. У ребенка должно быть достаточно персонажей, чтобы создать вокруг семьи группу соседей и друзей.

Я вспоминаю девочку, которая таким образом показывала, как тесно жизнь семьи переплетается с групповыми аспектами и насколько для нее были важны отношения с соседями. Она также использовала детей разного размера, от младенца до ребенка постарше, чтобы показать разные стадии своего собственного развития.

Семьям животных необязательно быть такими же сложными. Можно иметь семью свиней с двумя-тремя поросятами, корову и быка с теленком, пару лошадей с жеребенком, птицу, собаку, кошку и уток. Список можно продолжить по желанию аналитика и в зависимости от размеров ящика с игрушками. Я добавляю к домашним животным еще и диких, что позволяет представить неприрученные влечения ребенка. Здесь тоже можно образовать семьи львов, тигров и крокодилов. Можно добавить какое-то животное с панцирем, например, черепаху, чтобы представить тенденции ребенка уходить в себя. В своем ящике он также найдет карандаши. Можно добавить маленькие дома, деревья, несколько барьеров, машинки, маленький столик, стулья и миниатюрную посуду. Это позволит создать сцену семейных игр и в то же время противопоставить ее дикой жизни.

Необходимо, чтобы этот игровой материал был индивидуальным и чтобы ребенок им ни с кем не делился. Важно, чтобы у него было чувство, что через его игрушки защищается приватный аспект его коммуникации. Мы уже видели, что ребенок переживает динамику своей внутренней сцены в совершенно конкретной форме. Если он узнает, что до какого-то элемента его игры дотрагивался, передвинул или даже испортил его кто-то другой, он перестает доверять своему аналитику; как можно доверять родителю, а именно как его представителя ребенок воспринимает аналитика, если тот позволил другому ребенку вторгнуться в его внутренний мир? Здесь не идет речи о том, чтобы научить ребенка делиться своим объектом, будь то материнским или отцовским, с другими. Его игровой материал существует не только во внешней действительности: он также отсылает к внутренней действительности, воплощением которой становится, и ребенку, манипулирующему своей куклой, например,

кажется, что он двигает свой внутренний объект, хотя он отнюдь не бредит и прекрасно знает, что это всего лишь кукла. Но инвестирование в игру и интерпретации аналитика отсылают его к внутренней сцене: поэтому маленькие персонажи или животные становятся частью этой сцены.

Мы можем делиться внешними объектами с другими, вне нас самих; но мы не можем поделиться с теми, кто является частью внешней реальности, нашими внутренними объектами. Ребенок не научится делиться с другими при помощи общего материала. Он сможет этому научиться только через эволюцию его игры с аналитиком, который сумел сохранить нетронутой частную жизнь ребенка так же, как сам ребенок должен был уважать частную жизнь своего аналитика и своих родителей. Любопытному маленькому пациенту, который хочет заглянуть в чужие ящики, если они попадают ему на глаза, что нежелательно, мы иногда говорим, что ни ему, ни другим не разрешается в них заглядывать; это еще один способ сказать, что «свобода одних заканчивается там, где начинается свобода других».

Есть, однако, такие игровые элементы, которые могут быть только общими, если они вообще используются. Это например кубики разного размера, позволяющие ребенку строить башни, кукольные дома, фигурки более крупных животных, чем те, что есть в его индивидуальном ящике. Можно задаться вопросом, а нужен ли такой материал в случае детей, которым индивидуального ящика с игрушками было бы вполне достаточно. Однако часто бывает так, что, когда ребенку предлагают больших животных и его индивидуальный ящик с более мелкими животными, он предпочитает играть с большими и забывает свой индивидуальный ящик с игрушками. Этот вопрос остается открытым. Я теперь, однако, предпочитаю ограничивать выбор ребенка его индивидуальными игрушками и не предлагать более привлекательный игровой материал, недостаток которого в том, что с ним играют все. Иначе обстоит дело с маленьким домом, впрочем, не таким уж и маленьким, размеры которого позволяют сделать из него объект, символизирующий реальный дом, и в который ребенок проникнуть не может.

Я вспоминаю детей, которым не удалось установить это символическое измерение игрушки, отсылающее к предметам обстановки или к реальности их повседневной жизни. Ребенок пытается усесться на стульчик размером с палец и опереться на мебель раз-

мером с руку. Или же пытается войти в домик, куда он может самое большее просунуть нос. Он хочет лечь в кровать, предназначенную для его куклы. Что происходит в этом случае? Мне кажется, что ребенок убрал или еще не выработал барьер, позволяющий ему отличать внешнюю реальность от внутренней: он видит снаружи то, что происходит у него внутри. Мы могли бы сравнить это со сном, в котором ребенок выходит из себя наружу подобно тому, как он попадает внутрь себя во сне, когда закрывает глаза. Можно сказать, что в этом случае ребенок играет с закрытыми глазами или видит сон с открытыми глазами, наяву. Реальность же будит его, когда он ударяется о стену домика, не умещаясь на стуле своей куклы. Этот шок заново помечает границы рамки, которая отделяет, как мы видели в случае рамки, установленной аналитиком, внутреннюю реальность от внешней.

Символический аспект материала, предложенного ребенку, возвращает нас к вопросу о том, не разумнее ли было бы предложить ребенку игровой материал, который образовывал бы свою собственную реальность. Я имею в виду телефон — отключенный, конечно — настоящие маленькие хижины, в которые ребенок мог бы залезать, машины, в которых он мог бы по-настоящему передвигаться, большие мягкие игрушки или больших кукол и т.д. Эти предметы могли бы быть прекрасными игрушками для его спальни дома, но в кабинете психоаналитика они не могут выполнить требуемую работу по символизации, вписанную в рамку психотерапии ребенка.

То же самое касается воды, которую дают ребенку. Если кажется, что ему полезно манипулировать разными контейнерами и переливать ее, ему можно дать миску и несколько маленьких кружек. Одна из этих кружек будет содержать совсем символическое количество воды, которое он сможет переливать из кружки в кружку, даже пить, если аналитик сочтет, что она не слишком грязная, или же брызгать ей себе на голову, что для ребенка является вполне конкретным способом освежить голову.

Граница — гарантия символического использования материала: поэтому нежелательно, чтобы у ребенка был неограниченный доступ к воде из-под крана, которую он мог бы лить, как ему вздумается, рискуя устроить потоп. Некоторые аналитики, ожидая, что граница сама возникнет изнутри ребенка, оказались по колено в воде, тогда как ребенок даже не собирался закрывать кран. Он, наоборот,

ждал, что аналитик закроет его сам и сможет противостоять «волне» (очень подходящий в данном случае термин) влечений, которая рискует захлестнуть его как вовне, так и внутри него.

Эта граница касается всего, что дают ребенку и чем он соответственно может злоупотребить. Я имею в виду бумагу для рисования. Аналитик не должен отдавать ребенку целый неисписанный блокнот. Я привыкла давать ребенку во время сеанса три листа бумаги. Некоторые дети с обсессивными наклонностями, если не истратят все три листа во время сеанса, складывают их в свою папку, чтобы иметь запас, и рассчитывают, что в следующий раз я дам им еще три листа. Я не поощряю это накопительство и даю ребенку бумагу, только если у него нет положенных трех листов на сеанс. Разумеется, мне приходилось давать больше трех листов бумаги детям, для которых важно очень много рисовать. Но я всегда старалась дать им понять, что мои запасы не безграничны и что им придется ждать, пока я их пополню к следующему сеансу.

Поскольку материал нужен для того, чтобы символическим образом выразить отношения с внутренним объектом, его нельзя ломать умышленно. Здесь аналитик снова должен наложить запрет и противопоставить твердость границы всемогуществу ребенка. Когда ребенок ломает предмет, он имеет склонность прятать его подальше в ящик, чтобы больше его не видеть. Этот объект может потом попасть на глаза ребенку, но он при этом будет вести себя так, как будто объект не сломан: после того, как атака на объект нанесла ущерб этому объекту, ребенку ничего не остается, как отрицать это или же признавать и пытаться починить свои объекты. Перед ним встает вопрос о том, можно ли починить объект, учитывая, что отношения с внешним объектом отсылают к отношениям с внутренним объектом. Аналитик должен вписывать ребенка в рамки и в достаточной мере его контейнировать, чтобы ребенок мог вынести свою деструктивность и чтобы она вообще была выносимой. Словам маленькую машину, находящуюся в его ящике с игрушками, ребенок видит не только испорченную игрушку, которую нужно починить; у него также есть острое ощущение того, что точно так же пострадал его внутренний объект. Помогая ребенку выразить его агрессию в отношении объекта таким образом, чтобы объект при этом не пострадал, аналитик прежде всего позволяет ребенку испытать чувство, что его деструктивность не является всемогущей и что вовне существует объект, который ограничивает ее действие.

Он также дает ему почувствовать, что такое отношение позволяет ему избегать непоправимого в собственном смысле слова.

В этой плавности перехода от внешнего к внутреннему и обратно — которая характерна для совсем маленьких — ребенок также чувствует, что объект снаружи сумел не поддаться его атакам: он сохранил жизнь и его можно починить. Если мы не помешаем маленькому пациенту умышленно разломать свой игровой материал, мы не дадим ему возможность приобщиться к процессу починки, потому что материал нельзя будет починить. Именно вера в возможность произвести починку позволяет перейти в депрессивную позицию: ребенок признает себя виновным в поломке объекта и видит возможность его восстановить, если не до первоначального состояния, то хотя бы до близкого к нему. Аналитик, запрещающий ребенку разбить и разломать свой ящик с игрушками, тем самым не дает ему прийти в отчаяние и остается объектом прочной идентификации.

Речь о том, чтобы отличать акт, который должен для ребенка выразить его агрессивность, от акта, который нацелен на то, чтобы уничтожить сами средства выражения и объекты, на которые они опираются.

Если ребенок просит у нас бумажную салфетку, а лучше, чтобы он ее у нас попросил, а не запустил руку в коробку и не брал столько, сколько захочет, мы смотрим, как он ею пользуется. Он может вытереть нос, и тогда салфетка служит ему контейнером, если не сказать грудью-туалетом, как это называл Д. Мелцер⁵⁰, то есть объектом, которым пользуются, не признавая за ним собственной ценности. Ребенок может также использовать ее иначе: он может разорвать ее на мелкие кусочки и раскидать их по полу. Затем он может попросить у нас вторую салфетку, третью и т.д. чтобы опять разорвать их в клочья. Мы не можем ему позволить извести таким образом все содержимое коробки с салфетками, нужно остановить его после двух-трех, чтобы придать смысл его разрушительности: выражает ли это разрывание в клочья его переживание переноса или же он, разозлившись на объект, хочет довести его до такого состояния и т.п.? Объект, который способен интерпретировать разрушительное действие, показывает, что его способность думать не была разрушена.

⁵⁰ Meltzer D. Le processus psychanalytique. Trad. J.Bégoïn. Paris: Payot, 1971.

Точно так же с целью ограничить деструктивность ребенка я имею привычку держать перед собой набор ластиков, который я ему даю, если он попросит. Это не всегда необходимо, и есть дети, которые не склонны разрушать материал, который может быть им полезен. Я также жду, что ребенок попросит меня поточить ему карандаш и не кладу точилку в ящик с игрушками; я часто сталкивалась с детьми, которые так увлекались заточкой карандашей, что от карандаша почти ничего не оставалось, тем самым они удовлетворяли свое интрузивное любопытство или примешивали к этому оральные и анальные влечения: в этом случае ребенок полностью захвачен наблюдением за тем, как лента опилок выползает из точилки. Другие хотели бы магическим образом оскотить своего отца, укоротив свой карандаш (представляющий его могущество). Легко ограничить эти отыгрышания, сохранив контроль за инструментами, которые их позволяют произвести.

Важно, чтобы аналитику было удобно в рамке и чтобы риск нанести себе вред был сведен к минимуму; так я не даю детям краски и воду, потому что порой есть опасность, или даже соблазн, испачкать красками стены, и эта опасность важнее, чем польза, которую можно извлечь из такого материала. Сеанс психотерапии — это не курс по самовыражению через рисунок! Важно то, что скрывается за рисунком ребенка, а не качество самого рисунка.

Иногда удобно дать ребенку пластилин, чтобы он вылепил в трехмерном виде, во всей конкретности, объекты, которые он с трудом может себе представить на бумаге в двух измерениях. Для некоторых детей этот материал бесполезен. Здесь тоже необходимо установить, полезен ли подобный материал для коммуникации с ребенком. Как я уже указывала, есть дети, которые будут использовать материал не для коммуникации, а с противоположной целью, то есть будут его портить. Когда таким детям дают пластилин, они могут измазать пол, залепить им ковер или даже начать бросать в стены шарики, скатанные из пластилина.

Если же ребенок может использовать пластилин с пользой, важно, чтобы он принадлежал только ему и чтобы больше им никто не пользовался, иначе ребенок испытает то самое чувство вторжения, о котором я говорила выше в связи с игровым материалом. Все материалы, которые могут использоваться и которые попадают к ребенку, должны быть строго личного пользования. Это касается и

пластилина, и карандашей: ребенок не должен замечать на них никаких следов, кроме своих собственных.

Я также даю всем маленьким пациентам папку для рисунков, в которой находятся только их собственные рисунки. Я хочу сказать, что я не кладу в папку посторонних вещей, кроме работ самого ребенка, поскольку его папка образует самую интимную часть его материала: эти листки — опора для его фантазий, они на них сфотографированы. Обычно прежде чем расстаться с ними, он их рассматривает, как будто прикидывая, сколько времени прошло с начала лечения, чтобы унести с собой воспоминание, которое останется с ним до следующего сеанса. Так, мы стараемся собрать все воспоминания, которые связаны у нас с тем или иным человеком, когда с ним расстанемся. Поэтому важно, чтобы в папке не оказалось записок, которые оставил себе в качестве напоминания аналитик, но только заметки, которые нужны как напоминание ребенку. Эти заметки он воспримет как вторжение в свое личное пространство, так как они говорят о захвате его собственного нарциссизма нарциссизмом другого человека. Таким образом, папка ребенка — закрытый мир, точно так же, как его комната или его постель. Нехорошо, например, если отец или мать оставляют в этом тайном саду свои собственные вещи.

На обороте рисунка мы записываем дату, когда он был сделан, чтобы можно было сориентироваться в потоке его произведений. Мы также указываем номер рисунка, если ребенок сделал их несколько. Все это обычно записывается в конце сеанса в его присутствии. Таким образом на следующем сеансе не будет неприятного сюрприза из-за того, что в его папку лазили и что-то в ней писали; ребенок воспринял бы это как вторжение. Я всегда пишу дату в одном и том же месте таким образом, чтобы, если маленький пациент сделал слишком запутанный рисунок, в котором позднее будет трудно разобраться, дата послужила хорошим ориентиром.

Если идти по порядку этих идей, встает вопрос о том, кому адресованы рисунки. Мы знаем, что ребенок рисует в рамках тех отношений, которые установились у него с его аналитиком, так же, как взрослый пациент видит сны для того, кто их анализирует, и в рамках отношений переноса, которые у него с ним установились. Но ребенок, «держа свой сон в руках», как говорится, может адресовать его кому-то еще, а не тому, кто стал его катализатором. Он может по разным причинам захотеть принести его своему родителю: что-

бы показать, что думал о нем и не бросил, пока родитель отлучился на время сеанса. Он может захотеть успокоить ревнивого родителя. Может захотеть показать, что ничего от него не скрывает, как если бы этот родитель не разрешал ему иметь свою собственную личную жизнь. Точно так же он может захотеть ему его показать, если это очень традиционный рисунок или если он считает его «красивым», чтобы продемонстрировать, что тоже умеет делать красивые вещи, и чтобы его не считали озорником, которого нужно все время одергивать.

Как правило я не разрешаю ребенку показывать рисунки родителям, чтобы причины тех желаний, о которых я говорила выше, анализировались, а не отыгрывались. Их нужно осмыслять, чтобы выявить фантазии, лежащие в их основе. Роль аналитика очень часто заключается в том, чтобы помешать отыгрыванию, чтобы вместо этого ребенок мог сыграть, а не отыграть желание. Так запрет, объявленный аналитиком, ставится на службу мысли и интерпретации.

Ребенок может захотеть унести рисунки домой, особенно в начале лечения. Это нежелательно, и очень часто он не понимает наш запрет. Но это важный момент: вместо того, чтобы научиться отделяться от аналитика, ребенок хочет унести частицу него с собой. Рисунок, который аналитик рассматривал, даже комментировал, который был сделан в его присутствии и еще «несет» на себе его взгляд, очень конкретно переживается как его часть. Удовлетворить это его желание — значит оказать ребенку медвежью услугу, потому что аналитик нужен именно для того, чтобы научить его переживать эмоциональное воздействие любого расставания Я со своим объектом. Если аналитик уступит желанию ребенку, тот может подумать, что он боится с ним расстаться и не разрешил эту проблему внутри себя. Он сразу же схватывает инфантильное удовлетворение, которое приносит взрослому уступка этому желанию ребенка. Заговор двоих — ключ к пониманию такого поведения. Кроме того, если аналитик не ответит ему отказом, ребенок сочтет, что тот боится эмоциональных реакций на отказ со стороны самого ребенка. Здесь мы снова касаемся инфантильного всемогущества аналитика, которое хочет уничтожить запрет: идентификация с взрослым, с внутренним отцом как носителем запрета слишком слаба, чтобы противостоять инфантильной ярости. Именно эту ярость аналитик приписывает сидящему перед ним ребенку, которому он под-

чиняется, чтобы его не захлестнули его собственные инфантильные аспекты. Закон, граница и все благотворные последствия поддержания рамки, о которых я говорила, внезапно оказываются отсеченными.

Другая проблема встает, когда ребенок хочет уничтожить свой рисунок. Следует или не следует ему это разрешать? Очевидно, что если у ребенка нет привычки уничтожать свои рисунки и если он хочет порвать то, что не хочет видеть, мы должны уважать его защиту. Если, например, он нарисовал чудовище, которое его пугает и которое мы мешаем ему уничтожить, ребенок может истолковать наши действия противоположным образом: если мы хотим ему показать, что это всего лишь репрезентация и что чудовище ненастоящее, что ему не нужно его уничтожать, ребенок, наоборот, может решить, что для нас так важен его рисунок, потому что реальный объект, и что, уничтожив рисунок, он уничтожит этот реальный объект. Если мы разрешаем ребенку уничтожать свои рисунки, то только при условии, что дадим ему понять, что это всего лишь репрезентация и что, разрушая ее, он не разрушает собственную способность к репрезентации.

Совсем иное дело, когда ребенок систематически уничтожает свои рисунки. Тогда у нас возникает ощущение, что он тем самым хочет уничтожить не отдельные репрезентации, но саму способность к символизации, выражение которой он находит в рисовании. На мой взгляд, первое время в этих случаях можно позволить ему это делать; только позднее стоит начать его останавливать. Тогда ребенок будет понимать, что на нас не подействовало его разрушительное отыгрывание, потому что мы какое-то время его терпели, и что сами мы не поддаемся духу разрушения, которому противостояем. Разве он не ожидает от нас, что мы займем эту позицию, чтобы защитить то в нем, что нацелено на символизацию посредством его отношений с объектом?

С этой точки зрения, аналитик, способный противостоять разрушительным порывам своего пациента, дает ему понять, что знает, что внутри него, пациента, сохранились здоровые части, которые могут стать его союзниками.

Я предпочитаю давать ребенку листы бумаги, которые он сможет складывать в свою папку, а не доску, поверхность которой можно вытирать.

В конце сеанса я предлагаю ребенку убрать свой игровой материал: я ставлю дату на его рисунки, как сказала, а также прошу ребенка уложить в ящик игрушки, которые порой разбросаны по комнате, таким образом, чтобы он оставил кабинет в том же состоянии, в котором он нашел его, придя на сеанс, или в котором увидит его, придя в следующий раз. На этом пункте нужно остановиться, потому что, например, Мелани Кляйн не требовала от ребенка убирать свой игровой материал, потому что считала, что так ребенок осознает способность аналитика убирать за ним, как это делает его мать⁵¹. Д. Мелцер предложил концепцию *грудь-туалета*, которая хорошо подходит к этому случаю, поскольку проявляется именно в этой ситуации⁵². Грудь-туалет соответствует функции матери, которая не только кормит своего ребенка, но и вычищает все, что может его запачкать или помешать ему. От концепции груди в толковании Мелани Кляйн⁵³ эту идею отличает непризнание этой функции ребенком. Грудь можно любить, ненавидеть, отвергать, желать и т.д., но она всегда признается ребенком в качестве объекта (частичного объекта). Грудь-туалет улетучивается из памяти ребенка, едва она выполнила свою функцию, поэтому он не испытывает никакой признательности за то, что для него сделали.

В этом отношении создавая у ребенка чувство, что мы здесь для того, чтобы успокоить его тревогу разными имеющимися у нас способами, тем не менее важно также не создать у него иллюзии, что он может обойтись без благодарности. Ребенок должен признавать, что объект ему помогает и работает для него. Он не должен думать, что если мать за ним убирает, то это потому ей нравится грязь. Он должен понять, что она делает это ради любви к нему и для того, чтобы он постепенно научился сам за собой ухаживать, идентифицировавшись с ее функций. Первое признание, о котором здесь идет речь, таким образом, — это признание детской беспомощности: малыш должен признавать, что он нуждается в помощи. Он должен смириться с признанием того, что его мать помогает ему удовлетворять его потребности и что без этого ему будет плохо. Признавая свою зависимость от материнского объекта или от взрослого, который за ним ухаживает, ребенок отходит от позиции, в которой он преворачивал роли и считал, что является нар-

51 Klein M. Essais de psychanalyse. Trad. fr. Paris: Payot, 1984.

52 Meltzer D. Op. cit.

53 Klein M. La psychanalyse des enfants. Trad. J.B. Boulanger. Paris: PUF, 1959.

циссическим центром мира объектов, зависящих от его прихотей. Чувствуя себя своего рода маленьким королем-солнцем, он питает иллюзию, что взрослый почитает за честь его обслуживать и что он источает испражнения как милость! У меня однажды был взрослый пациент, живший с этой иллюзией, запрятанной в глубине его *нарциссического Я*, и он мог презирать свою мать, потому что считал, что, когда он был маленьким, она убирала за ним ради своего удовольствия. Мы не можем отрицать, что некоторые матери особенно любят ухаживать за своим ребенком — не потому что он существует для них в качестве такового, а потому что замещает эротический объект. В этих случаях ребенку становится еще труднее выйти за пределы своего первичного нарциссического ядра.

Таким образом, важно, чтобы наш юный пациент сохранил чувство беспорядка и работы, дающей ему облегчение. Для этого он должен признать, что беспорядок идет от него, а не от его аналитика. Потому что очень часто, когда ребенок не хочет убирать за собой в игровой — или хочет делать это только вместе с аналитиком — он делает вид, что это не его беспорядок и не ему его убирать. Требуя убраться, аналитик возвращает ребенка к реальности: он может проецировать весь свой внутренний беспорядок конкретным образом на личность аналитика, представленную игровой комнатой, тем не менее, конец сеанса становится моментом истины, придающим статус фантазии всему тому, что там происходило. Ребенок на время утешается тем, что это его аналитик — грязный объект, тогда как он сам — большой человек, который подобными глупостями не занимается! Это он уходит в конце сеанса, хотя и во время, указанное аналитиком. Поэтому именно в этот момент, убираясь в игровой комнате, ребенок должен согласиться на интериоризацию функции аналитика. Тогда он извлекает пользу из работы, которую сделал для него аналитик за время его присутствия.

Аналитик может помочь совсем маленькому ребенку выполнить эту задачу; так, он может взять его за руку и подвести к тем местам комнаты, где валяются его игрушки. Тем самым он показывает, что помнит обо всем, что упало на землю, и что не бросает, не оставляет валяться на полу то, что ребенок очень часто считает аспектами самого себя. Сколько пациентов во время сеанса, роняя какой-то едва заметный предмет, отождествляли его с собственным Я, о котором взрослый забывает и которое он не собирается искать. В этих случаях я прошу ребенка, иногда даже во время сеанса, подобрать

упавший предмет. Это требование возникает в специфическом контексте, в котором ребенок пытается выбросить из головы некоторые вещи и приписывает такую же рассеянность мне. Чаще всего собирание разбросанных частей Я происходит в конце сеанса. Некоторые дети даже стараются забыть под кушеткой маленькую куклу, чтобы она там пролежала до следующего сеанса, смешавшись с нами в фантазии о слиянии, или они даже хотят воспользоваться ею как маленьким шпионом, чтобы контролировать нас и следить за тем, чем мы занимаемся после того, как «выставили их за дверь».

Что делать с ребенком, который отказывается убираться? Сейчас мы говорим о случае, в котором ребенок способен убираться, но претендует на независимость за счет аналитика, который дал пациенту себя контролировать. Мы можем сказать, что отказ пациента убираться свидетельствует о том, что он не знает матери, которая все за него убирает или которая сама занимается его внутренним беспорядком. В то же время мы можем себе представить полную противоположность: такой ребенок имел мать, которая выполняла за него все его функции, и он был совершенно не приучен к хотя бы минимальной самостоятельности. Два этих пункта парадоксальным образом сближаются в той мере, в которой мать не сумела занять правильную дистанцию по отношению к ребенку: либо она была слишком отдалена от него и никогда не давала ему возможности выдержать разделение; либо она была слишком к нему близка и никогда не разрешала ему пережить разделение и связанные с ним эмоции. В этом случае она не давала ему примера объекта, помогающего вытерпеть эти самые возможности, и не позволяла ему интроецировать этот объект.

Винникотт⁵⁴ выдвигал другую теорию: он считал, что ребенок нуждается в иллюзии того, что он — «творец мира». Эта иллюзия, необходимая для младенца, встречается и у детей, проходящих терапию. Она помогает человеку получить опыт подлинности всех отношений, которые он устанавливает с объектами, отсюда ее название — *истинное Я*.

Ложное Я обозначает состояние Я, которое было вынужденно слишком сильно или слишком рано приспособиться к окружающему миру. Винникотт также обращает наше внимание на тот факт, что

⁵⁴ Winnicott D.W. Objets transitionnels et phénomènes transitionnels // De la pédiatrie à la psychanalyse. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1969.

у младенца, а затем и у ребенка есть механизмы, позволяющие этой адаптации обогнать подлинность отношений.

Я только замечу, что у Винникотта есть тенденция ассоциировать адаптацию к внешнему миру (а следовательно, к факту того, что мать — это внешний объект, а не нарциссическое продолжение ребенка) с образованием *ложного Я* или защитных механизмов, которые с ним связаны. Тем самым, как мне кажется, он не затрагивает проблему установления связи с объектом в переживании разделения между Я и объектом. Этот опыт имеет место в начале жизни, когда он проживается, как нам показала Э.Бик⁵⁵, при помощи тех средств узнавания о собственном существовании, которыми располагает ребенок; когда он выходит из материнского лона, ему кажется, что он растекается в пространстве, и он устанавливает с материнским объектом свою первую «связь» — адгезивную. Он прижимается к матери и снова чувствует себя в безопасности. Только постепенно он учится переносить дистанцию, отделяющую Я от объекта, которая перерастает в трехмерное пространство.

Эти размышления будут то и дело возникать на протяжении всей книги, потому что невозможно говорить о технике, не затрагивая теоретические основы.

Когда я прошу ребенка убраться в комнате в конце сеанса, я намеренно веду себя как совершенно самостоятельный объект, чей нарциссизм потакал нарциссизму ребенка только во время сеанса. Только во время сеанса ребенок может вернуться к иллюзии того, что он является «творцом мира», в той мере, в которой аналитик потакает его фантазии, именно фантазии, а не чему-либо иному. На самом деле аналитик не выносит отыгрывания, и в разделе D мы увидим, как оно может разрушить терапевтическую рамку, когда нападению подвергается тот, кто создает пространство для осмысления. Аналитик допускает только игру, вербальную или нет. Эта установка на игру уже некоторым образом ограничивает всемогущество ребенка, которое Винникотт называет иллюзией творения. По моему мнению, две эти вещи следует различать в той мере, в которой первая отрицает существование объекта, а вторая о нем не ведает, потому что никогда его не знала. Таким образом, из этой дилеммы для мысли нет другого выхода, кроме как допустить, как это делаю я, что психика с самого начала жизни разделяется на две

⁵⁵ Bick E. L'expérience de la peau dans les relations objectales précoces // Revue belge de psychanalyse, 1982. №1. С. 73-76.

сферы, чье функционирование принципиально гетерогенно и в то же время взаимосвязано: *нарциссическое Я*, которое соответствует *истинному Я* у Винникотта, как я его понимаю, и *Я-реальность*, соответствующее тому, как его понимал Фрейд, то есть инстанция, образующаяся при установлении связи с реальностью сначала внешнего, а затем и внутреннего объекта. Возвращаясь к теме окончания сеанса, скажу, что в этих условиях последнее является доказательством реальности, проверке которой аналитик не боится подвергнуть ребенка, потому что считает, что тот и так с самого начала жизни подвергается ей. В этой мере он способен интуитивно узнать объект, который приходит ему на помощь и успокаивает его первые тревоги. Сеанс — не анклав первичного нарциссизма, и ребенок привносит, в форме игры или в форме, которую аналитик путем своих «грез» (Бюнгартен) трансформирует во внутреннюю игру, тревогу, которую он вынужден испытывать при каждом расставании, когда конец сеанса образует прототип лечебного процесса здесь и сейчас. Первичная нарциссическая иллюзия и детское всемогущество особенно активно стимулируются в конце сеанса, чтобы компенсировать страх расставания, но они присутствуют и во время сеанса.

В ходе лечения работа по соединению психики аналитика и психики ребенка подводит ребенка к функционированию *Я-реальности*. Аппелируя к *Я-реальности* ребенка в конце сеанса, аналитик имплицитно требует от него опереться на интроекцию его функции, чтобы он мог ею воспользоваться, когда за ним закроется дверь игровой комнаты.

Иначе говоря, аналитик просит его помнить о нем и о том, что он для него осмыслил.

Д. Атаки на кадр

Кадр — это то, что по определению остается стабильным и не может быть разрушено. Поддержание внешнего кадра испытывает на прочность внутренний кадр аналитика, как я уже говорила. Чтобы аналитик отдавал себе отчет в важности кадра для образования психики ребенка, он также должен соблюдать границу, устанавливаемую представителем родительского Сверх-Я. Именно этот гарант границы служит аналитику проводником в технических ухищрениях, к которым он должен прибегать, чтобы запретить или, наоборот, разрешить некоторые отыгрыши у ребенка.

Интуиция, позволяющая одновременно поддерживать гибкость и твердость, уходит корнями в установку межличностной границы, обладающей теми же качествами. Так эти связывания могут дать возможность лучше изучить средства, позволяющие сформировать у ребенка постоянство объекта, опираясь на установку аналитика во время сеанса.

Существует целый ряд нюансов, от того, что нельзя делать, но что позволяет ребенку почувствовать, что его понимают, до самого строгого и непреклонного запрета, без которого аналитик не сможет стать действенной фигурой для идентификации.

Однажды я очень пожалела о том, что запретила одному психическому ребенку показывать свои рисунки матери. Только позднее я поняла, что ребенок хотел, чтобы мать узнала о его способностях создавать красивые вещи. Он и сам удивился, что сумел нарисовать красивый рисунок, тогда как в семье он проявлял себя только со стороны, свидетельствовавшей о его внутреннем смятении. Он тогда еще не нашел другого способа показать своим родителям, что за неуправляемым ребенком, от которого все отказываются, скрывается другой ребенок, желавший исправить причиненный ущерб. При условии, что в присутствии аналитика он может войти в контакт с внутренним объектом, способным им заняться, этот ребенок мог продемонстрировать свое Я, способное любить. Но перерыв в сеансах лишил его возможности самостоятельно восстановить контакт со своим хорошим внутренним объектом. Тогда он почувствовал, что внутри него разыгралась эмоциональная буря, сносящая все на своем пути.

Можно подумать, что при помощи аналитической работы ребенок может научиться принимать разделение между тем, что у него внутри и что снаружи, и впоследствии проделать работу траура по фантазии о вездесущности своего внешнего объекта.

Фигуры могут быть самые разные, но все они будут исключениями из правила, которое позволяет различать внутреннее и внешнее, фантазию и реальность.

Важно, чтобы этот барьер между тем, что внутри и снаружи Я, поддерживался благодаря правилу, согласно которому ребенок не должен играть с телом аналитика.

Меня приглашали лечить совсем маленьких детей, почти младенцев. Им было от семи месяцев до двух лет. Ясно, что такие маленькие дети будут так или иначе дотрагиваться до аналитика: мы

относим их в игровую комнату, сажаем на пол, сами садимся рядом с ними. Младенец ползает вокруг наших ног, хватается за блузку, тянет за колье... Он интересуется, из чего сделаны колготки у нас на ногах, являются ли они нашей второй кожей? Он хочет взять в рот все, что на нас есть блестящего. И в этой близости нам приходится устанавливать границы. Вполне естественно, что если ребенок причинит себе боль, мы возьмем его на руки, чтобы утешить, чего мы никогда не сделаем с более взрослым ребенком. Ребенок, которому чуть больше года, попадая на лечение, очень близок к такому младенцу, который почувствовал бы себя покинутым, если бы не получал физического, а не только психического утешения.

Тем не менее мы должны чувствовать дистанцию между необходимой близостью и контактом, который направлен только на то, чтобы развивать его сенсорно-моторные реакции.

Мне вспоминается трехлетний ребенок, который уже вышел из возраста подобных успокоительных ласк, но требовал их не от матери, а от аналитика. Этот ребенок всегда хотел вернуться в регрессивное состояние: он подходил ко мне и вдруг начинал гладить мне живот, как делают мамы, чтобы пощекотать и развеселить своего ребенка. Он играл со мной таким образом не для того, чтобы я дала интерпретацию его игре. Он просто хотел, чтобы я посмеялась с ним вместе, а не подумала.

Прежде чем объяснить ему смысл его поведения, я попросила его воздержаться от этого жеста. Это важное техническое правило: когда ребенок нарушает запрет, его нужно сначала наказать — то есть помешать ему его нарушать — а затем дать ему интерпретацию.

Почему нужно поступать именно так?

Приведу пример девочки трех лет, у которой вошло в привычку делать «глупости» всякий раз, когда ее родителям нужно что-нибудь сделать наедине. Если мать закрывается в туалете, ребенок пытается залезть на этажерку или стаскивает книги с полки и устраивает беспорядок в книжном шкафу. Когда мать выходит из туалета и видит этот «бардак», она ворчит на ребенка, но в следующий раз все повторяется заново.

Однажды в самый разгар сеанса девочка попыталась «разыграть» ту же самую сцену со мной. Она спрашивает про туалет, чтобы пойти пописать. Она знает дорогу, и я ее провожаю, чтобы включить свет. Я оставляю ее, а потом слышу, что она тихонько меня зовет. Я не отвечаю, пока она не закончит свои дела и не вернется в игро-

вую. Тем временем, поскольку она оставила дверь туалета открытой, после небольшого затишья я слышу, что она разматывает рулон туалетной бумаги. Тогда я захожу в туалет и начинаю возмущаться: «Нельзя так делать! Ты прекрасно знаешь, что так делать нельзя! Надевай трусы и выходи!». Она быстро подчиняется, хотя и громко плачет при этом. Эта сцена произошла впервые, а сам ребенок начал ходить ко мне совсем недавно. По-видимому, она была потрясена, потому что я всегда разговаривала с ней очень ласково, даже тогда, когда она устраивала беспорядок в игровой, бросая игрушки на пол. Я решила дать ей это сделать один раз, потом второй, чтобы проанализировать, что она хотела заставить меня вытерпеть и чтобы не походить на мать, боящуюся ее внутреннего «бардака». В конце сеанса, несмотря на первый отказ, я взяла ее за руку и заставила прибраться в комнате перед уходом. За этим коротким моментом последовало сотрудничество: она принялась вместе со мной наводить порядок. Эта атака на границу, принявшая форму «бардака», указывала на слияние, из-за которого границы между Я и объектом были стёрты.

Во время сеанса, на котором произошел инцидент с «туалетом», эта девочка запустила механизм, точно так же направленный на смешение или переворачивание идентичностей: она должна была быть матерью, работающей в своем кабинете, тогда как я — ребенком, спящим рядом с ней. Эта проективная идентификация позволила ей фантастически спроецировать части себя внутрь меня таким образом, чтобы я стала ее ребенком, а она захватила мою идентичность. Но это была всего лишь проективная игра, тогда как то, что она устроила в туалете, уже было близко к попытке нарушить границы, установленные рамкой.

Мелани Кляйн⁵⁶ прозорливо заметила, что один из аспектов проективной идентификации состоит в том, чтобы получить возможность контролировать объект, вторгнувшись в него.

В данном случае эта девочка хотела нарушить границы моей рамки, чтобы заставить меня прийти к ней в тот момент, когда она чувствовала себя одинокой в туалете. Возможно, в своей фантазии она использовала мочу, чтобы проникнуть в меня и заставить меня прийти. В этой ситуации ее охватил страх остаться одной. Я бы даже сказала, что она все это устроила, чтобы изучить мою

⁵⁶ Klein M. Notes sur quelques mécanismes schizoïdes // *Développements de la psychanalyse*. Trad. W. Baranger. Paris: Payot, 1968.

реакцию. Достаточно ли было просто вежливо объяснить ей, что так поступать нельзя? Она это знала и цеплялась за родителей из-за страха остаться одной, из-за боязни, что потом она останется с «глупостью», которую ей придется исправлять. Эта девочка использовала мой туалет не только для того, чтобы я успокоила ее страхи. Она использовала его, чтобы меня контролировать и укрепиться в иллюзии, что таким образом она сможет избежать столкновения с потерей. Именно в тот момент, когда она воспользовалась моим кабинетом, как могла бы воспользоваться моим телом, она преступила границу. Она могла бы обыгрывать свою фантазию о вторжении внутри границ, которые позволяли ее анализировать, но она этого не сделала; поэтому я решила восстановить нарушенные границы, прибегнув к раздраженному тону. Мы не можем избавить ребенка от этих страданий, сравнимых с той болью, которую он испытывает, налетев с разбегу на стену. Ребенок хотел закрыть глаза на границу и вот результат — он упал.

Этот пример — прототип множества других ситуаций, и он может послужить отправной точкой для размышлений.

Мир между нами восстановился только тогда, когда я представила перед ребенком в этом новом свете — показав ей одну из моих сторон, о которой она не догадывалась, так как видела только мягкость, которая создавала впечатление безграничной уступчивости. Она взяла салфетку, которую я предложила ей попросить, вытерла нос. Постепенно наше словесное общение возобновилось, а вместе с ним и игра, которую оно вызывает. Она взяла пластиковое дерево, легкое как кружево, и назвала его «цветком». Под ним посадила «гориллу», с, как она подчеркнула, «красными глазами», и показала все это мне. Очевидно, что горилла могла навредить цветку, поэтому я интерпретировала ее как исток ее страхов: когда она не видит свою мать, она боится, что «папа-горилла» сделает больно «маме-цветку», и хочет поскорее убедиться, что это не так, позвав «маму-цветок» прийти к ней. Именно это она хотела сделать, позвав меня к себе в туалете.

Я не стала продолжать и интерпретировать ее фантазию о том, что «папа-горилла» с красными глазами, как она думала, мог использовать те же самые средства, что и она, чтобы забрать себе «маму-цветок», и что он мог сделать ей больно и «сорвать» при помощи своей мочи, подобно тому как сама девочка хотела «сорвать» рулон туалетной бумаги, размотав его. Эта интерпретация слишком длин-

на для маленького ребенка — и даже для взрослого. Но она может разворачиваться в несколько этапов. Однако, по моему мнению, интерпретация агрессивности пациента должна производиться только после того, как был контейнирован страх потерять свой объект. Это еще один пункт для размышлений об интерпретации.

Урок, который следует извлечь из этого небольшого примера: невозможно интерпретировать до тех пор, пока твердая установка аналитика не создала рамку; таким образом он дает понять ребенку, что цель его интерпретации не в том, чтобы восстановить рамку, и что последняя не зависит от прихотей ребенка. Таков предел интерпретации и даже мысли: она может располагаться только в пространстве и времени, которые являются первичной данностью, внутри которой развертывается наше существование.

Если бы я зашла в туалет и стала умолять ее понять, что она боится моего исчезновения — как исчезновения мочи — и что она использовала свою «глупость», чтобы заставить меня прийти, она бы, возможно, выслушала меня с интересом, приписав этому статус интересной истории, цель которой все равно просить ее прийти ко мне, потому что решение все равно остается за ней. Мы должны поставить ребенка — и сами встать перед фактом определенности границ, дав ему при этом понять, возможно, позднее, что у последних есть оправдание: они позволяют придать смысл опыту, который они контейнируют.

Выше я говорила о том, что тело аналитика является частью кадра, и что им нельзя манипулировать, как нельзя манипулировать кадром. Некоторые дети, маниакальные или психотические, стремятся дотронуться до тела аналитика, подвергнув его насилию. Мне вспоминается психотический ребенок, девочка, постоянно искавшая место, где я провожу границу; она вполне конкретно пыталась его захватить. Эта граница воспринималась как внутренний объект, совершенно недостижимый, и впоследствии она хотела вывести его из меня наружу. Она провоцировала меня и приходила в восторг, когда чувствовала, что ей удалось меня «вывести из себя». Когда я сидела в кресле, она подходила к нему на десять сантиметров, потом на пять, на два, пока не пересекала границу ручки кресла. После этого она принималась за мою одежду, шею и т.д. Если бы я ей поддалась, мне самой пришлось бы уйти, исчезнуть перед лицом всемогущества того, что внутри нее хотело сделать меня совершенно прозрачной.

Здесь хорошо видно, что мы имеем в виду под «двухмерностью»; всемогущество ее нарциссического ядра не могло смириться с существованием трехмерного объекта или пространства, внутри которого происходят скрытые движения. Она хотела все видеть и слышать. Везде пролезть. Любой тайный уголок, который она у меня подозревала, сводил ее с ума. Именно поэтому маниакальные дети говорят «Я знаю» еще до того, как поймут вопрос, который им задают, или сведения, которые им хотят дать. Они ничего не могут воспринять, потому что восприятие предполагает нехватку, которую нельзя заполнить самостоятельно. Здесь проходит граница первичного всемогущества.

Итак, проблема границы сопровождается двойным размышлением о запрете и в этом смысле смыкается с проблемой свободы. Кадр отсылает к функции третьего, которая сама является незримой. В этом смысле кадр тоже участвует в определении отдельного целостного объекта, то есть объекта, в котором находится третье лицо и который расположен в трехмерном пространстве. Иначе говоря, сама природа трехмерного мира и природа объекта ставят границу всемогуществу и первичному нарциссизму. Утверждение свободы, которая не терпит границ, относится к двухмерности, тогда как свобода, признающая императивы кадра, относится к трёхмерности.

Этот ребенок, маниакальный и психотический, хотел, чтобы я слетела с катушек, как я отметила. Тогда бы я стала бесполезным объектом, потому что она больше не натыкалась бы на мой внутренний стержень, который позволял мне доказывать, что моя идентичность не совпадает с ее и что она не может пройти сквозь меня, как будто я — ее фантазматический двойник. Возбуждение, которое вызывают у нас маниакальные дети, связано с техникой, имеющей ту же самую цель: ребенок стремится посмотреть, что «там в животе». Если, желая ответить ребенку, чтобы его удовлетворить, мы заговорим, то сделаем ошибку, потому что ребенок не удовлетворится ничем иным, кроме того, для чего у него есть доказательства, что он сам это сделал. Он не хочет ничего принимать. Он хочет доказательств, что от него ничего не скрывают.

Этот последний пункт уже связан с размышлениями об интерпретации. Мы обратимся к этим вопросам в третьей части нашей книги.

Когда ребенок выбегает из кабинета, который, как мы видели, образует внутреннюю границу кадра, он тоже посягает на него.

Если родитель, с которым пришел ребенок, остается ждать в приемной, у ребенка велик соблазн время от времени выбегать к нему, не только когда он встревожен, но и когда испытывает внутреннее напряжение, которое он таким образом «снимает». Думая, что он потерял свой внутренний объект, он хочет удостовериться, что его реальный объект на месте. Страх потерять свой внутренний объект в этих случаях с трудом поддается анализу, потому что он снимается благодаря таким вот отыгрываниям. Это в свою очередь мешает построению контейнера при помощи аналитика и установлению границ при помощи игрового пространства.

Характерный пример атаки на рамку — ребенок, отпрашивающийся в туалет. Конечно же, речь не о тех случаях, когда туалет используется по назначению. Под этим мы имеем в виду такое использование, которое позволяет ребенку, если продолжить мысль Биона⁵⁷, не слить свою фрустрацию, но спроецировать ее в контейнер, способный ее принять. Это важное различие. Внутреннее психическое напряжение, которое рождает фрустрация, вызванная объектом — неважно, присутствует он или отсутствует — может быть спроецировано в объект таким образом, чтобы объект его контейнировал. Объект, в данном случае аналитик, наполнен переживаниями ребенка. Связь, установленная ребенком с аналитиком, позволяет ему поддерживать контакт с теми частями себя, которые сохраняют напряжение, которое ему самому на время удалось снять. Когда ребенок готов к возврату своих собственных проекций, он снова находит то, что ему принадлежало, преобразованное работой того, кто внес нечто свое в возвращение проекций. Из этого процесса Я ребенка выходит обогащенным.

Если вернуться к сравнению с туалетом, мы бы сказали, что, идя в туалет, ребенок дает аналитику вычистить, как он это психически делает во время сеанса, все то грязное и невыносимое, что ребенок находит внутри себя. Выйдя из туалета, он чувствует себя лучше. У него был опыт объекта, способного его вычистить. Это позволяет ему интериоризировать этот объект как на физическом, так и на психическом уровне. Ребенок проживает психические переживания так, как будто это физические переживания и наоборот, по-

57 Bion W.R. *Eléments de psychanalyse*. Trad. Fr. Robert. Paris: PUF, 1979.

сколько конструкция его внутреннего мира переживается со всей конкретностью.

Важный момент этого опыта состоит в том, что ребенок в определенной степени осознает, что, с одной стороны, он испытывает нужду и зависит от объекта, способного его успокоить, а, с другой стороны, что такой объект существует и что он должен постепенно интериоризировать его существование. Такая интериоризация позволяет ребенку немного расслабиться в следующий раз. Кроме того, он чуть дольше способен терпеть болезненные части себя, потому что в нем самом уже есть контейнер, который их однажды трансформировал. Его *Я-реальность* позволяет ему воспользоваться способностями своего объекта, чтобы усилить собственные способности.

В этом смысле очень показателен пример ребенка, которому нужен носовой платок. Ребенок, которого я только что описывала, сразу же попросит платок, если ему нужно вытереть нос. Он признает свою потребность и наличие объекта, который может ее удовлетворить. Ребенок, использующий туалет или объект для того, чтобы отрицать или избавиться от переживания фрустрации или от внутреннего напряжения, не будет просить платок: если он почувствует, что у него сопли, он незаметно вытрет нос рукавом или тыльной стороной руки; он даже вытрет руку, так же незаметно, о брюки или о любую ткань, которая окажется поблизости, даже не задумываясь о том, что эта ткань может быть обивкой кресла, в котором он сидит! Такой ребенок может легко вытереть руки даже о нашу одежду. Подобное поведение говорит о том, что он не осознает свою потребность и не осознает, что есть объект для ее удовлетворения: все находится под рукой, одно и то же тело производит отходы и способно их уничтожить. Тогда рукав, брюки или обивка кресла имеют статус не самостоятельных объектов, а продолжения его тела.

В этих наблюдениях за поведением ребенка мы улавливаем технические проблемы, которые дают ключ к его пониманию. Они говорят о глубинной позиции, которая включает в игру либо преобладание *Я-реальности*, либо *нарциссического Я*. Таким образом, наша реакция сообщает ребенку, что мы предлагаем ему наши способности к контейнированию, чтобы его успокоить, и что мы отказываемся — потому что именно такое техническое предписание я даю — поддерживать в нем иллюзию того, что мы являемся всего лишь продолжением его тела. Итак, что же происходит, когда ре-

бенок внезапно требует нарушить правило, чтобы пойти в туалет? Мы не можем отрицать, что желание пойти в туалет появилось у него неслучайно. Оно отнюдь не является простой потребностью справить физическую нужду. Оно зарождается в определенный момент сеанса, и мы должны понять, почему ребенок им сразу с нами делится.

Приведу пример психотического мальчика, у которого были большие проблемы с установлением связей. Всякий раз, когда этот ребенок должен был вот-вот что-то понять, установить связь между своей игрой и смыслом, который он ей придавал, как только узнавал, что он на грани того, чтобы узнать смысл интерпретации, он начинал страшно ерзать на стуле и проситься в туалет. Не приходится сомневаться в постоянстве моих интерпретаций на сей счет и количестве случаев, когда я указывала ему на связь между пониманием смысла и желанием испражниться. Я говорила ему, что то, что он понимал у себя в голове, было для него невыносимо, даже болезненно, и потому он хотел от этого избавиться, как избавляются от отходов жизнедеятельности, чтобы снова обрести покой. Этот ребенок, если воспользоваться теорией Биона, хотел удалить содержание своей психики, принявшей форму *бета*-элементов, не дожидаясь, пока они превратятся в *альфа*-элементы, способствующие зарождению мысли.

На мой взгляд, важно не всегда идти навстречу ребенку. Следует отказывать ему в этом средстве дать себе быстрое удовлетворение не сразу и не с самого начала лечения, но через некоторый промежуток времени, когда ребенок видел, что мы принимаем его состояние, в котором он хочет, чтобы мы были продолжением его тела. Ребенок будет упорствовать в своих заблуждениях, если мы слишком рано откажем ему в удовлетворении, подобно матери, не поддерживавшей порывов его первичного нарциссизма. Это техническое правило уже упоминалось в связи с разорванными рисунками и другими атаками разного порядка. Нужно смириться с тем, что придется уступать ребенку, прежде чем потребовать от него соблюдения границ. В таком случае мы предстанем в качестве гибкого и прочного контейнера, а не жесткой оболочки, которая грозит лопнуть при любом столкновении со всемогуществом ребенка.

Поскольку речь идет об испражнении, порой очень трудно устоять перед настойчивыми просьбами ребенка, утверждающего, что он сейчас описается. Требуется большой опыт для того, чтобы по-

нять, что дело совсем не в этом: ребенок и сам не знает, что может опереться на наш отказ, чтобы задуматься о том, что же происходит у него в голове вместо того, чтобы избавиться в туалете от психического содержания, деградировавшего до уровня мочи. Если ребенок был пару раз отпущен в туалет, целесообразно отказать ему в этом в третий раз. Мы знаем, что так он хочет удовлетворить свою фантазию, погрузив руки в раковину, вторгнуться в часть тела или в жизнь аналитика, которая обычно для него недоступна. Но порой трудно отказать ребенку в том, о чем он просит нас с такой убежденностью: он больше не может терпеть! В случае этого психотического ребенка я часто сталкивалась с тем, что можно назвать «туалетным шантажом». Поняв, что я твердо ему отказала — а также никак не отреагировала на его «туалетный шантаж» — ребенок успокоился и вернулся к своим размышлениям. Он снова стал прясть нить сублимации, которая только что грозила оборваться.

Итак, опыт аналитика очень важен для того, чтобы понять, с какого рода психологическим течением мы имеем дело, когда ребенок просится в туалет: действительно ли он идет туда, чтобы удовлетворить свои нужды, или же он хочет о них забыть? Ребенок знает, поняли мы или нет, по какому пути он собирается пойти. Он нуждается во взрослом, который поддержал бы его на пути сублимации своих влечений и не позволял бы ему идти обходными путями, создающими помехи для сублимации.

Целесообразно связать проблему туалета с проблемой, которую ставит агрессивность ребенка. Точно так же как аналитик должен контейнировать всю психику ребенка в целом, а, следовательно, то, что ребенок не выносит в себе самом, считает грязным и в отношении чего обращается за помощью, он должен контейнировать и его агрессивность. Последняя проявляется в разных формах. Мы уже видели, что атаки на игровой материал, кабинет и на тело аналитика совершенно недопустимы. В противном случае мы рубим сук, на котором сидим — подрываем нашу способность лечить ребенка. Когда ребенок играет в игры, в которых прорывается его агрессивность, контрперенос аналитика указывает на то, что он, аналитик, готов терпеть, а что нет. Но мы бы сказали, что это «правильная война», потому что ребенок «играет в игру»: он инсценирует свою агрессивность, а не обращает ее напрямую на аналитика.

Однако бывают случаи, когда проявления агрессивности маскируются вербальной оболочкой, которая может казаться вполне

приемлемой, поскольку, если ребенок в анализе не может делать все что угодно, то он может хотя бы все говорить. Тем не менее он может выйти за рамки того, что казалось адаптацией к символическому выражению.

Я прежде всего имею в виду крик ребенка. Звук его голоса переживается маленьким ребенком со всей конкретностью, и он может почувствовать, когда мы говорим громко или когда сердимся, что наши слова «как иголки», протыкающие ему уши, как говорится. Во время сеанса ребенок может попытаться навязать нам подобный опыт, восходящий к глубинам его личной истории. Он также может, ради самозащиты, начать выкрикивать наши собственные слова, паразитируя на нашей речи, чтобы обрести покой внутри себя и чтобы смысл, который несут наши слова, не затронул его. Все это, как я уже подчеркивала, является частью игры.

Тем не менее, наступает момент, когда проявление агрессивности ребенка пробивает брешь в нашей оболочке, созданной контрпереносом, не только потому, что в ней есть слабые места, чего нельзя отрицать, или потому, что интенсивность агрессии превышает наш порог терпимости, но потому, что он стремится разрушить сам контейнер.

Пример этого был дан ребенком, который, вместо того, чтобы проецировать на туалет ту грязь, которую он находил внутри себя, и выйти из него очищенным, использовал туалет, чтобы его пачкать: он размазывал по унитазу и по стенам свои экскременты. Объект переставал быть объектом, который его успокаивал. Это уже был объект, саму способность которого приносить утешение ребенок пытался атаковать. М.Кляйн⁵⁸ считала, что у истоков этого поступка стоит зависть к созидательной силе объекта. В данном случае это способность успокаивать ребенка. *Нарциссическое Я* ребенка уязвлено проявлением этой способности и хочет в ответ уничтожить объект, который может сделать то, чего не может сделать сам ребенок. Такой ребенок не осознает, что, дав волю своей ненависти к объекту, он сам себе нанесет вред, потому что объект, который он мог бы интроецировать, чтобы строить собственные механизмы, оказывается испорченным. Поэтому важно, чтобы аналитик сохранил свое значение.

58 Klein M. *Envie et gratitude*. Trad. V. Smirnoff. Paris: Gallimard, 1968.

Бывает, что ребенок пытается достичь этого результата исключительно силой слов. Может так случиться, что вместо того, чтобы разрядить свое раздражение, направленное против нас, он начинает нас оскорблять. Мне кажется, что в этом случае он преступает границу, которую ему не следовало бы преступать, и слова становятся тем, что нас портит, подобно тому, как он портил туалет вместо того, чтобы его использовать. Необходимо запретить ему преступать эти границы, потому что, как и в случае сломанных игрушек, у него возникнет чувство, что он уже не сможет нас «починить». Хуже того, ребенок может начать нас презирать за то, что мы не смогли заставить себя уважать — уважение в данном случае относится не к положению, а к самому статусу человека. Поэтому такого рода поступки я классифицирую как атаки на кадр.

В конце этих размышлений мы увидим, как кадр, предложенный ребенку, опирается на наше внутреннее понимание и на нашу возможность осознавать смысл границ, которые мы устанавливаем.

Список литературы

1. Adler A. *Enfant inéducable ou théorie incorrigible? Remarques sur le cas Hug* // Wiener Arbeitszeitung. 1975. Mars.
2. Athanassiou C. *Le surmoi*. Paris: PUF, 1995.
3. Athanassiou-Popesco C. *Bion et la naissance de l'espace psychique*. Paris: Papesco Edition, 1997.
4. Athanassiou-Popesco C. *Le Narcissisme: de soi à l'autre*. Lausanne Delachaux et Niestle, 2002.
5. Bick E. *L'expérience de la peau dans les relations objectales précoces* // Revue belge de psychanalyse, 1982. №1. С. 73-76.
6. Bick E. *Notes sur l'observation de bébé dans la formation psychanalytique* // Les écrits de Martha Harris et d'Esther Bick. Larmore-Plage: Ed. Du Hublot, 1998.
7. Bion W. R. *Eléments de psychanalyse* / Fr. Robert (trad.). Paris: PUF, 1979.
8. Bion W. R. *Transformations*. Trad. Fr. Robert. Paris: PUF, 1982.
9. Bion W.R. *Aux sources de l'expérience*. Heinemann, Londres. 1962. Trad. F. Robert. Paris: PUF, 1979.
10. Bion W.R. *L'attention et l'interprétation*. Trad. J. Kalmanovitch. Paris: Payot, 1974.
11. Freud A. *Le traitement psychanalytique des enfants*. Paris: PUF. 1981.
12. Freud S. (1913) *De la technique psychoanalytique*. A. Berman (trad.). Paris: PUF, 1970.
13. Freud S. *Le Moi et le Ça*. Trad. J. Laplanche et J.B. Pontalis // *Essais de psychanalyse*. Paris: Payot, 1981.
14. Freud S. *Lettre du 21.09.1897 à Wilhelm Fliess* // *Lanaïs sancède la psychanalyse — Lettres à Wilhelm Fliess*. Paris: PUF, 1956.
15. Freud S. *Trois essais sur la théorie sexuelle*. Trad. P. Koepfel. Paris: Gallimard, 1964. (Русский перевод: Фрейд З. *Очерки по психологии сексуальности*. М.: Белорусская советская энциклопедия, 1990).
16. Freud S. *L'interprétation des rêves*. Trad. I. Meyerson. Paris: PUF. 1967. Chap. 7.
17. Gammill J. *A partir de Meélanie Klein*. Lyon: Césura, 1998
18. Geissmann Cl. et P. *Histoire de la psychanalyse de l'enfant*. Paris: Bayard. 2004. P. 246.
19. Hug-Helmuth H. *A propos de la technique de l'analyse des enfants* // *Psychiatrie de l'enfant*, 1975, XVIII. № 1. P. 191-210.
20. Jung C. G. *Ueber Psychoanalyse beim Kinde* // *Gesammelte Werke*. Imago. №4. P. 231.
21. King P., Steiner R. *The Freud-Klein Controversies, 1941-1945*. London: Tavistock-Routledge, 1991.
22. Klein M. *Essais de psychanalyse*. Trad. fr. Paris: Payot, 1984.

23. Klein M. La psychanalyse des enfants. Trad. J.B. Boulanger. Paris: PUF, 1959.
24. Klein M. La vie émotionnelle des bébés // Développements de la psychanalyse. Trad. W. Baranger. Paris: PUF, 1966.
25. Klein M. Notes sur quelques mécanismes schizoïdes // Développements de la psychanalyse. Trad. W. Baranger. Paris: Payot, 1968.
26. Klein M. Envie et gratitude. Trad. V. Smirnoff. Paris: Gallimard, 1968.
27. Lebovici S. L'œuvre d'Anna Freud // Psychiatrie de l'enfant. Vol. XXVII. № 1. P. 5-34.
28. Lechevalier B. Traitement psychanalytique mère-enfant. Paris. In press, 2004.
29. Meltzer D. Le processus psychanalytique. Trad. J. Bégoïn. Paris: Payot, 1971.
30. Meltzer D. Les structures sexuelles de la vie psychique. Trad. J. et Fl. Bégoïn. Paris: Payot, 1977.
31. Rhode M., Klauber T. The many faces of Asperger's syndrome. London: Edition Kamac, 2004.
32. Vernant J.P. Mythe et pensée chez les Grecs. Paris: Ed. La Découverte, 1990.
33. Winnicott D. W. L'angoisse à l'insécurité // De la pédiatrie à la psychanalyse. Trad. J. Kolmanovitch. Paris: Payot, 1969.
34. Winnicott D.W. De la communication et de la non-communication — suivi d'une étude de certains contraires // Processus de maturation chez l'enfant. Paris: Payot, 1970.
35. Winnicott D.W. Distorsion du moi en fonction du vrai et faux self // Processus de maturation chez l'enfant. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1970.
36. Winnicott D.W. La Localisation de l'expérience culturelle // Jeu et réalité. Trad. C.I. Monod et J.B. Pontalis. Paris: Gallimard, 1975.
37. Winnicott D.W. Les souvenirs de la naissance, le traumatisme de la naissance et l'angoisse // De la pédiatrie à la psychanalyse. Paris: Payot, 1969.
38. Winnicott D.W. Objets transitionnels et phénomènes transitionnels // De la pédiatrie à la psychanalyse. J. Kalmanovitch (trad.). Paris: Payot, 1969.
39. Фрейд З. Анализ фобии пятилетнего мальчика // Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990.
40. Фрейд З. Исследования истерии // Собран. соч.: в 26 т. СПб: Восточно-европейский институт психоанализа, 2005.

Содержание

Предисловие.....	6
Часть первая. История и специфика детского психоанализа	11
А. Вопрос о технике	11
В. Специфика и история детского анализа	26
Часть вторая. Рамка детского психоанализа	45
А. Рамка первых бесед	45
А.1. Первые контакты	51
А.2. Техника первого собеседования с родителями	54
А.3. Клинический пример	68
А.4. Комментарий к клиническому примеру	80
А.5. Несколько важных советов	87
В. Работа с родителями	92
В.1. Участие родителя в лечебном процессе	93
В.2. Ребенок во взрослом	104
С. Кадр психоанализа ребенка	120
С.1. Временная рамка	123
С.2. Пространственная рамка	133
а. Кабинет.....	136
б. Игровой материал.....	146
Д. Атаки на кадр	160
Список литературы	173